

21/49
193

Копия
801-13
1806

ВОПРОСЫ КОЛОНИЗАЦІИ.

ПЕРІОДИЧЕСКІЙ СБОРНИКЪ.

подъ редакціей

Г. Ф. Чиркина и Н. А. Гаврилова.

Цѣна 2 р. 50 к.

№ 8.

1911 г.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ

С.-Петербургскій книжный магазинъ „Учебное Дѣло“.

СПБ. Петербургская стор., Большой пр., д. 6.

ное ходячество, введение частной собственности въ Сибири въ связи съ окончательнымъ землеустройствомъ мѣстнаго населенія, продажа лучшихъ участковъ, измѣненіе порядка выдачи ссудъ и проч. и проч.).

Такое совпаденіе наблюденій и выводовъ со стороны представителей правительства и общества свидѣтельствуетъ о томъ безпристрастномъ вдумчивомъ и бережномъ отношеніи къ явленіямъ нашей социально-политической жизни, какое постепенно, хотя и съ трудомъ, устанавливается въ рядахъ двухъ главныхъ творцовъ государственнаго строительства: правительства и общества...

А. Орловъ.

ЗАПИСКА

Предсѣдателя Совѣта Министровъ и Главноуправляющаго
Землеустройствомъ и Земледѣліемъ о поѣздкѣ въ Сибирь
въ 1910 году.

(Приложеніе къ всеподданнѣйшему докладу).

Важнѣйшимъ въ Сибири государственнымъ дѣломъ является переселеніе.

Богатая всѣмъ, кромѣ людей, Сибирь только въ приливъ сюда живой русской рабочей силы можетъ найти полноту хозяйственной и культурной жизни. Все остальное: быть старожиловъ, киргизъ, казаковъ, лѣсные и горные промыслы, земскія и городскія дѣла—все это представляетъ довольно неподвижную общую среду; напротивъ, переселеніе является здѣсь главной движущей силой. Подъ влияніемъ этой силы сдвигаются мѣста и перестраиваются всѣ нѣныя отношенія: къ новымъ условіямъ, создаваемымъ приходомъ переселенцевъ, должны приспособляться и захватное хозяйство старожила, и вѣковое первобытное хозяйство кочевника, и мѣстные рабочіе рынки.

Уже въ силу одной этой особенности, переселеніе заслуживаетъ и особаго вниманія правительства: оно представляетъ собою начало творческое, дѣятельное. Ходъ переселенія наложить неизгладимую печать на все экономическое будущее Сибири. Въ то же время переселеніе, по самой сути своей, дѣло сложное и суровое, сопряженное съ неизбежными жертвами и лишениями и требующее непрестанныхъ заботъ и помощи со стороны государственной власти.

Въ послѣдніе годы переселеніе привлекало къ себѣ общее вниманіе, прежде всего численнымъ своимъ ростомъ.

За 300 лѣтъ владѣнія нашего Сибирью въ ней набралось всего 4¹/₂ милліона русскаго населенія, а за послѣднія 15 лѣтъ—сразу прибыло около 3 милліоновъ, изъ нихъ болѣе полутора милліоновъ въ одно трехлѣтіе 1907—1909 годовъ. Но чувствовалось, что и въ лихорадочномъ пе-

редвиженія за Уралъ, и въ массовомъ осѣданіи переселенцевъ на новыхъ мѣстахъ далеко не все ладно, не все устроено и даже не все ясно. Толпы самовольныхъ переселенцевъ, во что бы то ни стало стремящихся въ Сибирь,—и встречный потокъ обратныхъ; безлюдность необъятныхъ сибирскихъ пространствъ — и упорныя заявленія о томъ, что для переселенцевъ тамъ нѣтъ больше земель; требованіе дальнѣйшаго немедленнаго расширенія въ десятки разъ и переселенческихъ кредитовъ, и самаго переселенія — и въ то же время сомнѣнія въ томъ, можно ли идти въ этомъ дѣлѣ даже такъ широко, какъ сейчасъ; смутное, но почти всеобщее сознаніе того, что въ государственномъ бюджетѣ нашемъ мало такихъ производительныхъ расходовъ, какъ переселенческій, — и непрерывныя, часто рѣзкія нападки на переселенческое дѣло съ самыхъ различныхъ сторонъ.

Въ этихъ противорѣчивыхъ сужденіяхъ о переселеніи, доброжелательныхъ и враждебныхъ, общимъ являлось одно: слабость положительныхъ указаній — какъ же слѣдуетъ наладить переселеніе.

Такихъ указаній правительство издавна искало и въ общественномъ мнѣніи, отъ выборныхъ и мѣстныхъ людей. Первый вопросъ русской жизни, предложенный на обсужденіе „свѣдущихъ людей“ еще въ 1881 году, былъ именно переселенческій. За послѣдніе годы уже къ непосредственному практическому дѣлу упорядоченія переселенія привлечено земство; образована особая Переселенческая коммиссія при Государственной Думѣ; силы правительственныхъ переселенческихъ учреждений напряжены до крайности. Общими усилиями сдѣлано многое: ближе выяснены земельные запасы Сибири и качество ихъ, изучено движеніе переселенцевъ, улучшены его условія, доказано отсутствіе прямой связи переселенія съ малоземельемъ на мѣстахъ выхода, выдвинуто впередъ колонизаціонное значеніе переселенія для Сибири. Но все-таки многое еще остается неяснымъ; отъ иныхъ, казавшихся вполнѣ правильными, начинаній приходится, послѣ провѣрки ихъ на опытѣ, отказываться. Въ дѣло вносятся лишь частичныя улучшенія; общая нѣрность взятаго курса продолжаетъ быть спорной.

Предпринятая нами осенью текущаго года совмѣстная поѣздка въ Сибирь и Степной край коснулась 6 уѣздовъ и 4 губерній и областей, гдѣ мы, сдѣлавъ болѣе 800 верстъ на лошадяхъ въ сторону отъ желѣзной дороги и воднаго пути, видѣли нѣсколько районовъ, весьма различныхъ по условіямъ заселенія:

- 1) плодородную сѣверную полосу киргизскихъ степей и степную часть Алтая — этой „обтѣванной земли“ для переселенцевъ;
- 2) южную часть киргизскихъ степей, обильную свободными землями, но

сравнительно бѣдную водой; при этомъ мы посѣтили пораженные засухой и двукратнымъ неурожаемъ переселенческіе поселки въ Павлодарскомъ уѣздѣ Семипалатинской области, находившіеся, по вѣтмъ имѣвшимся свѣдѣніямъ, въ худшихъ едва ли не въ самыхъ бѣдственныхъ, условіяхъ во всемъ Степномъ краѣ;

3) лѣсостепную полосу, ближайшую къ Сибирской желѣзной дорогѣ, и

4) Маринскую тайгу, на границѣ Енисейской губерніи, одну изъ труднѣйшихъ для заселенія мѣстностей въ средней Сибири.

Сдѣланные нами во время поѣздки наблюденія и выводы вкратцѣ представлены ниже.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Движеніе переселенцевъ.

Настоящій годъ, послѣ трехлѣтняго напряженнаго роста переселенія, Уменьшеніе переселенческаго движенія въ 1910 г. есть годъ нѣкотораго уменьшенія переселенческаго движенія. Съ 1 Января по 1 Сентября прошло за Уралъ 323 тысячи человекъ переселенцевъ. Въ прошломъ году за то же время прошло почти вдвое больше — 639 тысячъ. Пониженіе, вѣроятно все, объясняется двойнымъ влияніемъ: неурожая въ Сибири и двухлѣтняго хорошаго урожая въ Европейской Россіи.

Какъ бы то ни было, временное затиханіе въ переселенческомъ движеніи несомнѣнно; но въ общемъ ходѣ вещей это имѣетъ и свои положительныя стороны. Небывалый подъемъ переселенія за послѣдніе годы привелъ къ тому, что правительственная организація не поспѣвала за ростомъ переселенческаго дѣла. Хотя кредиты переселенческой смѣты и увеличились за послѣднія пять лѣтъ въ пять разъ, съ 5 до 25 милліоновъ рублей, а число мѣстныхъ переселенческихъ служащихъ возросло съ 800 человекъ до 3 тысячъ, все же и этихъ силъ не хватало. Неуспѣвали отводить вѣтмъ участки, строить дороги, колодцы, врачебно-продовольственные пункты. Для того, чтобы перевозить переселенцевъ безъ задержекъ и скопленія въ узловыхъ станціяхъ, пришлось установить стѣснительныя очереди перевозки. И все же половина переселенцевъ шла вѣтмъ установленныхъ рамокъ, на авось, не въ очередь, по дороговому тарифу, не заручившись землей, не имѣя на рукахъ переселенческихъ документовъ. Такихъ неуроченныхъ „самовольныхъ“, сильно осложнившихъ вѣтмъ планы перевозки переселенцевъ и водворенія ихъ въ Сибирь, набралось теперь за Ураломъ

около 700 тысяч душ: они живут здесь в качестве арендаторов и рабочих на землях старожилов и других переселенцев, получивших установленные надѣлы, но положеніе ихъ часто крайне тяжелое. Многие, потерявъ надежду когда-либо устроиться въ Сибирѣ въ качествѣ самостоятельныхъ хозяевъ, вынуждены возвращаться на родину. Сокращеніе общаго наплыва переселенцевъ въ текущемъ году даетъ возможность устроить хотя бы часть такихъ самовольныхъ, отвѣда подъ ихъ водвореніе вновь заготовленные и оставшіеся незанятыми участки, и вообще позволить многое въ переселенческомъ дѣлѣ подогнать и распутать: временно дана передышка.

Намъ не пришлось видѣть въ этомъ году переселенческаго движенія въ его разгарѣ—въ весеннюю пору. Ко времени нашего прибытія движеніе уже схлынуло; шли только рѣдкіе переселенческіе поѣзда. По пути нами осмотрѣны врачебные переселенческіе пункты въ Пензѣ, Челябинскѣ, Омскѣ, Петропавловскѣ, Ново-Николаевскѣ и Камнѣ, понемногу расширяемые, пополняемые новыми зданіями и образующіе всеболѣе густую сѣть по линіямъ движенія переселенцевъ. При этомъ въ Челябинскѣ невольно бросались въ глаза, рядомъ съ новыми, просторными и свѣтлыми зданіями, сохранившіеся еще остатки старыхъ, тѣсныхъ и низкихъ переселенческихъ барачковъ; тѣ и другіе какъ бы представляли собою убогое прошлое переселенческаго дѣла и начало его лучшаго будущаго.

Условія перевозки за послѣдніе годы улучшились. Скорость переселенческихъ поѣздовъ увеличена, введены опредѣленные расписанія; на сибирской дорогѣ появились въ обращеніи новые переселенческіе вагоны пассажирскаго типа; за послѣдніе четыре года число остановочныхъ переселенческихъ пунктовъ на линіяхъ передвиженія увеличено вдвое: теперь ихъ около сотни. Кромѣ того военное вѣдомство уступаетъ для пользованія переселенцевъ свободныя воинскія приспособленія: вагоны-кухни, прачечныя и т. п.

Санитарныя условія передвиженія переселенцевъ сносны; объ этомъ можно судить уже по тому, что съ 1908 года—времени появленія въ Европейской Россіи холеры—и до сихъ поръ среди переселенцевъ холерной эпидеміи не было. Между тѣмъ отдѣльные случаи обнаруженія въ переселенческихъ поѣздахъ холерныхъ, вскорѣ послѣ посадки, бывали (въ 1909 году—три случая,—въ 1910 году—также три), но развиться эпидеміи не дали. Во время нашей поѣздки во многихъ сибирскихъ городахъ городскіе холерные бараки были полны больными, тогда какъ въ теплушкахъ и на переселенческихъ пунктахъ холерныхъ не было. А казалось бы,

гдѣ холерѣ найти лучшую болѣе легкую добычу, какъ не въ средѣ переселенческой бѣдноты, истощенной продолжительнымъ переѣздомъ.

Конечно, того, что сдѣлано для улучшенія условій движенія, далеко недостаточно: въ этой области многое еще предстоитъ сдѣлать, въ особенности по части рѣчного движенія, представляющаго теперь большое мѣсто. Но все же не здѣсь самыя жгучія, самыя неудовлетворенныя потребности переселенческаго дѣла. Перевозка переселенцевъ по Европейской Россіи и вообще по желѣзнымъ дорогамъ проходить у всѣхъ на глазахъ, и только оттого она и привлекаетъ наибольшее вниманіе. Забываютъ при этомъ обычныя условія, въ которыхъ живутъ переселенческіе семьи на родинѣ и будутъ жить въ Сибирѣ. Въ пути многіе находятъ непривычныя даже удобства. Предстоящій, согласно постановленію Государственной Думы, отпускъ 48 милліоновъ рублей на постройку улучшенныхъ вагоновъ для переселенцевъ имѣетъ несомнѣнное значеніе потому, что тѣ же вагоны нужны и для перевозки войскъ: по въ переселенческомъ дѣлѣ, при общей бѣдности переселенческаго бюджета, когда на самое главное—заготовку участковъ—тратится всего 4 милліона рублей, а вся переселенческая смѣта укладывается въ 25 милліоновъ, затрата 48 милліоновъ рублей на предоставленіе лишь большихъ удобствъ въ пути—едва ли задача переовой очереди. Переѣздъ совершенъ разъ—и забудется. Насущно важно въ этомъ отношеніи только сократить время переѣзда и сберечь денежные средства переселенческой семьи, чтобы не обезсилить ее, еще до прихода на новыя мѣста, въ пути.

Это послѣднее соображеніе побуждаетъ высказаться противъ стоящаго теперь на очереди уничтоженія льготнаго переселенческаго тарифа. Споръ о переселенческомъ тарифѣ.

Въ вопросѣ о тарифѣ собственно двѣ стороны. Одна—это обязательность для желѣзныхъ дорогъ перевозки переселенцевъ на условіяхъ для дорогъ убыточныхъ, другая—количество тѣхъ переселенцевъ, которымъ предоставляется право пользованія льготнымъ желѣзнодорожнымъ проѣздомъ.

Дороги насчитываютъ до 7¹/₂ милл. руб. убытковъ отъ льготнаго переселенческаго тарифа. Убытки эти могутъ быть очевидно болѣе или менѣе, въ зависимости отъ тѣхъ распоряженій и правилъ, на основаніи которыхъ переселенцамъ выдаются свидѣтельства на проѣздъ по льготному тарифу. Сокращеніе убытковъ желѣзнодорожной перевозки переселенцевъ, поэтому, достижимо измѣненіемъ не только самыхъ тарифныхъ ставокъ, но и порядка пользованія этими ставками.

Въ этомъ отношеніи введенный въ послѣднее время надзоръ за выдачею льготныхъ свидѣтельствъ сильно уменьшилъ обращеніе послѣднихъ. По

Условія перевозки переселенцевъ.

свидѣтельству начальника Сибирской дороги, въ нынѣшнемъ году, одновременно съ сокращеніемъ переселенческаго движенія по льготнымъ билетамъ, возрасло на этой дорогѣ число пассажировъ III и особенно IV кл., въ разрядъ которыхъ безъ сомнѣнія перешли многіе крестьяне, ранѣе легко выхлопавшіе себя на мѣстахъ выхода переселенческой тарифъ.

Простое рѣшеніе вопроса о переселенческомъ тарифѣ путемъ замѣны его тарифомъ IV класса совершенно неприемлемо.

Ущербъ, который потерпятъ переселенческія семьи, въ случаѣ примѣненія къ нимъ общаго тарифа IV класса (разница, въ среднемъ, около 80 рублей на семью), составитъ въ скудномъ бюджетѣ переселенческой семьи гораздо болѣе грозную величину, чѣмъ составляютъ 7¹/₂ миллионъ рублей, изъ которыхъ 6 миллионъ рублей приходится къ тому же на казенныя дороги, въ колоссальномъ желѣзнодорожномъ бюджетѣ. Въ частности, стоимость переселенія одной семьи на Дальній Востокъ поднялась бы до 400 рублей. Это значило бы погубить заселеніе дальневосточной окраины, имѣющее столь важное теперь государственное значеніе. Между тѣмъ, желѣзныя дороги, даже и частныя, не могутъ быть приравнены къ предпріятіямъ исключительно частнаго характера. Онѣ неизбѣжно участвуютъ и въ выгодахъ, и въ расходахъ общегосударственнаго характера. Многія желѣзнодорожныя линіи, несомнѣнно, выиграютъ отъ заселенія Сибири и развитія между ней и Европейской Россіей товарообмѣна; поэтому онѣ могли бы участвовать и въ расходахъ на переселеніе. Кромѣ того переселенцевъ везутъ, по большей части, все-таки въ теплушкахъ, а не въ классныхъ вагонахъ IV класса, такъ что извѣстная скидка въ тарифѣ даже справедлива.

Желательнымъ рѣшеніемъ вопроса является сохраненіе въ правилахъ желѣзнодорожнаго движенія нынѣшняго переселенческаго тарифа, но ограниченіе его примѣненія, какъ въ отношеніи перевозки ходоковъ и переселенцевъ, такъ и ихъ клади, особыми правилами о пользованіи этимъ тарифомъ, въ соотвѣтствіи съ политикою правительственнаго поощренія переселенія въ извѣстную мѣстность.

Съ этой точки зрѣнія, предоставивъ всѣмъ одинокимъ ходокамъ, куда бы они ни направлялись для предварительнаго зачисленія земли, льготный, — хотя бы и нѣсколько выше существующаго, — тарифъ, на примѣръ, въ размѣрахъ воинскаго, слѣдуетъ подраздѣлить все остальное переселенческое движеніе на три группы.

Къ первой будутъ отнесены самостоятельныя семьи, водворяющіяся въ лучшихъ районахъ на участкахъ, которые будутъ отводиться тамъ для про-

дажи. Семьи эти могутъ оплатить перевозку по IV классу. Вторую группу составятъ главный контингентъ нынѣ пользующихся льготами переселенцевъ, занимающихъ переселенческіе участки въ тѣхъ мѣстностяхъ Западной Сибири, заселеніе которыхъ не представляетъ затрудненій по обилію охотниковъ на эти земли и скорѣйшее заселеніе которыхъ не имѣетъ особаго значенія для охраны государственныхъ границъ. Вся эта группа должна пользоваться для перевозки и людей, и грузовъ пониженнымъ тарифомъ, ставки котораго могутъ быть, однако, приравнены къ оплатѣ воинскихъ перевозокъ. Наконецъ, въ третью группу, для которой необходимо сохранить дѣйствующій льготный тарифъ, попадутъ всѣ переселенцы, наиболѣе соотвѣтствующіе понятію покровительствуемыхъ правительствомъ „колониствова“ новыхъ земель. Это хозяева, идущіе въ трудно заселяемыя, отдаленныя отъ жилой полосы, таежныя мѣстности и на самыя границы государства, будутъ ли это дальневосточныя области, или приграничная часть Западной Сибири.

Такимъ образомъ, учрежденія, заведующія выдачей льготныхъ свидѣтельствъ на мѣстахъ выхода, должны будутъ, при передвиженіи семейныхъ переселенцевъ на зачисленныя или купленныя ими земли, сообразовать такую выдачу съ правилами, въ силу которыхъ покупка или зачисленіе участковъ въ той или другой части Сибири будутъ сопряжены съ той или иной льготой по желѣзнодорожному проѣзду.

Но проектируемыя измѣненія переселенческаго тарифа, изъ осторожности, слѣдовало бы ввести лишь въ 1912 году, предоставивъ всѣмъ переселенцамъ будущаго года осуществить задуманный ими переездъ въ тѣхъ условіяхъ, которые были имъ извѣстны при зачисленіи въ текущемъ году участковъ.

Рѣчная перевозка переселенцевъ потребуетъ, повидимому, особыя приплатъ казны. Въ настоящее время переселенцы, идущіе на Алтай и въ киргизскія степи по Оби и Иртышу, перевозятся болѣею частью на тѣсныхъ и ветхихъ товарныхъ баржахъ. Подолгу имъ приходится ждать парохода, иногда даже подъ открытымъ небомъ. Въ Омскѣ на пристани мы видѣли, рядомъ съ небольшимъ переселенческимъ баркомъ, заколоченный теперь деревянный сарай, который весной этого года, во время усиленной перевозки переселенцевъ, занимался Переселенческимъ Управленіемъ для того, чтобы защитить отъ дождя скопившіяся на берегу и не помѣстившіяся въ баракъ семьи переселенцевъ. Договоры о перевозкѣ ежегодно заключаемые Переселенческимъ Управленіемъ съ различными частными предпринимателями, для которыхъ переселенцы съ ихъ громоздкою

кладью—грузъ не очень выгодный и очень хлопотливый, соблюдаются плохо.

Въ послѣднее время все чаще слышится, поэтому, пожеланіе о томъ, чтобы Переселенческое Управление завело свои рѣчные флотиліи—свои пароходы и караваны баржей. Одинъ пароходъ на Амурѣ и нѣсколько баржей (также на Амурѣ и на Оби) у Переселенческаго Управленія уже есть. Но широко развивать свое пароходство Управление не въ состояніи; его дѣятельность и такъ уже чрезмѣрно осложнена самыми разнообразными задачами; одно и то же небольшое учрежденіе строить церкви, дороги, больницы, колодцы, отводить участки, провѣдывать почвенно-ботаническія изслѣдованія, устраивать старожиловъ, инородцевъ, даже казаковъ—словомъ, поневолѣ вѣдаетъ чуть ли не всю Сибирь. Изъ скромнаго переселенческаго отдѣленія при Земскомъ Отдѣлѣ въ нѣсколько лѣтъ развилось учрежденіе, которое по обилію и разнообразію дѣла правильнѣе было бы назвать стариннымъ именемъ „Сибирскаго Приказа“. Если этому учрежденію, оставивъ его въ нынѣшнемъ видѣ и размѣрахъ, „приказать“ завести еще свой рѣчной флотъ и взяться за организацію водяныхъ сообщеній, то оно можетъ и не справиться.

Правильнѣе не возлагать на Переселенческое Управление постройки переселенческихъ пароходовъ, какъ не возлагается на него и постройка желѣзныхъ дорогъ, а остаться на почвѣ договоровъ съ частными пароходовладѣльцами, заключаемыхъ при содѣйствіи мѣстнаго округа водныхъ путей. Слѣдуетъ только превратить эти договоры въ долгосрочные и, обезпечивъ переселенцамъ необходимыя удобства, вмѣстѣ съ тѣмъ обезпечить и предпринимателямъ достаточную выгодность перевозокъ, хотя бы путемъ приплатъ по переселенческой смѣтѣ.

Необходимо, конечно, и другое: нужно развивать казенное и частное рѣчное пароходство въ Сибирѣ. Громадныя сибирскія рѣки, вполнѣ пригодныя для судоходства и остающіяся почти мертвыми, должны быть использованы и какъ могучія артеріи заселенія, и какъ дешевые пути сообщенія. Постройка судовъ и организація правильныхъ рейсовъ составляютъ большое государственное дѣло въ Сибирѣ, на которое не слѣдовало бы жалѣть денегъ.

Въ переселенческомъ движеніи текущаго года, наряду съ уменьшеніемъ числа переселенцевъ, необходимо отмѣтить одновременное повышеніе уровня ихъ состоятельности. Оно выразилось уже въ обиліи въ этомъ году переселенческаго скарба; число вагоновъ съ переселенческой кладью въ 1910 году превзошло число вагоновъ съ людьми. За первое полугодіе черезъ

Сызрань прошло 9 тысячъ вагоновъ съ людьми и 13¹/₂ тысячъ вагоновъ кладь. Сравнительная зажиточность переселенцевъ этого года отмѣчена также въ нѣсколькихъ порайонныхъ комитетахъ желѣзныхъ дорогъ и въ Челябинскѣ. Здѣсь могло сказаться вліяніе облегченныхъ указомъ 9 Ноября условій ликвидаціи надѣльных земель на родинѣ и возможности залога надѣловъ въ Крестьянскомъ Банкѣ. А, можетъ быть, проникаетъ въ крестьянскую среду и общее сознаніе того, что на переселеніе лучше подниматься съ деньгами, а если денегъ нѣтъ, то его отложить.

Положительной чертой движенія этого года является также меньшій процентъ „самовольныхъ“: они составляютъ уже не половину всѣхъ переселенцевъ, какъ бывало въ послѣдніе годы, а менѣе трети; двѣ трети переселенцевъ идутъ на зачисленные земли.

Печальная сторона—это увеличеніе обратнаго движенія въ текущемъ году изъ Сибирѣ. Число семейныхъ обратныхъ на 1 Сентября превысило уже 50 тысячъ—на 14 тысячъ болѣе прошлаго года. До извѣстной степени это объясняется все той же общей причиной, повліявшей на сокращеніе размѣровъ переселенія: неурожаемъ въ Сибирѣ—при урожаѣ въ Европейской Россіи. Земледѣльская тяга за Уралъ временно сокращается, и развивается тяга изъ-за Урала. Но преобладаніе въ средѣ обратныхъ переселенцевъ такъ называемыхъ „самовольныхъ“, не добившихся полученія въ Сибирѣ участковъ, несмотря на всѣ ихъ усилія и просьбы, побуждаетъ думать, что неблагоприятное вліяніе на ходъ переселенія имѣла и примѣнявшаяся въ послѣдніе годы, не вполнѣ удачная, система „организованнаго“ переселенія.

Основная мысль этой системы была слѣдующая. Въ лучшихъ районахъ Западной Сибирѣ—на Алтаѣ и въ киргизской степи—переселенческихъ участковъ съ 1907 года не хватало и для одной десятой части желающихъ. Поэтому, во избѣжаніе наплыва туда большого числа ходоковъ, заведомо обреченныхъ на неудачу, рѣшено было ограничить ходаческое движеніе, согласовать его съ размѣрами земельныхъ запасовъ. Къ подбору ходоковъ были привлечены мѣстныя силы, въ лицѣ земствъ и землеустроительныхъ комиссій, которымъ поручено при этомъ тѣснѣе связать выселеніе за Уралъ съ землеустройствомъ остающихся на родинѣ.

Но это съ неизбежностью повлекло за собою необходимость опредѣлять ежегодно впередъ: какое же число ходоковъ и куда именно слѣдуетъ направлять изъ данной губерніи. Такъ сложилась система заблаговременнаго распредѣленія фонда. Ежегодно совѣтовавшись съ мѣстными людьми и нерѣдко приглашая ихъ въ Петербургъ, Переселенческое Управление

Увеличеніе обратнаго движенія.

Дѣйствующая система организованнаго переселенія и необходимость ея отмѣны.

Движеніе 1910 года; повышеніе уровня состоятельности переселенцевъ и уменьшеніе числа самовольныхъ.

опредѣляло, въ какомъ сибирскомъ районѣ и сколько именно душевыхъ долей назначить каждой губерніи Европейской Россіи. Затѣмъ разверстка положеннаго числа долей между отдѣльными уѣздами, внутри губерній, производилась уже на мѣстѣ. Такимъ образомъ каждый уѣздъ Европейской Россіи располагалъ только строго опредѣленнымъ числомъ душевыхъ переселенческихъ надѣловъ въ опредѣленныхъ мѣстностяхъ Сибири. На эти доли и снаряжались затѣмъ партіи ходоковъ, причемъ въ партіи попадали только тѣ, кто былъ избранъ для этого землеустроительной комиссіей или земствомъ.

Эта, стройная съ виду, система не дала, однако, положительныхъ результатовъ. Всѣ экономическія причины, дѣлавшія Алтай и киргизскія степи излюбленными районами для переселенцевъ, остались въ силѣ. При почти равныхъ размѣрахъ земельныхъ надѣловъ и почти равныхъ денежныхъ ссудахъ, на Алтай можно было получить даромъ великолѣпную „кабинетскую“ землю, а гдѣ-нибудь на сѣверѣ Иркутской губерніи—глухой таежный участокъ. Понятно, что охотниковъ гораздо больше было на алтайскія доли. Но отъ мѣстной землеустроительной комиссіи они въ большинствѣ случаевъ получали отказъ или предложеніе ѣхать совѣтъ въ другіе районы. Ходоки оставались дома или, соглашаясь ѣхать въ Иркутскую губернію, высаживались по дорогѣ—въ Томской или, осматривъ навязанные имъ участки, отказывались отъ зачисленія и ни съ чѣмъ не возвращались обратно; или, наконецъ, махнувъ рукой на землеустроительную комиссію и на всѣ переселенческіе порядки, поднимались на переселеніе сразу съ семьей, за свой страхъ и рискъ, безъ документовъ, по дорожному тарифу.

Теперь, послѣ трехлѣтняго опыта, можно установить, что организованное ходачество не достигло даже ближайшей своей цѣли: предупредить безрезультатное ходачество. Какъ это бывало и ранѣе, при свободѣ ходачества, такъ и теперь, при дѣйствіи новой системы, въ 1908 и 1909 годахъ только 30% ходоковъ вернулись, зачисливъ за собою землю; 70% приплыли ни съ чѣмъ. Но тогда какъ раньше, при свободѣ ходачества и неограниченномъ числѣ ходоковъ, участки къ концу года разбирались не тѣми, такъ другими,—годы дѣйствія системы выдвинули новое явленіе: „неиспользованный фондъ“. Конечно, извѣстное значеніе могло имѣть и неизбежное съ годами пониженіе качества отводимыхъ участковъ; лучшія земли разбираются, и постепенно очередь доходить до земель худшихъ. Но отрицательное вліяніе системы распредѣленія фонда ясно изъ того, что въ самыхъ лучшихъ сибирскихъ районахъ, привлекавшихъ столько жадныхъ

взоровъ, участки подолгу оставались „связанными“ въ ожиданіи назначенныхъ имъ ходоковъ и частью вовсе неиспользованными до новаго лѣтняго періода. Такъ было и въ 1908, и въ 1909, и въ 1910 годахъ; въ то же время въ гораздо болѣе трудныхъ дальневосточныхъ районахъ, куда было сохранено свободное ходачество, зачисленіе шло несравненно успѣшнѣе: въ Амурской области, напримѣръ, къ 1910 году осталось неиспользованнаго запаса не болѣе 39%.

Наконецъ, самымъ печальнымъ изъ послѣдствій организованнаго ходачества было ухудшеніе условій самовольнаго *семейнаго* переселенія въ Сибирь и невозможность устраивать тамъ самовольныхъ переселенцевъ даже на пустующихъ участкахъ, обещанныхъ организованнымъ ходокамъ. Нерѣдко—по прошествіи полугода или года—за неприбытіемъ или отказомъ назначеннаго ходока, участки доставались все-таки самовольнымъ переселенцамъ, но уже послѣ того какъ они были и нравственно и денежно обезсилены. Многія семьи такъ и не могли дожидаться устройства и возвращались назадъ, пополняя ряды обратныхъ. Обратное движеніе и этого и прошлаго года на двѣ трети состояло изъ такихъ обездоленныхъ самовольныхъ.

Такимъ образомъ система организованнаго переселенія на заранѣ назначенныя доли, имѣвшая сначала столько горячихъ сторонниковъ и на мѣстахъ, и въ Государственной Думѣ, и въ печати, принесла многія разочарованія, оказавшись едва-ли не хуже старой народной „системы“—„брести врознь“. Самая идея ходачества—поискъ подходящей земли—оказалась искаженной: ходокъ былъ связанъ заранѣе назначенной ему землей. При этомъ отдалялось полученіе земли тѣми, кто охотно ее взялъ бы и кому она дѣйствительно была нужна, въ ущербъ и имъ, и общему народному хозяйству.

Частичными поправками улучшить систему организованнаго ходачества трудно; въ ней есть основной порокъ нежизненности, непрактичности. Недаромъ она такъ тяготитъ самихъ переселенцевъ, да и переселенческихъ чиновниковъ, непосредственно работающихъ въ Сибири и воочію видящихъ, какъ тѣснитъ эта система живое переселенческое дѣло. Въ послѣднее время такое же сознаніе начинаетъ усиливаться и на мѣстахъ выхода переселенцевъ, въ землеустроительныхъ комиссіяхъ и въ земской средѣ.

Система организованнаго ходачества должна быть отиѣнена, и переселеніе должно сохранить главное свое драгоцѣнное свойство естественнаго процесса въ русской народной жизни. Это не значитъ, конечно, что должно торжествовать начало невмѣшательства государства въ развитіе пере-

селений. Можно и должно стремиться къ упорядоченію переселенія, но нельзя начинать это упорядоченіе съ виѣшней регламентаціи выхода и движенія переселенцевъ. Вопросы движенія—вопросы производные; нужно идти глубже. Достигнуть болѣе равномернаго или, вообще, желательнаго для государства распредѣленія переселенцевъ по отдѣльнымъ сибирскимъ районамъ можно только однимъ путемъ: измѣненіемъ условій водворенія и хозяйства переселенцевъ въ этихъ районахъ. Если же всѣ хозяйственныя условія притягиваютъ переселенцевъ исключительно въ западный, степной районъ, въ которомъ сохраняются при томъ обычные правительственныя льготы, то никакими запрещеніями и расписаніями переселенческаго движенія по другимъ районамъ многого добиться нельзя. Нужно сдѣлать поселеніе въ тѣхъ мѣстностяхъ, куда желательно привлечь переселенцевъ, болѣе выгоднымъ, или хотя бы настолько же выгоднымъ какъ и въ тѣхъ мѣстностяхъ, откуда необходимо оттянуть часть переселенческаго потока, и затѣмъ предоставить переселенцамъ и ходамъ свободу выбора.

Въ этомъ вопросѣ, какъ и во многихъ другихъ, допущенныя ошибки вѣрѣе всего объясняются неправильной оцѣнкой отдѣльныхъ сторонъ переселенія. Искусственнымъ приемамъ регламентаціи и опеки, инструкціямъ и циркулярамъ, опредѣлявшимъ правила движенія, зачисленія и водворенія, — вообще всей „техникѣ“ переселенческаго дѣла, — придавалось несоотвѣтствующее значеніе. Слишкомъ настойчиво требовали виѣшняго „упорядоченія“, „планомѣрности“ переселенія, слишкомъ много спорили и писали о переселенческой политикѣ, тогда какъ это — такое глубокое и сложное явленіе народной жизни, которое меньше, чѣмъ что-либо иное, поддается заранѣе придуманнымъ рецептамъ.

Значеніе регламентаціи переселенія.

Между тѣмъ, какъ ни велико государственное значеніе переселенія въ смыслѣ охраны границъ, подъема жизнѣдѣтельности окраинъ, вовлеченія ихъ въ общій хозяйственный оборотъ страны, смягченія аграрныхъ затрудненій въ Европейской Россіи — но люди, живые люди, дѣлающіе въ массѣ своей переселенческое дѣло, идутъ въ Сибирь, ломая старую жизнь и строя новую, каждый въ отдѣльности не для того, конечно, чтобы облегчить аграрныя затрудненія или послужить оплотомъ русской государственности на окраинахъ; ихъ цѣль — выгодноѣ, лучше устроиться въ Сибири, чѣмъ жилось имъ на родинѣ. Помочь имъ въ достиженіи этой непосредственной ихъ цѣли, можетъ быть, и есть лучший способъ обезпечить достиженіе всѣхъ государственныхъ интересовъ, связанныхъ съ переселеніемъ. Напротивъ того, попытки овладѣть переселеніемъ и всецѣло подчинить его руководящей волѣ какимъ-либо инымъ путемъ, нарушающимъ хозяйственныя

расчеты самихъ переселяющихся, не обречены ли неминуемо на крушеніе? Естественное развитіе переселенія необходимо именно въ виду государственной его важности.

„Какъ дерево безъ коры должно высохнуть“, говоритъ записка одного изъ китайскихъ сановниковъ, недавно представленная Богдыхану, „такъ и государство безъ крѣпкихъ границъ перестаетъ быть державой“. Дѣйствительная мѣра къ укрѣпленію границъ одна — заселеніе малолюдныхъ окраинъ.

Переселеніе — естественный процессъ.

Приливъ на окраину переселенцевъ, какъ живыхъ соковъ, долженъ образовывать и у насъ въ Сибири плотную живую кору русского дерева. Но для того, чтобы это обрастаніе корой шло успѣшно, необходимо, чтобы переселеніе не подвергалось искусственнымъ и насильственнымъ опытамъ. Свободное теченіе переселенческаго движенія за Уралъ — лучшее къ этому средство.

Съ возвращеніемъ къ свободѣ ходачества на правительствѣ должны лежать двѣ обязанности: 1) освѣдомить населеніе о запасахъ участковъ и условіяхъ водворенія въ различныхъ районахъ Сибири и 2) поощрять болѣе низкимъ тарифомъ, а главное — болѣе широкою помощью при водвореніи, направленіе переселенцевъ преимущественно въ трудно заселяемыя или приграничныя мѣстности.

Переходъ отъ даровой раздачи переселенческихъ участковъ къ назначенію денежной платы за землю въ лучшихъ, переполняемыхъ теперь переселенцами районахъ Западной Сибири вѣрѣе всякихъ иныхъ мѣръ по упорядоченію ходачества и переселенія ограничить наплывъ сюда ходоковъ и семейныхъ переселенцевъ.

Дорога въ Западную Сибирь, въ степь и на Алтай давнымъ давно уже проторена переселенцами; все здѣсь хорошо извѣдано и извѣстно на мѣстахъ самаго выхода переселенцевъ; дальнѣйшее заселеніе этой части сибирскаго запада можно поэтому въ большей мѣрѣ предоставить личной хозяйственной энергіи переселенцевъ, чѣмъ это допускалось до сихъ поръ.

Для этихъ мѣстностей, въ которыхъ могутъ устраиваться люди на покуюннй землѣ, можно вовсе не требовать обязательнаго, довольно дорогаго, предварительнаго ходачества. И если переселенецъ сразу пріѣхалъ съ семьей на свой счетъ, нашелъ землю и смогъ внести за нее задатокъ, то его сразу же можно будетъ здѣсь и устроить.

Желательный порядокъ ходачества.

Какъ сама русская жизнь выдвинула когда-то своеобразный типъ острожного ходока, идущаго впередъ семьи, такъ она же сама начинаетъ его понемногу для ближайшихъ къ Европейской Россіи районовъ и упразднить.

Выдвигается новый тип „самовольного семейного ходока“, для которого двойной переѣздъ въ Сибирь—сначала одному, потомъ съ семьей—кажется и слишкомъ дорогимъ и ненужнымъ.

Личный выборъ участка такимъ семейнымъ ходокомъ едва ли не лучше обеспечиваетъ интересы его семьи, чѣмъ допускаемое теперь зачисленіе за одиночнымъ ходокомъ земли для трехъ и даже десяти другихъ семей. Кроме того, извѣстное поощреніе предварительнаго одиночнаго ходачества сохранится и при предполагаемомъ порядкѣ: тотъ, кто сначала пойдетъ въ Западную Сибирь ходокомъ, получить возможность перевезти впоследствии свою семью по льготному тарифу; тотъ же, кто сразу пойдетъ съ семьей, повзвѣстъ на свой счетъ и рискъ.

Для районовъ Средней и Восточной Сибири, заселяющихся медленно, и для приграничной полосы Азіатской Россіи переселеніе слѣдуетъ поставить не только въ болѣе льготныя, въ смыслѣ дешевизны проѣзда, условія, но сюда вполне цѣлесообразно поощрить движеніе ходоковъ какъ изъ Европейской Россіи, такъ и изъ числа жителей Западной Сибири, болѣе закованныхъ въ борьбѣ съ природой и нерѣдко стремящихся уйти съ сибирскаго запада въ глубь еще большаго простора восточно-сибирскихъ пустынь и лѣсовъ.

Во всякомъ случаѣ, по всей Сибири необходимо теперь же возстановить свободу ходачества. Конечно, и въ этомъ порядкѣ есть свои и, быть можетъ, существенныя неудобства. Какъ показалъ опытъ, за несдерживаемымъ потокомъ ходоковъ, особенно при равенствѣ въ распредѣленіи земель между ходоками и семейными-самовольцами, слѣдуетъ иногда и широкая волпа этихъ „самоходовъ“, берущихъ съ собой въ рискованный путь всю семью. Нельзя поэтому не предвидѣть возможности повторенія извѣстныхъ затрудненій желѣзнодорожной перевозки, скопленій переселенцевъ въ пути.

Но изъ желательныхъ улучшеній дѣла надо ограничиваться возможнымъ. Цѣль—лучше обезпечить устройство переселенцевъ на мѣстѣ—важнѣе опасеній временныхъ неудобствъ при ихъ перевозкѣ.

При выборѣ между нѣсколькими ходоками и переселенцами, желающими получить одинъ и тотъ же участокъ, переселенческая организація можетъ руководиться: временемъ прибытія, отдавая предпочтеніе раньше пришедшимъ, а въ мѣстностяхъ, гдѣ будетъ производиться продажа переселенческихъ участковъ,—еще и размѣрами предлагаемыхъ въ счетъ покупной цѣны задатковъ. При этомъ едва ли есть основанія опасаться особыхъ неурядицъ и чрезмѣрнаго наплыва ходоковъ въ однѣ и тѣ же мѣстности: въ лучшихъ районахъ естественнымъ ограниченіемъ прилива

ходоковъ явится продажа участковъ и требованіе задатковъ, а въ худшихъ и болѣе трудныхъ—можно скорѣе ожидать недостатка, чѣмъ опаснаго избытка засельщиковъ.

Высказываясь за свободу ходачества и даже настаивая на этомъ новшествѣ, воскрешающемъ, въ сущности, „старину“ переселенческаго дѣла, нельзя не оговориться, что, при всей желательности свободнаго ходачества, все же не въ немъ и, вообще, не въ тѣхъ или иныхъ порядкахъ *передвиженія* переселенцевъ—ключи къ правильной постановкѣ переселенческаго дѣла. Ключей этихъ надо искать за Ураломъ, въ условіяхъ *заселенія*.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Сибирскія земли и переселенческіе участки.

Запасы свободныхъ земель за Ураломъ, количественно, конечно, громадны; плотность сибирскаго населенія (0,7 человекъ на квадратную версту) ничтожна. Сколько бы земель ни зачислять въ неудобныя или недоступныя еще для заселенія, но на пространствѣ отъ Урала до Тихаго океана, между шестидесятой земледѣльческой параллелью и южными широтами, близкими къ широтамъ Кавказа и Крыма, еще есть гдѣ развѣститься пришлому земледѣльческому люду.

Достаточно отъѣхать хотя бы надалеко въ сторону отъ Сибирской желѣзной дороги, даже въ наиболѣе населенныхъ уѣздахъ Западной Сибири (Петропавловскомъ, Барнаульскомъ, Томскомъ), для того, чтобы сразу охватило впечатлѣніе шири, простора, рѣдкаго еще населенія. Между тѣмъ заявленія о недостаткѣ свободныхъ земель для переселенія часто подкрѣпляются подробными точными подсчетами, впоследствии, конечно, опровергаемыми жизнью.

Въ 1896 году, въ отчетѣ о поѣздкѣ въ Сибирь Статсъ-Секретаря Куломзина, „достоверный на ближайшіе годы запасъ колонизаціонныхъ земель“ опредѣлялся всего въ 130 тысячъ душевыхъ долей. Съ тѣхъ поръ прошло 15 лѣтъ, отведено вдесятеро больше долей и все еще ежегодно отводится и заселяется почти втрое болѣе указанной цифры.

По расчетамъ Переселенческаго Управленія, сдѣланнымъ къ началу 1908 года, пригодный въ будущемъ для заселенія запасъ земель въ Сибири опредѣлялся примѣрно въ 3 милліона душевыхъ долей — на 6 милліоновъ переселенцевъ (обоихъ пола), причѣмъ одну треть этого запаса

Запасы земель въ Сибири.

предполагалось найти въ Степномъ краѣ. Расчеты эти многимъ казались тогда преувеличенными, чуть ли не „мечтами“. Прошло три года, подѣ переселеніе успѣли отвести болѣе милліона душевыхъ долей, а земельный запасъ Сибири не только не исчерпанъ, но мѣстами какъ бы растетъ.

По Акмолинской области, напримѣръ, земельные излишки опредѣлялись въ 1908 году всего въ 6½ милліоновъ десятинъ или въ 600 тыс. долей; четверть этого запаса съ тѣхъ поръ уже использована. Но произведеннымъ послѣ того повторнымъ обследованіемъ, охватившимъ всю область, выяснена наличность въ ней къ 1910 году свободныхъ излишковъ уже не 6 милліоновъ, а около 12 милліоновъ десятинъ (11.877 тысячъ).

Говоря о земельномъ фондѣ для переселенія въ Западной Сибири, нельзя не упомянуть о земляхъ десятиверстной полосы, присоединенной по закону 31 Мая 1904 года къ составу земель, отведенныхъ ранѣе въ количествѣ 4 милліоновъ десятинъ Сибирскому казачьему войску. О пространствѣ этой полосы можно судить по тому, что одинъ лишь остатокъ отъ отвода въ ней юртовыхъ надѣловъ станицамъ и участковъ войсковымъ чинамъ исчисляется, по отчету войска, въ 800.000 десятинъ.

Когда-то полоса эта предназначена была для образованія нейтральной, буферной и не подлежащей заселенію территоріи — между чужими въ то время для насъ степями инородцевъ и казачьими станицами пограничной линіи, получившей отъ обилія здѣсь горько-соленыхъ озеръ названіе „горькой“. Горькая линія тянется отъ границъ Оренбургской губерніи по сѣверу Акмолинской области до Иртыша, а потомъ вдоль Иртыша на югъ по Омскому уѣзду и Семипалатинской области.

Теперь и десятиверстная полоса и земли самой горькой линіи слились въ одно и принадлежать казакамъ, занимая лучшій и богатѣйшій районъ киргизской степи.

Слѣдуя по желѣзной дорогѣ и по Иртышу, мы видѣли, на пространствѣ болѣе 1.000 верстъ, эти земли, весьма мало населенныя, но отрывающія новую колонизацію довольно далеко отъ рельсового пути и судоходной рѣки—вглубь степи. Въ десятиверстной полосѣ много еще плодородной нераспаханной цѣлины; она сдается въ аренду часто за безцѣнокъ; не мало сѣнокосовъ, остающихся иногда на зиму необработанными, и еще болѣе прекрасныхъ выпасовъ, пространству которыхъ мало соответствуетъ количество бродящихъ на нихъ кое-гдѣ стада кочевниковъ. Словомъ, мѣстность эта часто кажется пустыней, не смотря на плодородную почву и смежность желѣзной дороги, судоходства и переполненныхъ переселенцами

частей Петропавловскаго и Омскаго уѣздовъ, гдѣ столько жаждущихъ какого-либо земельного устройства русскихъ людей.

Становится понятнo, что эта плодородная мѣстность, не видѣть которой не можетъ ни одинъ выходецъ изъ Европейской Россіи, въ какую бы отдаленную часть Азіи онъ ни направлялся, часто служитъ поводомъ „горькаго“ чувства переселенцевъ, выливающегося въ разсказахъ, что „земли въ Сибири дѣвать некуда, да хорошей-то не даютъ“.

По отношенію къ этимъ землямъ, состоящимъ и подлежащимъ сохраненію въ собственности Сибирскаго казачьяго войска, жизнь выдвинула и поставила довольно остро два вопроса: о судьбѣ живущихъ въ нихъ предѣлахъ киргизъ и о точномъ опредѣленіи границъ этихъ земель.

Законъ 1904 года засталъ въ присоединяемой къ войсковой территоріи полостъ тысячъ около 4 киргизскихъ кибитокъ, издавна кочевавшихъ, а частью и полусѣдло проживавшихъ на этихъ земляхъ, и призналъ за ними право здѣсь оставаться „впредь до ихъ устройства“, съ уплатой войску арендной платы, размѣръ которой съ той поры не долженъ былъ подвергаться измѣненію. Гдѣ и какъ должны быть устроены эти киргизы, законъ не предусматривалъ, и вопросъ этотъ сообразить поручено было Государственнымъ Совѣтомъ Министру Внутреннихъ Дѣлъ.

Въ настоящее время киргизы домогаются болѣе прочнаго опредѣленія ихъ правъ въ качествѣ арендаторовъ, въ виду часто возникающихъ по этому поводу споровъ, о чемъ входили уже съ ходатайствами на Высочайшее Имя. Войсковое Хозяйственное Правленіе Сибирскаго казачьяго войска, считая арендную плату за эти земли несоотвѣтственной ихъ цѣнности, признаетъ необходимымъ устройство киргизъ на казенныхъ земляхъ, внѣ войсковой территоріи, куда однако киргизы не хотятъ переселиться, надѣясь на возможность надѣленія ихъ давно занятыми участками, хотя бы съ обязательствомъ выкупа.

Ознакомившись съ этимъ вопросомъ на мѣстѣ, мы не можемъ не высказаться за желательность его законодательнаго разрѣшенія въ смыслѣ предоставленія казачьему войску правъ періодическаго повышенія арендной платы съ земель, занимаемыхъ киргизами, и права отвести желающимъ осѣдлости киргизамъ постоянный надѣлъ въ размѣрахъ, не превышающихъ 15 десятинъ на мужскую душу, который они могли бы выкупить у войска въ опредѣленный срокъ. Обезпечивая интересы киргизъ, мѣтра эта не можетъ причинить и войску какого-либо ущерба.

Другой вопросъ, назрѣвшій въ десятиверстной полосѣ и особенно на правомъ берегу Иртыша,—это необходимость точно установить неопредѣ-

Десятиверстная
полоса въ Степ-
номъ Краѣ.

ленную здесь во многих местах границу войсковой земли. Эта полоса, называясь десятиверстной, то отходит на гораздо большее расстояние от реки, то приближается к берегу. При установлении границы ее, совершенно необходимо допустить в иных случаях заимку одних — прибрежных — участков другими, удаляющимися вглубь степи, без ущерба для войска в количестве и качестве их, но с расчетом открыть для образуемых в смежности с этой полосой на казенных землях переселенческих участков доступ к Иртышу. Смежность такой реки, как Иртыш, доступ к которой теперь совершенно закрыт для переселенцев, важна не только как привязка колонизируемого района к судоходному пути. Она дает хорошо обводненные участки в этой, страдающей отсутствием пресноводных запасов, местности и тем сильно изменить к лучшему общую картину заселения этой части киргизской степи.

Горный Алтай.

Лучшую часть земельного запаса всей Западной Сибири составляют бесспорно земли Кабинета Его Императорского Величества, поступившие под переселение по Высочайшему Указу 19 Сентября 1906 года.

Земли эти до последнего времени представляли, в большинстве случаев, пустопорожние пространства, не приносящие дохода и лишь в небольшой части сдававшиеся в аренду по несоответственной их качеству низкой цене. Здесь были местами и кочевья киргиз. Теперь — как в Томском уезде, где заселено на основании приведенного выше Указа свыше 400.000 десятин лежащих впуск отрезков между надълами старожилов, так в Барнаульском, где в общей сложности выделено под переселение свыше 2 миллионов десятин, — все это почти сплошь заполненные уже переселенцами участки, на которых быстро развивается прочное хозяйство, новая жизнь. За выделом, однако, еще до полумиллиона десятин в текущем и будущем году в уездах Барнаульском и Кузнецком, главная площадь земель, подходящих под действие закона, окажется использованной. Из обширного, исчисляемого в 40 миллионов десятин, Алтайского округа, за вычетом 18 миллионов десятин земель, отданных крестьянам ранее, и около 3 миллионов десятин, поступивших под переселение, и за исключением неподлежащих действию закона 1906 года лесов и горнозаводских площадей, свободное для колонизации пространство останется лишь в виде занадельных отрезков от землеустройства старожилого населения и в пределах Горного Алтая, заключающего в себя приблизительно 13 миллионов десятин, при ничтожном пока количестве населения.

В северных и восточных районах Сибири постоянно открываются новые области, где точными опытами и исследованиями подтверждается возможность земледельческого хозяйства, и опровергаются прежние представления о непригодности этих земель для заселения. Заведующий Томским переселенческим районом представил нам ряд подробных и убедительных данных, свидетельствующих о возможности заселения и пустынного Нарымского края; заведующий Енисейским районом — интересные сведения о ценных для колонизации землях Чуно-Ангарского подрайона, о Карабульских гарях и т. д. Иногда эти, как бы вновь открываемые для России земли, — куда раньше и впереди всяких исследований и ученых экскурсий пробираются уже невбродные самовольные переселенцы, так что исследование неожиданно встречает здесь уже и человеческое жилье и первые посевы, — занимают площади по 18—20 миллионов десятин. По сибирскому переселенческому масштабу, это — привычные, никого здесь не поражающие, размеры.

Границы заселяемых земель постоянно расширяются. Постепенно доходить экономическая очередь заселения до пустынных районов. Кроме того и в пределах земель, уже считающихся заселенными, плотность сибирского населения все увеличивается, так что, как ни подробно ведутся подсчеты земельных запасов Сибири, по вся эта земельная арпметика имеет весьма относительное значение. Меньются меры, которыми определяется запас земель, понижаются земельные нормы, повышаются умные и трудоспособность людей, понижается требовательность их к естественным условиям почвы, улучшаются иногда с приходом человека самые эти естественные условия. Поэтому можно относиться спокойно ко всяким мрачным предсказаниям о том, что колонизационный фонд Сибири исчерпан и что переселение через 2—3 года упрется в глухую стену.

Однако, в этих предсказаниях есть и одна серьезная сторона.

Отводя ежегодно по 350 тысяч душевых долей или около 5 миллионов десятин удобной земли, нельзя не предвидеть, что в лучшей, наиболее заселенной полосе Сибири долго работать при таком темпе нельзя; придется волей-неволей переходить в худшие районы, более суровые, более северные, глухие, далекие от железной дороги, ибо нельзя же бесконечно «дѣлать землю» для новых пришельцев именно там, где они хотят ее получить. Конечно, и после того, как землеотводные переселенческие партии сполна отработают какой-нибудь уезд, он примет в себя еще очень много переселенцев — путем «доприселения» в

Новые открываемые области заселения.

Условное значение подсчетов земельного запаса Сибири.

Различные типы сибирских районов.

старожилые или вновь образованные поселки. Но непосредственной „заготовки земель“ въ этихъ районахъ быть уже не можетъ, и приемы колонизации здѣсь должны быть иные.

Вотъ на это разнообразіе приемовъ колонизации, необходимость котораго смутно чувствуется всѣми, и не обращается еще достаточнаго вниманія. Между тѣмъ, въ Сибири довольно явственно обозначаются уже районы, гдѣ не хватаетъ земли для переселенцевъ, и районы, гдѣ, напротивъ, не хватаетъ людей для заготовленныхъ участковъ.

Въ этомъ главный узелъ современныхъ затрудненій въ переселенческомъ дѣлѣ.

Работы Переселенческаго Управленія ежегодно строятся теперь на расчетъ заготовки 350 тысячъ душевыхъ долей и перевозки въ Сибирь 700 тысячъ человекъ переселенцевъ обоего пола, т.-е. 350 тысячъ мужскихъ душъ. Казалось бы, соотвѣтствіе этихъ двухъ цифръ—полное. Но, въ дѣйствительности, одни районы переполняются людьми, а другіе пустуютъ. На 1 Іюля текущаго года въ Сибири числилось 344 тысячи мужскихъ душъ (700.000 душъ обоего пола) неустroенныхъ переселенцевъ, не нашедшихъ себѣ земли, и наряду съ этимъ имѣлось 314 тысячъ свободныхъ для заселенія душевыхъ долей. Но неустroенные переселенцы сосредоточены въ Томской губерніи (224½ тысячъ), въ Акмолинской области (58 тысячъ), въ Семирѣчьи (37 тысячъ), отчасти въ Тургайско-Уральскомъ и Тобольскомъ районахъ (11 тысячъ и 8½ тысячъ мужскихъ душъ), а свободныя доли—преимущественно въ Средней и Восточной Сибири (въ Енисейской и Иркутской губерніяхъ—82 тысячи свободныхъ долей, въ трехъ дальневосточныхъ областяхъ—101 тысяча). Въ западныхъ губерніяхъ и степныхъ областяхъ свободныя доли хотя и есть, но не въ тѣхъ уѣздахъ и волостяхъ, гдѣ сосредоточены неустroенные переселенцы, а въ другихъ—худшихъ.

Такимъ образомъ, для того, чтобы привести земельную заготовку въ соотвѣтствіе со спросомъ, слѣдовало бы, на первый взглядъ, развивать ее преимущественно въ юго-западной полосѣ Сибири и сокращать на востокъ. Но не говоря уже о томъ, что политическое положеніе Россіи требуетъ обратнаго рѣшенія, такъ какъ наиболее тонкій и непрочный слой живой переселенческой коры у насъ—на Дальнемъ Востокѣ, непрерывное механическое расширеніе работъ по отводу участковъ въ Западной Сибири само по себѣ неосуществимо.

Прежде всего отводу участковъ, по необходимости, должно предше-

ствовать здѣсь предварительное выясненіе и закрѣпленіе земельныхъ правъ многочисленнаго старожилаго и инородческаго населенія.

По отношенію къ старожиламъ Сибири задача ставится ясно и просто: необходимо скорѣйшее и сплошное поземельное ихъ устройство. Только такое устройство, обезпечивая коренному населенію устойчивость земельныхъ правъ и хозяйства, вмѣстѣ съ тѣмъ позволяетъ выдѣлить значительныя, никѣмъ теперь не используемыя, „отрѣзки“ земель и для переселенцевъ. Эти отрѣзки—лучшій переселенческий земельный фондъ; въ иныхъ губерніяхъ (напримѣръ въ Иркутской и на югѣ Тобольской губерніи) и теперь уже болѣе половины всѣхъ заготавливаемыхъ для переселенцевъ участковъ образуется изъ отрѣзковъ старожилаго землепользованія, и именно эти участки скорѣе и охотнѣе всего заселяются.

По отношенію къ инородцамъ Сибири—главнымъ образомъ киргизамъ—задача нѣсколько сложнѣе. Сплошное и окончательное землеустройство киргизъ возможно только въ отдѣльныхъ частяхъ киргизской степи, гдѣ переходъ къ земледѣлію и осѣдлости составляетъ уже общее, вполнѣ опредѣлившееся явленіе. Во многихъ киргизскихъ волостяхъ этого еще нѣтъ, и здѣсь перераспределеніе государственныхъ земель между кочующими по чернозему киргизами и стремящимися сюда русскими земледѣльцами должно быть построено на другихъ основаніяхъ: временнаго оставленія киргизамъ части земель по кочевымъ и скотоводческимъ нормамъ и немедленной передачи освобождающихся земель въ колонизаціонный фондъ. Кроме того было бы чрезвычайно желательно облегчить для переселенцевъ аренду земель у киргизъ. Дѣйствующій законъ устанавливаетъ для этого чрезмѣрно сложныя формы: для cadaго отдѣльнаго случая аренды требуется согласіе цѣлой киргизской волости. Теперь, когда по всей степи идетъ усиленный процессъ дробленія волостей и индивидуализація киргизскихъ хозяйствъ, необходимо видоизмѣнить эти формальныя условія аренды, приблизивъ ихъ къ дѣйствительности и замѣнивъ согласіе волости согласіемъ аульнаго общества или, вообще, той болѣе мелкой группы кибитокъ, которая фактически распоряжается данной землей вмѣсто прежней хозяйственной волости. Такая мѣра имѣла бы полезное и большое значеніе.

Что касается надѣленія земель новыхъ переселенцевъ не на арендномъ правѣ, а какъ самостоятельныхъ хозяевъ, то въ этомъ отношеніи и поземельное устройство старожиловъ, и устройство киргизъ, и образованіе изъ излишковъ киргизскаго и старожилаго землепользованія переселенческихъ участковъ только временно смягчатъ остроту вопроса о недостаткѣ земель для переселенцевъ въ Западной Сибири. Образованный при земле-

устройство фондъ будетъ быстро расхвачанъ переселенцами, въ особенности если къ его использованию будутъ примѣнены тѣ же несложные приемы даровой раздачи и тѣ же большіе размѣры отводимыхъ надѣловъ, какіе существуютъ въ настоящее время. Земельные запасы будутъ исчерпаны, а взять земли для заготовки участковъ въ этихъ, ближайшихъ къ Европейской Россіи, районахъ больше будетъ неоткуда.

Необходимость
установленія правъ
собственности на
землю.

Коренное и принципиальное рѣшеніе вопроса заключается въ скорѣйшемъ предоставленіи сибирскимъ старожиламъ, переселенцамъ и осѣдлымъ, окончательно устроеннымъ, инородцамъ правъ собственности на отведенные и отводимые имъ обширные надѣлы. Тогда дальнѣйшее уплотненіе населенія пойдетъ естественнымъ путемъ перехода части земель въ новыя руки по частнымъ денежнымъ сдѣлкамъ аренды и купли-продажи.

Жизнь постепенно къ тому и идетъ: въ прошломъ году въ Томской губерніи ходоки зачислили за собой землю на переселенческихъ участкахъ для 39.128 душъ мужского пола, а получили приемныхъ приговоровъ въ старожилая общества (конечно, за деньги) на 38.778 душъ. Такимъ образомъ, движеніе распределяется уже теперь почти поровну между даровымъ надѣломъ и покупною землею.

Скрытая форма
покупки земель въ
настоящее время.

Открытой купли-продажи земель въ Сибири не происходитъ потому, что юридически почти всѣ земли признаются собственностью казны или казачьихъ войскъ; на рынкѣ появляются только такъ называемые „офицерскіе“ казачьи участки. Цѣна ихъ дошла теперь, для участковъ, лежащихъ близъ желѣзной дороги, до 80—100 рублей, а участковъ по Иртышу—до 50—70 рублей за десятину. Иногда эти земли покупаются переселенцами: въ Петропавловскомъ уѣздѣ, Акмолинской области, мы были въ такомъ поселкѣ курскихъ самовольныхъ переселенцевъ, купившихъ землю нѣсколько лѣтъ тому назадъ у казачьяго генерала по 60 рублей за десятину.

Необходимо, конечно, для общаго оживленія и роста Сибири содѣйствовать притоку переселенцевъ въ районы старожилаго населенія и послѣ поземельнаго устройства и дарованія правъ собственности, съ правомъ на отчужденіе надѣловъ. Для правительства и здѣсь останется широкое поле дѣятельности, но уже, конечно, не въ смыслѣ вѣчнаго изготовленія земель, а въ видѣ оказанія новымъ пришельцамъ *кредита* на покупку земель у старожиловъ. Здѣсь могутъ развиваться значительныя и полезныя посредническія операціи Крестьянскаго Банка или особаго сельско-хозяйственнаго банка—это уже вопросъ будущаго.

Тотъ земельный запасъ, который временно образуется въ распоряженіи правительства послѣ землеустройства, въ видѣ отрѣзковъ, слѣдовало бы

также расцѣпить и обратить для устройства переселенцевъ по пониженнымъ земельнымъ нормамъ и за опредѣленную плату.

Размѣры переселенческихъ надѣловъ за послѣдніе годы въ степи уже уменьшены, и вмѣсто 15 десятинъ на душу отводится мѣстами по 10—12. Но и это составляетъ 35—40 десятинъ на семью. Только незначительная часть такого надѣла распахивается самимъ хозяиномъ, получившимъ надѣлъ; вся остальная земля или пустуетъ, или разбирается въ аренду приходившимъ позднѣе самовольными неустроенными переселенцами. Такой приходъ самовольныхъ, „неприписныхъ“, является естественной поправкой жизни къ неправильнымъ нормамъ надѣловъ; но положеніе неприписныхъ, подвергающихся часто жестокой эксплуатаціи со стороны приписныхъ, нѣрѣдко тяжелое, и гораздо справедливѣе было бы, сокративъ норму надѣла, сразу устранивъ на землѣ большее число хозяевъ.

Что касается взиманія платы за переселенческіе надѣлы, то и это нововведеніе диктуется экономической справедливостью. Нельзя по всей Азіатской Россіи раздавать переселенцамъ землю даромъ, на однихъ и тѣхъ же условіяхъ, не различая лучшей земли отъ худшей. При такомъ положеніи вещей никто и не пойдетъ на худшія земли. Въ Семирѣчьи, на Алтаѣ—въ лучшихъ киргизскихъ волостяхъ землю, имѣющую здѣсь уже теперь значительную цѣнность, безусловно слѣдуетъ не давать, а продавать переселенцамъ. Въ одной Саройской волости, Кустанайскаго уѣзда, стоимость земельныхъ налішковъ, теперь уже болѣею частью отданныхъ переселенцамъ, опредѣляется, по мѣстнымъ цѣнамъ, не ниже 6 милліоновъ рублей, а стоимость одной десятины достигаетъ 60 рублей. Такія же, и даже лучшія, земли, послѣ проводимаго теперь пониженія нормъ земельного обезпеченія киргизъ, поступаютъ въ фондъ въ другихъ волостяхъ того же уѣзда: Мендыгаринской, Кинь-Аральской и т. д., и въ другихъ частяхъ киргизской степи. Столь цѣнныя земли нельзя, конечно, приравнивать къ таежнымъ, болотистымъ или бѣднымъ водою участкамъ.

Разумѣется, продажа переселенческихъ участковъ за деньги не можетъ быть повсемѣстнымъ и общимъ правиломъ: при бѣдности переселенцевъ, это слишкомъ затруднило бы переселеніе, и безъ того связанное съ затратами на переѣздъ, разработку участковъ и обзаведеніе хозяйствомъ на новомъ мѣстѣ. Въ глухихъ урманахъ, въ бездорожной тайгѣ, или въ полосѣ скудныхъ безводныхъ степныхъ пастбищъ, за многія сотни верстъ отъ желѣзной дороги, на многіе участки не нашлось бы и покупателей. Но въ лучшихъ переселенческихъ районахъ переходъ къ продажѣ земель является вполне своевременнымъ.

Необходимость
перейти мѣстами
къ продажѣ зе-
мель.

Мѣра эта требуетъ законодательнаго утвержденія, такъ какъ Высочайшій Указъ 27 Августа 1906 года о порядкѣ продажи крестьянамъ казенныхъ земель не коснулся Азіатской Россіи, и его необходимо теперь въ этомъ смыслѣ дополнить, воспользовавшись происходящимъ пересмотромъ его въ законодательныхъ учрежденіяхъ. При этомъ основныя начала Указа 27 Августа, воспроизводящія въ сущности практику Крестьянскаго Банка, могутъ быть сохранены и для Сибири, и лишь обязанности землеустроительныхъ комиссій перейдутъ при этомъ къ переселенческимъ учрежденіямъ.

Правильная расцѣпка и продажа лучшихъ земель въ Сибири—наиболѣе вѣрный способъ отвлечь часть переселенческаго потока и на менѣе выгодные участки, для которыхъ слѣдуетъ сохранить и даровую раздачу и денежную помощь.

Главными условіями успѣшнаго заселенія лучшей, юго-западной, полосы сибирскихъ степей являются такимъ образомъ: 1) ускореніе поземельнаго устройства старожиловъ и инородцевъ Сибири и дарованіе устроенному населенію правъ собственности на землю, 2) опредѣленіе размѣра отводимыхъ переселенцамъ и старожиламъ надѣловъ по соображенію не только съ предѣльной ихъ по закону нормой (15 десятинъ на душу), но и съ почвенными и хозяйственными условіями отдѣльныхъ мѣстностей, 3) продажа участковъ казенной земли новымъ переселенцамъ, 4) облегченіе аренды земель переселенцами у киргизъ и 5) организація для новоселовъ кредита на покупку земель отъ старожиловъ и инородцевъ, путемъ распространенія на Сибирь дѣятельности Крестьянскаго (или Сельскохозяйственнаго) Банка.

Въ районахъ, болѣе трудныхъ, суровыхъ и далекихъ, лишенныхъ открытой воды или загромажденныхъ лѣсными зарослями, наоборотъ, главною обязанностью правительства надолго еще останется, именно, „дѣлать“ землю, заготовлять ее, понемногу переводя изъ первобытнаго и недоступнаго для культуры состоянія въ удобный колонизаціонный фондъ. Въ этомъ направленіи Переселенческое Управленіе ведетъ уже довольно большую работу; но все-таки подъ заселеніе нерѣдко сдаются, къ сожалѣнію, еще „неодѣланные“ участки. Въ особенности замѣтно это въ сѣверныхъ таежныхъ районахъ. Здѣсь правильная заготовка участковъ настоятельно требуетъ: 1) осушенія, 2) корчеванія, 3) устройства дорогъ.

Осушеніе въ широкихъ размѣрахъ велось только въ Барабинской степи. Здѣсь за время съ 1895 года по 1908 годъ проложено около 1.800 вер. канавъ и, въ общемъ, съ затратой 1½ милліоновъ рублей, осушено до

900.000 десятинъ; стоимость осушенія выразилась всего въ полтора рублѣхъ на десятину. Работы въ Барабинской степи продолжаются, и необходимо поставить ихъ еще шире, обезпечивъ не только развитіе сѣти сооружений, но и постоянный ремонтъ ихъ. Кромѣ того необходимо перенести осушительныя работы изъ сѣверной лѣсостепи, къ которой принадлежитъ Бараба, въ тайгу.

Корчеваніе вовсе не производится теперь Переселенческимъ Управленіемъ и ложится всецѣло на самихъ переселенцевъ. Между тѣмъ, если даже предварительныя работы будутъ выполняться правительствомъ, то и переселенцамъ останется еще много труда по приведенію своихъ участковъ въ порядокъ. Только черезъ нѣсколько лѣтъ постоянныхъ лѣсныхъ расчистокъ и вспахиванія, въ тайгѣ достигается общее освѣтленіе, осушеніе и оздоровленіе участка. Но переселенцу нужно дать возможность подступиться къ участку, сразу „врубиться“ въ него: иначе лѣсная сила задавитъ и одолѣетъ его. Въ Маринской тайгѣ, даже въ поселкахъ, сравнительно близкихъ къ желѣзной дорогѣ (30—40 верстъ), мы могли убѣдиться въ безпомощности переселенцевъ въ борьбѣ съ лѣсомъ: они пользуются почти одними только гарями и еланями, образовавшимися отъ лѣсныхъ пожаровъ. „И земля не плоха, да вотъ—не сила наша: лѣсъ одолѣлъ“, говорятъ переселенцы на цѣломъ рядѣ участковъ, нами видѣнныхъ.

Опытъ отдачи лѣсныхъ площадей лѣсопромышленникамъ, съ тѣмъ, чтобы они брали себѣ весь лѣсъ даровъ, но за то раскорчевывали вырубленную площадь, не увѣнчался успѣхомъ. Стоимость корчевальныхъ работъ все еще чрезмѣрно дорога, и хорошихъ корчевальныхъ машинъ нѣтъ. Устроенный въ прошломъ году конкурсъ корчевальныхъ машинъ въ Тарѣ, куда было представлено до 20 типовъ машинъ, не далъ положительныхъ результатовъ,—а грандіозный опытъ раскорчевки 2.000 десятинъ въ имѣніи Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Александровича „Дерюгино“, въ Курской губерніи, основанный на сочетаніи машинной и ручной работы, хотя и далъ блестящіе результаты, но десятина раскорчеванной и вполне убранный площади обошлась по 170 рублей. Такія затраты, хотя и окупающія себя въ Европейской Россіи, непосильны для сибирскихъ земель, тѣмъ болѣе, что лѣсъ въ тайгѣ чаще всего малоцѣнный. Между тѣмъ онъ глушитъ и давитъ здѣсь всякую хозяйственную жизнь. Борьба съ нимъ идетъ туго, переселенческіе поселки въ тайгѣ растутъ медленно, участки разбираются неохотно; уживаются здѣсь только выходы бѣдныхъ лѣсистыхъ Бѣлорус-

Корчеваніе.

Земельныя заготовки въ районахъ, трудныхъ для заселенія.

Предварительное оборудованіе участковъ.
Осушеніе.

ских губерний и живут если не голодно, то без достатка, отличающегося степные и алтайские переселенческие поселки.

Суды на расчистку тайги.

Наиболее практическим способом борьбы с тайгой, из обсуждавшихся нами на мѣстѣ, былъ бы, повидимому, слѣдующій. Во-первыхъ: отводить тасжные участки каждому переселенцу отдѣльно въ подворное владѣніе, для того, чтобы онъ зналъ, что труды его по расчисткѣ не пропадутъ и принесутъ пользу ему и его дѣтямъ. Это не отвлеченное только соображеніе; въ тасжныхъ поселкахъ мы выслушивали рядъ просьбъ переселенцевъ о томъ, чтобы ихъ надѣляли не сплошнымъ лѣсомъ, но и расчищенными уже землями, и опасенія со стороны крестьянъ, расчистившихъ свои надѣлы, какъ бы новые участники не отняли и не передѣляли ихъ „росчистки“. Эти опасенія удерживаютъ многихъ отъ рѣшимости приняться какъ слѣдуетъ за корчеваніе, и необезпеченность правъ на извѣстный участокъ земли затрудняетъ, въ числѣ другихъ причинъ, успѣшность сводки лѣса въ тайгѣ. При подворномъ устройствѣ этого уже не будетъ. Во-вторыхъ, необходимо увеличить въ тайгѣ размѣры ссудъ на хозяйственное устройство и выдавать, вмѣсто 100 и 150 рублей на семью, до 300 р., но выдавать частями по мѣрѣ расчистки переселенцемъ своего участка, какъ бы оплачивая трудъ его по борьбѣ съ тайгой. Наконецъ, необходимой, но требующей большихъ затратъ, мѣрой для заселенія тайги была бы и предварительная вырубка части лѣса, съ корчевкой до прихода переселенцевъ, на пространствѣ хотя бы одной десятины изъ надѣла въ 40—50 десятинъ на семью.

Дороги.

Проведеніе дорогъ лежитъ на обязанности переселенческой организаціи. Такихъ дорогъ выстроено всего въ сибирской тайгѣ за послѣдніе три года 5.200 верстъ, съ затратой 5 милліоновъ рублей. Главный недостатокъ переселенческихъ дорогъ тотъ, что ихъ мало; много участковъ совсѣмъ бездорожныхъ. Но тѣ дороги, какія есть, по крайней мѣрѣ, тѣ, по которымъ мы ѣхали въ дождливое осеннее время въ Маринской тайгѣ, или о которыхъ слышали отзывы самихъ переселенцевъ и людей, вовсе непричастныхъ къ переселенческой организаціи, — выстроены со знаніемъ дѣла, сравнительно недорого (около 1.000 рублей верста) и содержатся въ исправности. Вопросъ — въ деньгахъ: въ увеличеніи дорожнаго кредита переселенческой смѣты. На будущій 1911 годъ кредитъ этотъ увеличивается на 1 милліонъ рублей (съ 2½ милліоновъ рублей до 3½ милліоновъ рублей).

Однако, не слѣдуетъ преувеличивать значенія грунтовыхъ переселенческихъ дорогъ; все-таки это — проселочныя дороги со всѣми ихъ недо-

статками: непрочностью, мнимой дешевизной, техническою трудностью сооруженія, а главное, ограниченнымъ экономическимъ влияніемъ. Для отдѣльныхъ поселковъ, получившихъ дорогу, конечно, она является благодѣніемъ, но общее заселеніе тайги подвигается медленно и послѣ сооруженія такихъ дорогъ. Главное значеніе переселенческое дорожное строительство можетъ имѣть лишь въ полосѣ, не слишкомъ далекой отъ рельсового пути, представляющей пока еще много мѣстностей съ рѣдкимъ населеніемъ. Исполняя свое назначеніе — переселенческихъ дорогъ къ участкамъ, грунтовые дороги не могутъ служить магистралями, привязывающими къ рынкамъ сбыта новые переселенческие районы. Для этого слѣдовало бы перейти уже къ постройкѣ подъѣздныхъ, хотя бы узкоколейныхъ *железныхъ дорогъ* къ линіи Сибирской дороги. Только рельсовые пути дѣйствительно откроютъ новыя пространства для переселенія и оживятъ прорѣзанные ими районы. А при этомъ условіи уменьшится необходимость заботы и о проселочныхъ дорогахъ. Переселенцы во многихъ случаяхъ окажутся сами въ состояніи создать сѣть мелкихъ дорогъ и тропъ, въ особенности, если имъ будетъ оказана и помощь казны, въ видѣ выдачи новоселамъ такъ называемыхъ „общепользовыхъ“ ссудъ — на дороги. Во всякомъ случаѣ лишь постоянное развитіе дорожнаго дѣла можетъ создать настоящую цѣнность отводимыхъ въ тайгѣ участковъ.

Осушеніе, корчеваніе и дороги откроютъ широкій доступъ переселенію въ сибирскіе лѣса, составляющіе главную часть свободныхъ еще земельныхъ запасовъ. Для лѣсного хозяйства такой приливъ переселенцевъ, въ конечномъ итогѣ, даже выгоденъ. Изъ 244 милліоновъ десятинъ сибирскихъ лѣсовъ только 92 милліона десятинъ представляютъ собою дѣйствительно лѣса, да и тѣ даютъ въ годъ всего 3½ милліона рублей дохода (менѣе 4 копѣекъ на десятину). Одной изъ главныхъ причинъ столь низкой доходности является удаленность лѣсныхъ массивовъ отъ населенныхъ мѣстъ, рѣдкость сибирскаго населенія и дороговизна рабочихъ рукъ. Только заселеніе обширныхъ лѣсныхъ дачъ, путемъ отвода переселенцамъ частей этихъ дачъ, пригодныхъ для земледѣльской обработки и не представляющихъ крупной лѣсохозяйственной цѣнности, подниметъ лѣсное дѣло. Приближеніе человека къ лѣсу хотя и уменьшитъ площадь лѣсовъ, но зато создастъ мѣстный потребительный рынокъ и дастъ рабочія руки для лѣсныхъ заготовокъ и вывоза. Бояться небольшого сокращенія лѣсной площади за Ураломъ еще не приходится: здѣсь, въ среднемъ, на каждую душу населенія приходится по 16 десятинъ лѣса, тогда какъ достаточной лѣсностью признается обыкновенно и отношеніе 0,5 — 1 десятина на душу.

Значеніе переселенія для будущности сибирскихъ лѣсовъ.

Но нерасчетливое и беспорядочное истребление сибирских лесов во многих местностях побуждает принять энергичные меры для их устройства и охраны. Лесоустройство идет в Сибири слишком медленным темпом. Из 50 миллионов десятин подлежащих устройству в первую очередь лесов Тобольской и Томской губерний, за последние 12 лет устроено всего 1.600 тысяч десятин. На громадное большинство лесных дач нет ни инвентарных описаний, ни планов; усиленная в последнее время лесная стража и строгий лесничество все же далеко недостаточны. На каждое лесничество приходится в среднем около 800 тысяч десятин. При таких условиях леснику трудно даже ознакомиться с пространством лесов, находящихся на его попечении. Между тем опустошительная рубка и пожары незаметно, но быстро уничтожают сибирские лесные богатства. Поэтому, выделяя среди лесов площади, могущие быть обращенными под земледельческую колонизацию, необходимо одновременно усилить охрану лесов, представляющих действительную лесохозяйственную ценность.

В киргизской степи дорог каждый „колодь“ леса — остаток березовых лесонасаждений, когда-то, повидимому, здесь обильных; особенно ценны уцелевшие сосновые леса. Охранять их с заселением степи русскими переселенцами, конечно, не легко, но едва ли труднее, чем при постоянном повреждении всякого в них подроста стадами кочевников. Необходимо продолжать начатое уже здесь образование казенных лесных дач, с включением в них, по возможности, большого количества хотя бы и мелких лесных участков, разбросанных среди земель киргизского пользования, и затем усилить заботы не только о чистоте растущего на них леса, но и о залесении свободных между ними площадей, с запретом какого-либо хозяйственного их использования. Пользу этому делу могло бы принести привлечение к нему переселившихся в степные местности менонитов и образование из них наместников специальных лесных команд, вместо призыва их к несению службы в лесных командах юга Европейской России, замещающему для менонитов, по закону, отбывание воинской повинности.

На юге и юго-востоке киргизских степей необходимы земельные улучшения заключаются, главным образом, в устройстве водоснабжения. Поставленное здесь в последние годы глубокое бурение дает хорошие результаты — например, в Атбасарском и Акмолинском уездах — и позволяет рассчитывать на заселение многих пространств, считавшихся ранее непригодными, по отсутствию пресных грунтовых вод. Обычный

Глубокое бурение
в степных районах.

расход на обводнение при помощи глубокого бурения составляет, правда, от 2 до 5 рублей на десятину, но если принять в расчет, что такая десятинка может быть засеяна затопленной пшеницей и давать до 100 пудов урожая, то указанный расход не должен казаться устрашающим.

Общий вопрос о будущем русского переселения на юге киргизской степи, по мнению многих предназначенной самой природой только для кочевания, едва ли может быть разрешен в отрицательном смысле. Тревожные заявления относительно „непрочности“ сибирских степных почв, грозящих их высыханием или выплыванием, напоминают такие же опасения относительно юго-восточных степей Европейской России. В действительности, вопрос только в необходимости соответствующего выбора зерновых культур или замены их правильным скотоводством и в умелом использовании запасов почвенной влаги.

По отзывам специалистов, киргизский Степной край, с проведением здесь железной дороги, в течение короткого времени может занять видное место в сельскохозяйственной промышленности Империи. Здесь имеются огромные пространства удобной для обработки почвы. В то же время почва эта, несмотря на обилие солончаковых пространств, в высшей степени плодородна. В новейшей агрономии выдвигается даже смелая теория о том, что солончаки слабого и среднего насыщения являются плодороднейшими и притом весьма прочными, медленно истощающимися землями; американский профессор Хильгардт называет солончаковые почвы настоящими „складами удобрительных веществ“. Солончаки только требуют умения при их обработке, при поливе и т. д. Весьма важен выбор растений и трав для посева: на многих солончаках, не пригодных для посева пшеницы, отлично идут травы, и австралийское скотоводство (первое в мире) в значительной степени развилось на солончаках; многие виды солонцов пригодны для ценных промышленных культур — сахарной свеклы, хлопка и проч.

Больше тревожным представляется в Степном крае вопрос о воде: хватит ли ее для наличного и будущего земледельческого населения? Вода в киргизской степи действительно является самым драгоценным и самым полезным из „ископаемых“. Местами приходится добывать ее со значительной глубины. Часто она оказывается соленой, годовой для питья. Иногда солеными оказываются целые реки; иногда — среди жаркого лета в одной и той же реке пресные и соленые плессы чередуются, в зависимости от грунта. Иные реки теряются в степных разливах и в паводках. Были случаи усыхания и исчезновения целых озер, около

Будущность переселения в киргизской степи.

Почвенные условия.

Вода в киргизской степи.

которых располагались переселенческие поселки. Наконец, нередко земледельца постигают здесь засухи и неурожаи. Наиболее же грозным является нередко высказываемое мнение о неизбежной дальнейшей убыли воды в Степном крае.

Основываясь на научной теории профессора Брюкнера о чередовании в истории земли сухих и влажных периодов (в связи с периодичностью солнечных пятен), утверждают, что мы находимся теперь в период «влажном» — с большим количеством осадков. Этим и объясняют прилив переселенцев в киргизскую степь и сравнительно удачное их хозяйничанье. Но уже с 1911 года предсказывают начало «сухого» периода, который должен привести к исчезновению многих озер, уменьшению воды в речках и глубокому понижению уровня грунтовых вод: иссякнуть колодцы, погибнуть посевы на неполивных землях, для поливных не хватит воды в речках и т. п.

Вопрос этот чрезвычайно серьезный и чрезвычайно тревожный для правительства, несущего нравственную ответственность за судьбы переселения. Но, кроме продолжающегося подъема благосостояния переселенческих поселков, успокоительным признаком является то, что и сами киргизы, которые могли бы знать свою родную степь, во множестве случаев переходят к земледелию. Притом и теоретические основания отрицательного отношения к переселению в Степной край спорны. Прежде всего, сам Брюкнер указывал на земном шару места «длящихся исключений». Из его теории и в числе таких местностей прямо назывались киргизские степи: сухие и влажные периоды в киргизской степи не совпадают с такими же периодами в других местностях. Кроме того и Брюкнер, и работавшие после него русские профессора Верг и Воейков рьяно утверждают, что в историческую эпоху и Туркестан, и соседняя степь не подверглись сколько-нибудь замечному усыханию и что в продолжение тысячелетий климат здесь не меняется; наблюдаются только периодические колебания в размерах атмосферных осадков. Речи о постепенном неуклонном засыхании киргизских степей, стало быть, нет; переселенцам придется лишь быть может, время от времени переживать засушливые годы, но такие, какие уже многократно и бывали здесь, как бывают и всюду, но не привели, однако, к уничтожению земледельческих хозяйств (в Туркестане, например, искали многочисленные). Вся задача заключается в приспособлении к местным условиям, в усовершенствовании техники сухого земледелия и в умении обра-

щаться с водой; в районах же, для земледелия малопригодных, — в развитии скотоводческого хозяйства.

По докладу завѣдующаго Семипалатинскимъ райономъ, среди переселенцевъ наблюдается теперь значительная чуткость къ естественнымъ условиямъ края. Съ одной стороны, среди нихъ начинаютъ понемногу прививаться приемы американскаго сухого земледѣлія, главнымъ образомъ, сводящіеся къ накопленію и сохраненію въ поляхъ сѣвга. Съ другой — замѣчается переходъ переселенцевъ, особенно выходцевъ Донской области, отъ хлѣбопашества къ тонкорунному овцеводству и коневодству.

Незначительность выпадающихъ на югѣ киргизской степи атмосферныхъ осадковъ и высыхание озеръ также не представляютъ еще ничего рокового для переселенія; все дѣло, по отзывамъ специалистовъ, — въ достаточности общихъ запасовъ влаги, которая въ дождливые годы держится въ видѣ открытыхъ водъ, а въ годы засушливые сохраняется въ видѣ водяныхъ паровъ, въ воздухѣ и землѣ. Необходимо только вести непрерывный учетъ этихъ водныхъ запасовъ и развивать дѣлаемые и теперь метеорологическія и гидрометрическія наблюденія.

Однако, напередъ уже можно сказать, что воды въ Степномъ краѣ гораздо больше, чѣмъ это принято думать. — не меньше, напримѣръ, чѣмъ въ Аргентинѣ, кормившей своей пшеницей гораздо лучше нея орошенныя страны. Въ Степномъ краѣ есть такія рѣки, какъ Иртышъ, Ишимъ, Нура и десятки второстепенныхъ; такія озера, какъ Зайсанъ, Марка-Куль и также десятки менѣе крупныхъ; тысячи ручьевъ, выбивающихся на поверхность и только ждущихъ ихъ разработки; обширныя пространства, гдѣ вода можетъ быть найдена колодцами на глубинѣ всего нѣсколькихъ сажень. При наличности этихъ условий можно говорить не о недостаткѣ воды, а развѣ лишь о недостаткѣ въ людяхъ, которые знали бы, какъ добыть воду и какъ распредѣлить ее и использовать.

Естественныя условія Западной Сибири и Степного края благоприятствуютъ развитію земледѣлія, не говоря уже о скотоводствѣ; необходима лишь передача переселенцамъ извѣстныхъ агрономическихъ знаній и навыковъ, умѣнья обращаться съ землей и водой, — а въ этомъ условіи нѣтъ ничего непреодолимаго.

Правыми, окажутся, вѣроятно, тѣ «самовольные» и иные переселенцы, которые, не выжидая рѣшенія ученыхъ агрономическихъ и метеорологическихъ способовъ, тысячами идутъ въ киргизскій край и, крестясь, поднимаютъ тамъ степную цѣлину не безъ выгоды для себя. Они руководятся вѣрнымъ чутьемъ и, дастъ Богъ, сумѣютъ пережить тамъ и засушливые годы, прировнившись къ условіямъ степного земледѣльческаго хозяйства.

Наружныя и подземныя воды.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Водворение переселенцев и крестьянская собственность.

Суровость условий
Сибири.

Даже въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ хозяйственныя условія благоприятны для заселенія, общая обстановка сибирской жизни остается все же суровой и однообразной. При посѣщеніи переселенческихъ поселковъ чувствуется, что новымъ пришельцамъ приходится жить заботами „о хлѣбѣ единомъ“, въ утомительной борьбѣ съ природой. Эти поселки, болѣею частью затерянные въ тайгѣ или въ степи и состоящіе изъ недавно собравшихся людей безъ кровной связи, безъ общаго прошлаго, — должны жить почти одними только хозяйственными интересами. У нихъ часто даже нѣтъ церкви; нѣтъ близости города, нѣтъ ярмарокъ. Не всѣ выдерживаютъ такую жизнь. Люди суроваго закала, упорные и нетребовательные, напримѣръ латыши, сектанты, уживаются легче; переселенцы изъ среднихъ русскихъ губерній, выросшіе въ иной обстановкѣ, а въ особенности бабы, долго не могутъ привыкнуть къ дикости новыхъ условий.

Измѣнить существенно или скрасить эти условія не во власти правительства, но оно можетъ и должно помочь удовлетворенію важнѣйшихъ потребностей и смягченію хозяйственныхъ трудностей водворенія.

Церкви и школы
для переселенцевъ.

Въ заботахъ о церкви и школѣ для переселенцевъ въ послѣдніе 3—4 года участвуетъ и Главное Управление Землеустройства и Земледѣлія, рѣшившее организовать и двинуть это дѣло при помощи выдачи переселенцамъ общепользовныхъ ссудъ и пособій. За счетъ этихъ ссудъ не только строятся храмы и школьныя зданія, но и организуются разнѣздные причты тамъ, гдѣ нѣтъ постоянныхъ приходовъ. Въ одномъ прошломъ году въ Сибири учреждено 67 новыхъ приходовъ (считая разнѣздные причты), удалось выстроить 48 церквей, открыть 98 школъ. Въ этомъ году размѣры церковнаго и школьнаго строительства Переселенческимъ Управленіемъ значительно расширены. Конечно, по сравненію съ потребностью того, что дѣлается, совершенно недостаточно, но можно быть спокойнымъ за то, что дѣло это не погибнетъ, и опасность нравственнаго одичанія переселенцевъ будетъ менѣе грозной. Просьба о церкви тамъ, гдѣ ея еще нѣтъ, повторялась во всѣхъ посѣщенныхъ нами поселкахъ. Трудность новыхъ условий, ставящихъ переселенцевъ лицомъ къ лицу съ дикой природой, создаетъ вообще въ переселенческихъ деревняхъ особое, сразу передающееся серьезное и глубокое настроеніе, въ отличіе отъ покойной и даже иногда лѣнивой жизни старожиловъ и казачьихъ селеній. Выстроенный храмъ становится центромъ поселка и напоминаетъ переселенцамъ о родинѣ, гдѣ они

жили хотя и бѣдно, но въ атмосферѣ, согрѣтой религиозными и историческими преданіями, и откуда попали въ край богатый, но чужой и дикій. Большое вліяніе имѣютъ на переселенцевъ и попадающіе теперь въ ихъ среду священники изъ числа бывшихъ слушателей пастырскихъ курсовъ, устроенныхъ въ прошломъ году въ Москвѣ съ благословенія Митрополита Московскаго. Многіе изъ нихъ—люди призванія, съ глубокой вѣрой и увлеченіемъ дѣлающіе въ сибирской глуши свое великое по значенію дѣло. Встрѣчи и бесѣды съ ними оставили въ насъ отрадное, бодрящее впечатлѣніе.

Удачный подборъ священниковъ во вновь открытыхъ приходахъ обезпечитъ и возникновеніе въ нихъ первоначальнаго школьнаго обученія. Постройка школьныхъ зданій за счетъ выдаваемыхъ на это ссудъ изъ переселенческихъ кредитовъ, открывается ли школа церковно-приходская или Министерства Народнаго Просвѣщенія, подвинулась впередъ. Только что изданный законъ о лучшемъ обезпеченіи школьныхъ учителей въ Азіатской Россіи поможетъ развитію школьнаго дѣла, а въ этомъ нуждаются не только переселенцы, но и старожилое сибирское населеніе.

Врачебная помощь.

Врачебная помощь переселенцамъ, столь же мало входящая въ обычный кругъ дѣятельности вѣдомства земледѣлія, какъ и устройство приходской жизни, и столь же настоятельно требуемая отъ него условіями Сибири, гдѣ земскія лечебницы приходится нерѣдко по одной на районъ въ 30 тысячъ квадратныхъ верстъ, съ пятидесяти-тысячнымъ населеніемъ, за послѣдніе годы развивается, но еще далеко не можетъ быть признана поставленной удовлетворительно. Правда, врачебный кредитъ по смѣтѣ Переселенческаго Управленія за 2 послѣдніе года увеличился почти вдвое: въ 1908 году—1.738 тысячъ рублей, въ 1910 году—3.256 тысячъ рублей; а на 1911 годъ испрашивается уже около 4.000.000 рублей. Но, несомнѣнно, предстоитъ и дальнѣйшій ростъ этого кредита. На всю Сибирь устроено только около двухсотъ переселенческихъ пунктовъ, изъ нихъ четвертая часть въ настоящемъ году, и есть еще много глухихъ поселковъ, лишенныхъ всякой медицинской помощи, гдѣ часты заболѣванія и высока смертность. Поэтому, въ дальнѣйшемъ необходимо усиливать врачебную помощь переселенцамъ, не столько на линіяхъ желѣзныхъ дорогъ, обставленныхъ а въ этомъ отношеніи въ общемъ удовлетворительно, сколько на мѣстахъ водворенія.

Хозяйственная помощь переселенцамъ во всѣхъ ея видахъ составляетъ уже прямую обязанность Переселенческаго Управленія. Наиболѣ развитой стороной правительственной дѣятельности въ этомъ направленіи является

Сельно-хозяйственные склады.

организация переселенческих сельскохозяйственных складов, снабжающих и переселенцев, и старожилов сельскохозяйственными орудиями. Склады, имевшие теперь 90 отделений, сосредоточили в своих руках $\frac{1}{3}$ всей торговли этого рода в Сибири. Дело это поставлено давно, прочно, и вносить в него какие-либо изменения не значит: даже в неурожайный 1909 год, при заметном понижении оборота, склады дали все-таки 330 тысяч рублей чистой прибыли; полезное же значение их общепризнано. Это — яркий пример и денежной, и культурной удачи ведения казны хозяйственного предприятия. Отдельного упоминания заслуживают побочные культурные учреждения, устрояемые складами за счет прибыли: так, например, осмотренная нами в селе Пытухово учебно-ремесленная мастерская и школа монтеров, по постановке преподавания, могла бы быть принята за образец и для Европейской России, где так сильна потребность в практической, профессиональной народной школе, дающей ученикам полезное знание и заработок, вместо обрывков теоретических познаний и быстро утрачиваемой грамотности.

Не налаженной пока остается одна сторона в деятельности складов: переход к продаже сельскохозяйственных машин и орудий исключительно русского издѣла.

Отказавшись уже от продажи иностранных плугов, молотилок и вѣялок и перейдя к продаже этих издѣлий русских заводов и кустарей, склады вынуждены все-таки, попрежнему, *уборочные* машины ежегодно выписывать из Америки, от Международной Компании, на 2 миллиона рублей. Русские заводы не могут пока идти на такие отсрочки платежей за машины, не проданные или не оплаченные полностью взявшими их в кредит покупателями, какие даются американской компанией. Необходимо, поэтому, теперь же озаботиться увеличением оборотного капитала складов.

Есть, впрочем, и иной способ разрешения этого вопроса: иностранная компания строит свои заводы под Москвой и будет работать русскими рабочими, из русских материалов. При этом условии складам будет обеспечена поставка хороших уборочных машин, а уплачиваемая за них деньги в значительной части своей останутся в России.

Если необходимость развития деятельности сельскохозяйственных переселенческих складов и связанных с ним кредитной операции не возбуждает обыкновенно сомнения, то, напротив, денежные переселенческие ссуды чаще всего подвергаются жестокой критике. Многие видят в них развращающих переселенца подачки и настаивают на полном отказе от

выдачи ссуд и на взыскании с самого переселенца денег за отводимую ему землю. Другие, наоборот, считают главной бедой малый размер ссуд (в среднем по 100 рублей на семью) и настаивают на увеличении их размера в несколько раз, но при этом и на более тщательном разборе индивидуальных особенностей в положении каждой отдельной семьи для того, чтобы оказывать помощь только действительно нуждающимся.

Каждое из этих двух противоположных мнений имеет свои основания; каждое из них верно в применении к отдельным местностям Сибири и неверно по отношению к другим. Нельзя бросать переселенца где-нибудь в тайгу без денежной помощи, на произвол судьбы. Это значило бы отнять у переселенческой бедноты последнюю надежду на Сибирь и многих, нуждающихся в заселении, местности обресть на безлюдье. Но нельзя и принимать всюду на казенный паек переселенческие семьи, хотя бы и наиболее бедные.

Для решения вопроса о размерах ссуд необходимо разобраться в различных условиях и различной степени трудности хозяйственного устройства по отдельным районам Сибири. С различием этих районов и следует сообразовать размеры выдаваемых ссуд, а отнюдь не с загадочным количеством рублей, спрятанных у того или иного переселенца за голенищем.

Разбираться в состоятельности переселенцев, вчера только пришедших на участки, задача совершенно непосильная для чиновников, кому бы ни поручать это дело. Да незначит и искать в переселенческой толпе, пришедшей за тысячи верст в сибирскую тайгу заново строить свое хозяйство, отдельных „лиц“, действительно нуждающихся в правительственной помощи. Там более типичная и неверная мысль, — стремиться сгладить и уравнивать путем казенных „додач“ все индивидуальные различия в степени состоятельности отдельных переселенцев. Это только даст повод самым переселенцам добиваться впоследствии новых „дополнительных ссуд“ и извращает всю поставку ссудного дела, превращая ссуду в „пособие“.

Между тем условия водворения по местностям весьма различны. Различие это бросалось нам в глаза даже при простом проезде по участкам и, конечно, оно хорошо известно работающей на местах переселенческой организации. Сохранять, не смотря на это, одинаковые размеры ссуд переселенцам, всюду по 100 рублей на семью — в лесной глуши, где требуется каторжный труд раскорчевки, и на черноземных

степныхъ отрѣзкахъ Кабинетскихъ земель, близъ желѣзной дороги, представляетъ уже явную ошибку въ общей постановкѣ переселенія.

Устранить эту ошибку и сообразовать размѣры денежной помощи съ различіемъ хозяйственныхъ условій въ различныхъ районахъ, съ трудно-стью заселенія, а не съ бѣдностью того или иного переселенца — очередная въ переселенческомъ дѣлѣ задача.

Въ этомъ смыслѣ необходимо измѣнить самый законъ о ссудахъ и построить новыя правила о ссудахъ на основѣ различныхъ *порайонныхъ* нормъ ссудъ. А такъ какъ хозяйственныя условія жизни районовъ мѣня-ются, то, для приданія ссудной операціи необходимой гибкости, право опредѣлять и видоизмѣнять эти нормы должно быть законодателемъ пре-доставлено власти правительства. При этомъ въ лучшихъ, наиболѣе лег-кихъ, районахъ, гдѣ отводимая земля теперь уже стоитъ большихъ денегъ и должна продаваться переселенцамъ, слѣдуетъ вовсе отказаться отъ ссудъ. Въ сѣверныхъ и восточныхъ, вообще трудныхъ, таежныхъ районахъ нынѣш-ній предѣльный размѣръ ихъ (165—200 рублей) долженъ быть удвоенъ. Во многихъ случаяхъ въ глухихъ мѣстахъ придется взамѣнъ выдачи де-негъ снабжать новоселовъ заранѣе заготовленнымъ хлѣбомъ и иными необ-ходимыми имъ предметами. Но въ то же время придется обусловить въ этихъ мѣстностяхъ выдачу увеличенныхъ денежныхъ ссудъ извѣстными обя-зательствами по расчисткѣ тайги, такъ какъ на этотъ именно предметъ онѣ должны быть усилены. Притомъ каждый переселенецъ, выбирающій для себя тотъ или другой районъ, долженъ заранѣе опредѣленно знать, на какую помощь онъ можетъ тамъ въ данное время рассчитывать и на какой предметъ эта помощь можетъ быть ассигнована — и на этотъ строить свои хозяйственные планы.

При такомъ измѣненіи ссуднаго закона будетъ достигнута гораздо большая справедливость въ распредѣленіи между переселенцами казенной помощи. вмѣстѣ съ тѣмъ будетъ достигаться и большая равномерность въ заселеніи сибирскихъ районовъ; тамъ, гдѣ требуется отъ переселенца больше труда и затратъ, ему будетъ оказана и большая помощь; тамъ же, гдѣ водвореніе сулитъ вѣрное улучшение положенія, безъ особо тягостнаго къ нему перехода, отводъ земли будетъ связанъ съ хотя бы небольшою пла-тою за казенную землю.

Домообзаводственные денежные ссуды новымъ пришельцамъ, еще не устроившимся, не скившимся ни съ сибирской природой, ни даже другъ съ другомъ, составляютъ вполнѣ нормальный видъ правительственной по-мощи, и трудно повѣрить въ возможность скорой замѣны ихъ иными

„правильными“, „коммерческими“ и т. п. формамъ кредита. Для правиль-наго кредита нужно прочное основаніе кредитоспособности, наличность устойчиваго хозяйства и взаимной укрѣпившейся связи отдѣльныхъ хо-зяйствъ. Пока этого нѣтъ, до тѣхъ поръ простѣйшій видъ помощи — ссуды отдѣльнымъ семьямъ на домообзаводство на льготныхъ условіяхъ — остается единственнымъ и простымъ видомъ дѣйствительно живой первоначальной помощи переселенцу. Впослѣдствіи же, когда населеніе окрѣпнѣетъ, придетъ время и для иной болѣе правильной организаціи мелкаго кредита. Дѣло это въ Западной Сибири мѣстами уже начинается. По докладу завѣдую-щаго Тургайско-Уральскимъ райономъ, въ Актюбинскомъ и Кустанайскомъ уѣздахъ за какіе-нибудь полтора года открыты и дѣйствуютъ среди пере-селенцевъ 18 учреждений мелкаго кредита: ссудо-сберегательныхъ и кре-дитныхъ товариществъ.

Крупный вопросъ во вновь заселяемыхъ частяхъ Сибири — продоволь-ственная правительственная помощь при недородахъ. Неудача первыхъ посѣвовъ въ первые годы водворенія — тяжелое бѣдствіе. Трудно пережить его переселенцу, по неимѣнію запасовъ на черный день. Еще труднѣе сохранить вѣру въ новую землю, на которой ожидалось „лучшее“ и которая оказалась „горше прежняго“. И часто случайный неурожай первыхъ лѣтъ — един-ственная, но столь понятная причина оставленія участка, бѣства на ро-дину и полного крушенія благополучія переселенческой семьи навсегда. Своевременная продовольственная помощь, выходящая за обычныя нормы переселенческихъ ссудъ, здѣсь особенно важна; но организація кредита продовольственного и на обѣмненіе полей — дѣло совершенно неустроенное въ Сибири и въ старожиловыхъ поселкахъ. А такой кредитъ и для старо-жиловъ, при неурожаѣ, становится необходимымъ, въ виду постепеннаго перехода старожилаго хозяйства отъ натуральнаго къ денежному. Немоло-ченныя по годамъ скирды, хранилища, полныя многолѣтнимъ сборомъ зерна, во многихъ мѣстахъ Сибири, гдѣ имѣются сносныя условія для вывоза и крѣпости хлѣбныхъ цѣнъ, отходятъ въ прошлое.

Между тѣмъ на губерніи и области Сибири не распространяются вре-менные правила 12 Іюня 1900 года по обезпеченію продовольственныхъ потребностей сельскихъ обывателей. Въ нихъ дѣйствуетъ до сихъ поръ старый Уставъ о Народномъ Продовольствіи. Поэтому продовольственные запасы составляютъ здѣсь по числу „ревизскихъ“ душъ, обращеніе нату-ральныхъ запасовъ въ денежные допускается лишь въ мѣстностяхъ, гдѣ земледѣліе не составляетъ главнаго промысла населенія. Но хлѣбные за-пасы по числу душъ ревизіи 1858 года — явно ничтожны. Самое опредѣ-

Продовольствен-
ное дѣло.

леніе ревизскихъ душъ для новыхъ поселковъ—правило мертвое. Въ виду этого установить въ Сибири теперь же, въ томъ или иномъ порядкѣ, образованіе хлѣбныхъ запасовъ въ старожилческихъ, а равно и въ переселенческихъ поселкахъ по соотвѣтствію съ наличнымъ составомъ населенія—дѣло неотложное.

Въ теченіе лѣтнѣйшей зимы въ Западной Сибири предвидятся продовольственные компаніи: въ Павлодарскомъ уѣздѣ Семипалатинской области, въ нѣсколькихъ селеніяхъ Барнаульскаго уѣзда, прилегающихъ къ Павлодарскому уѣзду, и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Акмолинской области. а на востокъ—въ Енисейской губерніи и Приморской области.

Успѣхъ общественныхъ работъ, устроенныхъ въ минувшемъ году по случаю неурожая въ переселенческихъ поселкахъ Тургайской области Губернаторомъ Страховскимъ, при посредствѣ мѣстныхъ переселенческихъ чиновъ, внушаетъ увѣренность въ томъ, что и въ другихъ мѣстностяхъ это дѣло можетъ быть поставлено такъ же удачно. Между тѣмъ, именно такая трудовая помощь переселенцамъ — въ видѣ работъ по устройству напиримѣръ, плотинъ и запрудъ или особыхъ снѣжниковъ для задержанія снѣга на поляхъ — наиболѣе цѣлесообразнымъ способомъ, безъ вреднаго вліянія даровой раздачи пособій, обезпечиваетъ нужды пострадавшихъ поселковъ.

Вмѣстѣ съ казенной продажей хлѣба по заготовительной цѣнѣ, организація такихъ работъ и должна, согласно даннымъ на мѣстѣ губернскому начальству указаніямъ, составить главный видъ правительственной продовольственной помощи въ степныхъ областяхъ въ нѣлѣтнемъ и въ будущемъ годахъ.

Операцію казенной продажи хлѣба значительно облегчаютъ устроенныя Переселенческимъ Управленіемъ въ Акмолинской области и степныхъ уѣздахъ Тобольской губерніи казенныя хлѣбохранилища, передаваемая теперь въ вѣдѣніе продовольственной части Министерства Внутреннихъ Дѣлъ.

Изъ другихъ видовъ хозяйственной помощи переселенцамъ особеннаго вниманія требуютъ агрономическая помощь и содѣйствіе къ установленію лучшихъ формъ землепользованія.

Объ агрономической помощи новоселамъ впервые заговорили недавно, всего три года. Переселенческое Управленіе, въ связи съ прямыми его задачами, преслѣдовало въ этой области, главнымъ образомъ, цѣль выясненія сельско-хозяйственной пригодности будущихъ районовъ заселенія, производило пробныя посѣвы для опредѣленія возможности тѣхъ или иныхъ культуръ, вело метеорологическія наблюденія. За три года открыто въ

Агрономическая
помощь.

Сибири нѣсколько опытныхъ полей, устроено около сотни метеорологическихъ станцій, произведено на нѣсколькихъ десяткахъ постоянныхъ опытныхъ участковъ значительное число пробныхъ посѣвовъ. Но прямая помощь новоселамъ оставалась до послѣдняго времени на второмъ планѣ, и только Темирское опытное поле—въ степной засушливой полосѣ Уральской области—достигло, по удостовѣренію мѣстныхъ учреждений, нѣкотораго вліянія на хозяйство переселенцевъ.

Между тѣмъ задачи агрономической помощи переселенцамъ въ Сибири громадны. Необходимо систематическое развитіе здѣсь опыта дѣла по всѣмъ отраслямъ сельско-хозяйственного промысла. Переселенцы лишены здѣсь даже основы прежней своей хозяйственности: рутинны заведеннаго хозяйства; климатическія и почвенныя условія — инныя, имъ незнакомыя; помѣщичьихъ хозяйствъ нѣтъ, а у старожиловъ, довольствующихся залежной системой, имъ, выросшимъ на трехпольѣ, — а во многихъ случаяхъ свыкшимся и съ травосѣяніемъ,—многому не научиться. Въ то же время, испытать на себѣ всѣ бѣды прежнихъ неурожаевъ на роднѣ, переселенцы достаточно умудрены непосредственнымъ личнымъ опытомъ для сознанія всей важности улучшеній техники своего хозяйства на новыхъ мѣстахъ, они ихъ ищутъ, и трудно придумать лучшую минуту для плодотворности агрономической помощи, при условіи правильной ея постановки.

Да и старожилы въ Сибири разбужены совершающимся, подъ вліяніемъ переселенія, переломомъ въ ихъ хозяйственной жизни, сокращеніемъ земельного пространства, и потому не менѣе переселенцевъ рады были бы каждому полезному указанію, какъ приспособиться къ новымъ условіямъ.

Успѣхъ дѣла агрономической помощи въ Сибири зависитъ, такимъ образомъ, главнѣйше отъ знаній и, еще болѣе, отъ личныхъ дарованій тѣхъ людей, которые будутъ приставлены къ этому трудному и ответственному дѣлу: учить хозяевъ—хозяйничать. Задача вѣдомства земледѣлія теперь всячески искать и готовить такихъ людей. Главный доступный для правительства путь къ этому—насажденіе техническихъ знаній, школа; и школа мѣстная, вырабатывающая специалистовъ-практиковъ въ тѣхъ именно хозяйственныхъ условіяхъ, въ которыхъ должна протекать ихъ будущая дѣятельность. Поэтому необходимо прежде всего открыть на мѣстѣ, въ Сибири, спеціальныя агрономическія училища, сначала среднія, а затѣмъ и высшія.

Мѣстомъ для первой средней школы естественно намѣчается Омскъ, какъ главный хозяйственный центръ западной Сибири; высшее же сельско-хозяйственное учебное заведеніе было бы цѣлесообразнѣе всего от-

крыть въ Томскѣ, на первое время въ видѣ особаго факультета или отдѣленія при одной изъ существующихъ уже высшихъ школъ—Университетѣ или Технологическомъ Институтѣ.

Вопросъ о крестьянской собственности въ Сибири.

Нѣсколько легче осуществимой для органовъ государственной власти задачей, нежели прямое воздѣйствіе на улучшение пріемовъ крестьянскаго хозяйства, является содѣйствіе установленію лучшихъ, болѣе выгодныхъ формъ землевладѣнія и землепользованія.

Въ вопросѣ этомъ—двѣ основныя грани: 1) устройство старожилаго населенія и 2) отводъ земель для переселенцевъ.

Особенности земельного строя за Ураломъ.

Въ томъ и другомъ отношеніи, на всемъ востокѣ Россійской Имперіи, отъ Урала до Тихаго океана, исторически сложились и правовыя идеи, и земельныя порядки, нѣсколько отличныя отъ Европейской Россіи. Здѣсь, за ничтожными исключеніями, нѣтъ частной собственности ни у старожилаго населенія, ни у переселенцевъ, ни у казаковъ, ни у инородцевъ; вся земля—либо казенная, либо войсковая, либо Кабинетская. Она состоитъ лишь во владѣніи или пользованіи живущихъ на ней людей. Что касается внутренняго распорядка пользованія, земля эта находится юридически, опять-таки въ преобладающемъ большинствѣ случаевъ, въ распоряженіи крестьянскихъ, сельскихъ или волостныхъ обществъ, казачьихъ станицъ и инородческихъ ауловъ. На этихъ основаніяхъ отводятся постоянныя земельныя надѣлы старожилому сибирскому населенію, оставляются временно земли въ пользованіи кочевыхъ инородцевъ, отмежевываются надѣлы казачьимъ станицамъ и, наконецъ, предоставляются переселенцамъ новыя участки.

Такое положеніе нерѣдко возбуждаетъ сомнѣнія въ однородности началъ нашей государственной земельной политики въ Европейской Россіи и за Ураломъ.

Въ Азіатской Россіи, до послѣдняго времени мало заселенной, имѣвшей пока значеніе, главнымъ образомъ, обширной и цѣнной, но единственной при этомъ, колоніи Русскаго Государства и сохраняющей въ извѣстной степени этотъ характеръ и въ настоящую минуту, — во владѣніи юридическихъ земельныхъ собственниковъ—казны, Кабинета и казачьего войска—состоятъ лишь свободныя земельныя запасы, сокращающіеся по мѣрѣ заселенія и перехода въ культурное состояніе.

Земли заселенныя, т.-е. такъ или иначе освоенныя человѣкомъ при помощи его труда или какихъ-нибудь проявленій его права надъ ними, и въ Сибири также крѣпки ихъ владѣльцамъ, будь то казакъ, старожила, переселенецъ или оставившій кочеваніе отдѣльный инородецъ, какъ если

бы они были ихъ юридическими собственниками. Отъ послѣднихъ они существенно отличаются только отсутствіемъ права на отчужденіе.

Что же касается внутринадѣльныхъ порядковъ землепользованія, то, Сибирская Община. Сибирская община подъ вліяніемъ здѣшняго земельного простора и отсутствія главнаго зла общиннаго владѣнія—полной переверстки тяголъ, подъ давленіемъ фискальныхъ требованій, не дожила еще и въ настоящее время до гибельнаго „равненія“ земли и періодическихъ передѣловъ. За весьма рѣдкими исключеніями, имѣющими мѣсто въ единичныхъ случаяхъ, которые встрѣчаются въ немногихъ волостяхъ Западной Сибири и составляютъ въ общемъ ничтожный процентъ,—сибирской общинѣ неизвѣстны ни уравнительныя срочныя передѣлы, ни отобраніе отъ одного владѣльца раздѣланной и удобренной имъ земли въ пользу другого безданно и безоплавно—ради одного только равненія. Въ общемъ, и у старожила, и у переселенца, вложившаго трудъ въ раздѣлку и обработку земли, живеть убѣжденіе въ неотъемлемости такого участка, и случаи отобранія у кого-нибудь такой земли обществомъ, безъ согласія владѣльца и безъ вознагражденія, неизвѣстны.

Кстати замѣтить, всѣ сложныя земельно-правовыя отношенія въ сибирской общинѣ, основанныя больше всего на правѣ *захвата трудомъ* (займки) извѣстнаго количества земли, распутываются и разрѣшаются безъ особыхъ осложненій по установившимся на мѣстахъ или принесеннымъ съ родины вѣковыми понятіямъ и обычаямъ. Въ отличіе отъ многихъ мѣстностей Европейской Россіи, за Ураломъ—при зачаточномъ состояніи волостного судопроизводства—ни волостной судъ, ни сельскіе сходы, ни крестьянскія учрежденія не обременены земельными внутринадѣльными спорами. И нельзя даже представить себѣ всѣхъ трудностей и послѣдствій развитія судебного канцелярскаго производства при условіи, если бы правительство, отказавшись отъ услугъ неписаннаго гражданскаго кодекса, опредѣляющаго весь порядокъ землепользованія Сибири, поставило бы себѣ задачей на все это написать законы и правила—и работою своихъ чиновниковъ, которыхъ и теперь не хватаетъ для окранныя, пыталось бы замѣнить весь трудъ крестьянскихъ обществъ и судовъ по созданію, укрѣпленію и защитѣ этихъ сложнѣйшихъ, въ области юриспруденціи, земельныхъ правъ и интересовъ.

Правда, подъ влияніемъ быстрого заселенія свободныхъ излишковъ, сказочнаго роста цѣнности и доходности земли въ Сибири и широкой волной вливающейся въ старожильческія села пришлаго изъ Европейской Россіи крестьянства, во многихъ мѣстностяхъ вполне назрѣла потребность внутринадѣльной разверстки. Число приговоровъ о раздѣлѣ общественной земли растетъ ежедневно, особенно въ обществахъ, нуждающихся въ новомъ земельномъ порядкѣ въ виду отрѣзки у нихъ въ казну излишковъ фактическаго землевладѣнія при отграниченіи надѣла отъ казны, но въ этихъ случаяхъ раздѣлы чаще всего устраиваются практически — „на-всегда“.

Съ юридической стороны крестьянское земельное устройство Сибири является тождественнымъ съ тѣми условіями, въ коихъ жило крестьянское населеніе Европейской Россіи до 1861 года повсемѣстно, а затѣмъ — вплоть до преобразованія оброчной подати казенныхъ крестьянъ въ выкупные платежи — на пространствѣ казенныхъ земель, отведенныхъ бывшимъ государственнымъ крестьянамъ. По бытовому же укладу, т. е. въ отношеніи внутринадѣльныхъ распоряжковъ, жизнь сибирской общины выгодно отличается отъ общинной неурядицы въ нѣкоторыхъ великорусскихъ губерніяхъ отсутствіемъ общихъ и частныхъ передѣловъ и гораздо большею готовностью къ воспріятію новыхъ формъ. Населеніе общинъ, даже въ старожилыхъ земляхъ, часто наполовину состоитъ изъ выходцевъ Европейской Россіи, строящихъ на этихъ, новыхъ для нихъ, земляхъ новую жизнь и потому легко идущихъ на всякое новшество. Наконецъ, здѣсь не имѣется еще и понятія о той земельной тѣснотѣ стараго, изработанаго крестьянскаго надѣла, особенно въ выгонахъ и выпасахъ скота, которая такъ часто является для обществъ Европейской Россіи главнымъ затрудненіемъ въ переходѣ къ лучшимъ и рациональнымъ формамъ хозяйства.

Сохраненіе до нашихъ дней въ сибирскомъ законодательствѣ идеи государственной земельной собственности имѣло полезное практическое значеніе. Замедлившееся рѣшительное отдѣленіе крестьянскихъ надѣловъ отъ казенныхъ владѣній привело къ тому, что современный отводъ земель можетъ быть согласованъ съ совершенно измѣнившейся и возросшей въ настоящее время ихъ цѣнностью. Кроме того сохраненіе въ Сибири своеобразнаго архаическаго земельного строя и вызывающій столько нареканій отказъ отъ закрѣпленія за кочевыми инородцами обширныхъ площадей ихъ землепользованія дали въ распоряженіе правительства большое количество цѣнныхъ земель, въ видѣ отрѣзковъ отъ надѣловъ старожилыхъ и киргизскихъ земельныхъ излишковъ, въ лучшей полосѣ Сибири, наиболѣе

Государственная
крестьянская соб-
ственность.

пригодной для переселенія крестьянъ съ малоземельнаго юга и запада Европейской Россіи.

Но всему свое время. Быстро идущая впередъ жизнь, съ измѣненіемъ экономическихъ условій, поворотомъ во взглядахъ и развитіемъ новыхъ идей, ставитъ и новыя задачи законодательству и правительству. Начавшееся только съ изданіемъ законовъ 1896 и 1898 годовъ отдѣленіе крестьянской земли отъ казенной въ настоящее время быстро движется впередъ: во владѣніе крестьянъ укрѣплены уже миллионы десятинъ въ Сибири. Потребность въ землеустройствѣ старожилыхъ растетъ и обостряется. Она признается и законодательными учрежденіями, — на дѣло это ассигнуются все большія суммы. Наряду съ этимъ, ежегодно новые миллионы десятинъ отводятся подъ переселеніе.

Сохранять при этихъ новыхъ условіяхъ за всѣми землями, фактически переходящими въ частное владѣніе, убывающими уже навсегда изъ колонизаціоннаго сибирскаго государственнаго запаса, юридическое опредѣленіе ихъ какъ государственной собственности не имѣетъ никакого практическаго значенія.

Самая мысль о сохраненіи за казною, исключительно для потребностей будущаго, такихъ запасовъ, какъ бы мертвыхъ богатствъ, на окраинахъ, при современной необходимости оживленія этихъ окраинъ, подвергается справедливой критикѣ. Въ общественномъ сознаніи крѣпнеть свойственная всѣмъ современнымъ культурнымъ странамъ увѣренность, что главное богатство и мощь государства не въ казнѣ и казенномъ имуществѣ, а въ богатѣющемъ и крѣпкомъ населеніи. Наконецъ, проникающее въ послѣднее время во всѣ слои крестьянства стремленіе къ единоличному хозяйству и къ освобожденію отъ тягостныхъ для земледѣлія общинныхъ порядковъ — все это выдвигаетъ на первый планъ необходимость рѣшительнаго поворота въ земельной политикѣ въ Сибири. Необходимо и въ Сибири столь же твердо, какъ въ Европейской Россіи, стать на путь созданія и укрѣпленія частной собственности.

Нужно теперь же покончить съ утратившимъ значеніе титуломъ государственной собственности для всѣхъ земель, отводимыхъ въ надѣлы старожилыхъ и переселенцевъ, и принять всѣ требуемые, въ порядкѣ законодательства, мѣры къ возможности распространенія на все населеніе Азіатской Россіи узаконеній послѣдняго времени, направленныхъ къ устраненію вредныхъ сторонъ общинно-земельныхъ порядковъ.

Въ этомъ направленіи правительствомъ уже разработанъ проектъ новаго закона о землеустройствѣ, вносимый въ Государственную Думу въ нынѣш-

Необходимость из-
мѣненія земельной
политики.

Новый законъ о
сибирскомъ земле-
устройствѣ.

ную сессию. Главные основания его: а) обращение всего сибирского крестьянского населения, по мѣрѣ земельного устройства, въ собственниковъ отводимыхъ нѣ земель и б) закрѣпленіе за каждымъ владѣльцемъ надѣльной земли, кто только этого пожелаетъ, опредѣленного и неизмѣннаго, внѣ всякой зависимости отъ усмотрѣнія общины, размѣра земельныхъ правъ (долевого участія) въ общемъ надѣлѣ.

Проверка основныхъ положеній этого закона на мѣстѣ, путемъ ознакомленія съ теперешнимъ характеромъ землепользованія старожиловъ и переселенцевъ и съ настроеніемъ и мыслями объ этомъ представителей самаго крестьянства, устранила въ насъ сомнѣнія въ правильности задуманнаго преобразования и неотложности его осуществленія.

Но проектируемый законъ о сибирскомъ землеустройствѣ явится несомнѣнно лишь первымъ и необходимымъ шагомъ для распространенія на Азіатскую Россію новыхъ порядковъ крестьянскаго землеустройства.

По утвержденіи его откроется возможность примѣнить на всемъ обширномъ пространствѣ Сибири и порядокъ укрѣпленія за отдѣльными крестьянами ихъ участковъ на основаніи Указа 9 Ноября 1906 года (закона 14 Юля 1910 года) и разрабатываемаго въ настоящее время въ законодательныхъ учрежденіяхъ положенія о надѣльныхъ земляхъ.

Разумѣется, введеніе въ жизнь сибирскаго крестьянства новыхъ порядковъ потребуетъ, какъ и въ Европейской Россіи, продолжительнаго времени. Наиболѣе крупные результаты и въ землеустройствѣ Европейской Россіи достигнуты путемъ добровольнаго размежеванія надѣловъ, т.-е. тамъ, гдѣ потребность въ этомъ признана самими обществами. Конечно, и въ Сибири правильное внутринадѣльное землеустройство, безъ насильственной и слѣпной ломки хозяйственнаго уклада, можетъ явиться послѣдствіемъ лишь добровольнаго и сознательнаго перехода крестьянъ къ новымъ формамъ; большая здѣсь близость этихъ формъ къ существующему порядку, чѣмъ въ Европейской Россіи, обезпечитъ и ускореніе этого процесса.

Во всякомъ случаѣ, какъ со введеніемъ новаго землеустроительнаго закона о крестьянской собственности, такъ и теперь уже, въ цѣляхъ подготовки успѣшнаго хода этого дѣла въ будущемъ, предъ правительствомъ открывается широкая возможность противоидіеітвіа развитію въ Сибири общинно-уравнительныхъ распоряженій.

Мѣры этого характера мы считаемъ настоятельными и, какъ самыя существенныя, намѣчаемъ: 1) широкое правительственное содѣйствіе внутринадѣльному межеванію и выдѣлу отдѣльнымъ хозяевамъ отрубныхъ участковъ какъ въ переселенческихъ, такъ и въ старожиловъ обществахъ,

2) отводъ переселенческихъ участковъ, по возможности, съ распределеніемъ земли на отруба и 3) преимущественное предоставленіе переселенческихъ участковъ обществамъ, устанавливающимъ подворное участковое землепользованіе, съ укрѣпленіемъ неизмѣннаго долевого участія каждаго крестьянина на отводимомъ надѣлѣ.

Мѣры эти потребуютъ несомнѣнно значительныхъ затратъ на увеличеніе состава межевыхъ партій въ Сибири, на ссуды крестьянскимъ обществамъ для приглашенія частныхъ землемеровъ и на наблюденіе за ходомъ этого дѣла. При постоянномъ недостаткѣ людей со спеціальной подготовкой для этого встрѣтятся, конечно, немало и техническихъ затрудненій въ быстромъ достиженіи цѣли. Тѣмъ не менѣе, личное знакомство наше съ положеніемъ вопроса на мѣстѣ, настроеніемъ и мыслями самихъ крестьянъ и общимъ мнѣніемъ стоящихъ у дѣла лицъ приводятъ насъ къ убѣжденію, что затраты на это дѣло вполне оправдываются настоятельной потребностью сибирской жизни. Предстоящія затрудненія могутъ быть устранены во времени и могутъ развѣ лишь замедлить, но не остановить начавшейся въ средѣ крестьянства въ Сибири, какъ и въ Европейской Россіи, процессъ выдѣленія и обособленія отъ общины отдѣльныхъ наиболѣе крупныхъ хозяйственныхъ единицъ.

Необходимость внутринадѣльнаго размежеванія старожиловъ или переселенческихъ обществъ во многихъ случаяхъ такъ очевидна, что прежде всего вызываетъ мысль о томъ, не должно ли всегда приурочивать это размежеваніе къ первоначальному отводу надѣла старожилому обществу или къ самому образованію переселенческаго участка. И только ближайшее изученіе прошлаго какъ сибирскаго землеустройства, такъ и переселенія выяняетъ глубокое различіе въ задачахъ первоначальнаго отдѣленія казенныхъ земель отъ крестьянскихъ и заселенія пустынныхъ пространствъ съ одной стороны и усовершенствованія порядковъ надѣльнаго землепользованія съ другой, и оправдываетъ существующую параллельность работы въ той и другой области.

Изданіе землеустроительныхъ законовъ 1896 и 1898 годовъ въ Сибири, на Алтаѣ и въ Забайкальѣ вызвано было необходимостью сформировать старожиловъ надѣлы и отдѣлить ихъ отъ казенныхъ земель, среди которыхъ, на пространствѣ десятковъ тысячъ десятинъ, вкраплены, въ самой невообразимой взаимной черезполосицѣ различныхъ угодій, владѣнія крестьянъ разныхъ обществъ и волостей, основанныя на разныхъ правахъ, а выѣстъ съ ними и подлежащія сохраненію за казною оброчныя статьи и свободныя казенныя земли для переселенія и, наконецъ, казенныя цѣн-

Внутринадѣльное
межеваніе.

Дополнительныя
къ закону мѣро-
пріятія.

ныя и лѣсоохраннаго значенія лѣсныя дачи... Эту сложную задачу рѣшено было поставить въ первую очередь, совершенно отдѣливъ ее отъ всякой иной операціи, замедляющей такое первоначальное, по образу библейскаго раздѣленія „суши отъ воды“, государственное межеваніе сибирскихъ земель, въ большинствѣ не подвергавшихся ранѣе никакому измѣренію и никакой съемкѣ на планѣ. Дѣйствующій законъ о землеустройствѣ сибирскихъ старожиловъ ограничивается, поэтому, опредѣленіемъ лишь границъ общихъ надѣловъ цѣлыхъ селеній, предоставляя судьбу внутринадѣльного ихъ устройства будущему. Десятилѣтній опытъ примѣненія этого закона показалъ, что и въ этой грубой формѣ межевой процессъ требуетъ большой затраты силъ, идетъ крайне медленно и, несмотря на значительное ускореніе его въ послѣдніе годы, не коснулся еще половины подлежащихъ дѣйствию закона земель. Изъ 38 милліоновъ десятинъ собственно казенныхъ земель — остается и теперь въ прежнихъ условіяхъ около 20 милліоновъ десятинъ, не считая Алтая, а также киргизской степи и общихъ дальневосточныхъ областей, на которыя дѣйствіе закона еще не распространено вовсе.

Невозможность
приурочить внутри-
надѣльное меже-
ваніе къ поземель-
ному устройству.

Такимъ образомъ условія, вызвавшія ограниченіе землеустроительныхъ операцій въ Сибири отмежеваніемъ общихъ надѣловъ, далеко не устранены и по настоящее время; потребность же въ окончаніи этого дѣла обострилась до крайности: во многихъ мѣстностяхъ лишь этимъ путемъ можно добыть земли для переселенія, настоятельно требующаго ежегодно милліоновъ десятинъ новаго и новаго фонда, главнымъ образомъ, въ смежности съ полосой, уже заселенной старожилами.

При такомъ положеніи дѣла возможно рѣзко измѣнить нынѣшніи юридическія основанія надѣленія старожилаго населенія, всецѣло упростить процессъ поземельнаго устройства — какъ дѣлается въ проектѣ новаго земельного закона въ Сибири, а затѣмъ озаботиться широкимъ развитіемъ самыхъ работъ посредствомъ усиленія межевыхъ партій и операціонныхъ кредитовъ, но говорить о соединеніи этой несложной работы съ межеваніемъ на хутора и отруба не приходится. Это — несомнѣнно особое, не менѣе важное, конечно, но послѣдующее по времени дѣло. Перешагнуть къ нему, минуя необходимую предварительную, такъ сказать черновую, работу отдѣленія крестьянской земли отъ казенной, совершенно невозможно, какъ невозможно было бы, въ свое время, при освобожденіи крестьянъ съ надѣленіемъ ихъ земель, отложить отводъ имъ надѣловъ до размежеванія ихъ, согласно выработаннымъ теперь приемамъ правильнаго землеустройства, на отруба и хутора.

Забота о правильной постановкѣ внутринадѣльного межеванія въ Си-

бири, независимо отъ установленія прочныхъ вѣншихъ границъ общественныхъ надѣловъ, будетъ ли это старожилое село или переселенческій участокъ, должна быть признана самостоятельной, но, конечно, безспорной задачей правительства.

Въ этомъ направленіи для переселенческихъ поселковъ, какъ мы видѣли на мѣстахъ, была уже попытка кое-что сдѣлать, въ предѣлахъ ничтожныхъ средствъ, какими располагаетъ для сего переселенческая организація: небольшихъ кредитовъ на внутринадѣльное межеваніе и еще болѣе ограниченныхъ межевыхъ силъ, могущихъ быть оторванными для этого отъ прямыхъ обязанностей по отводу надѣловъ переселенцамъ и старожиламъ при общемъ первоначальномъ устройствѣ. На тотъ же предметъ для старожиловъ будетъ отпущенъ кредитъ въ 60.000 рублей по Министерству Внутреннихъ Дѣлъ въ распоряженіе мѣстныхъ крестьянскихъ учреждений. Но это только начало дѣла, приступъ къ нему. Въ дальнѣйшемъ слѣдуетъ поставить внутринадѣльное межеваніе не только для переселенцевъ, но и для старожиловъ на болѣе прочныя и широкія основанія.

Почва для этого подготовлена въ Сибири самою жизнью.

Хотя до изданія закона о собственности на межеуемую землю и до распространенія на Сибирь закона 14 Іюня 1910 года нынѣшнее внутринадѣльное межеваніе имѣетъ слабыя юридическія обоснованія, но жизнь какъ бы не замѣчаетъ этого недостатка и творитъ новую форму единоличнаго владѣнія землей, согласно съ фактической обстановкой, не считаясь съ замедленіями въ законодательномъ ея оправданіи.

Подъ вліяніемъ все того же переселенія, за Ураломъ идетъ уже быстрый процессъ дробленія сложныхъ формъ землевладѣнія: дѣлятся общинныя волости на отдѣльныя села, общины-селенія — на выселки; дѣлятся подворно, дѣлятся и на хутора. Наиболѣе переполненная переселенцами Томская губернія представляетъ теперь, по докладу завідующаго райономъ, „картину всеобщихъ раздѣловъ“: дѣлятся переселенцы, нанимая частныхъ землефрговъ при помощи казенныхъ „общепольныхъ“ ссудъ; не меньше того дѣлятся и старожилы, уже всецѣло на собственные средства.

Возникли и быстро множатся, эксплуатирующія эту живую потребность въ опредѣленности и крѣпости земельного владѣнія, частныя земельныя товарищества: „землефрвные компаніи“, „земельно-инженерныя товарищества“ и т. п. Въ одной Томской губерніи такихъ компаній четыре, располагающихъ болѣе нежели сотней техникувъ. Въ числѣ этихъ техникувъ попадаются всякіе, и не внушающіе довѣрія, и неопытные, часто это бывшіе помощники казенныхъ землефрговъ, иногда учащіяся — мы видѣли на

Благопріятныя
условія для улуч-
шенія порядна зем-
лепользованія въ
Сибири.

такихъ работахъ студента Лѣсного Института. Но и многіе опытные топографы, пѣз числа оставившихъ службу въ переселенческой организаціи или въ Алтайскомъ округѣ Кабинета, перешли на частныя "внутринадѣльныя работы: настолько это дѣло выгодно.

За точную статистику вольнаго сибирскаго землеустройства ручаться нельзя; многіе раздѣлы ускользають отъ наблюденій. По докладу завѣдующаго Томскимъ райономъ, въ губерніи въ 1908 году внутринадѣльное межеваніе среди переселенцевъ производилось въ 21 сельскомъ обществѣ на площади 86½ тысячъ десятинъ, или 5½ тысячъ душевыхъ надѣловъ; въ томъ числѣ подворно дѣлялись 19 обществъ и на хутора — два. Въ слѣдующемъ 1909 году объемъ работъ сразу расширился втрое: внутринадѣльное межеваніе охватило 69 обществъ, почти 246 тысячъ десятинъ, или около 16 тысячъ надѣловъ; въ томъ числѣ на хутора дѣлилось уже 12 обществъ (въ 6 разъ больше, чѣмъ въ 1908 году). Въ 1910 году о межеваніи вновь просило 88 поселковъ, на площади въ 350 тысячъ десятинъ.

По другимъ районамъ свѣдѣнія болѣе отрывочны, но, по докладу завѣдующаго Акмолинскимъ райономъ, въ одномъ Омскомъ уѣздѣ въ текущемъ году внутринадѣльное межеваніе охватило 35 поселковъ, а во всей области—62 сельскихъ общества. Въ Красноярскомъ уѣздѣ, Енисейской губерніи, въ одной Шалинской волости дѣлятся на хутора и отруба 14 поселковъ; во всей губерніи къ настоящему времени закончено или заканчивается размежеваніе 25 поселковъ (63 тысячи десятинъ) и просить о межеваніи 48 поселка, на площади свыше 110 тысячъ десятинъ.

Правительство не вызвало искусственно этого движенія—оно выросло само, у всѣхъ на глазахъ. Переселенческая организація, ставившая одной изъ своихъ задачъ двинуть это дѣло, оказалось, располагаетъ для этого недостаточными силами: ни казенныхъ землебрровъ, ни денежныхъ ссудъ на наемъ частныхъ землебрровъ не хватало. Не удалось сразу организовать и достаточный, повсемѣстный правительственный контроль за работами частныхъ землебрровъ, нерѣдко недобросовѣстныхъ.

Оставляя это дѣло въ правительственнаго руководства далѣе — уже нельзя: самыя основанія „вольнаго землеустройства“ иногда сомнительны, а въ отдѣльных случаяхъ сводятся къ простому обмѣру угодій разнаго качества. Главное же—силошь и рядомъ при такомъ землеустройствѣ закрѣпляются вредныя для будущаго правильнаго хозяйства привычки землепользованія, въ родѣ отвода лучшихъ приусадебныхъ земель вокругъ всего селенія подъ общую „поскотину“ (выгонъ). Нерѣдко „отрубные“ участки—

напримѣръ видѣнные нами въ Ново-Алексѣвской волости, Томскаго подрайона, — оказываются состоящими у каждаго хозяина изъ нѣсколькихъ кусковъ, такъ какъ всякія земельныя угодья дѣлятся особо, „по разнымъ сортамъ“ земли, какъ говорятъ на мѣстѣ, и т. п.

Поэтому, въ дальнѣйшемъ, покровительство внутринадѣльному размежеванію должно состоять не только въ томъ, чтобы готовить и посылать на работу казенныхъ топографовъ и помогать переселенцамъ деньгами для найма частныхъ землебрровъ. За работами по внутринадѣльному размежеванію на земляхъ какъ переселенцевъ, такъ и старожиловъ долженъ быть повсемѣстно организованъ постоянный техническій надзоръ. Необходимо помогать ссудами не только переселенцамъ, но и старожиламъ. Вообще, дѣло сибирскаго землеустройства правительство должно крѣпче и безотлагательно взять въ свои руки.

Нѣсколько иначе стоитъ вопросъ объ отводѣ земли подъ переселеніе отдѣльными отрубамъ и хуторами. Отводъ участковъ переселенцамъ по закону производится „или въ общинное, или въ подворное пользование“. „Избраніе того или другаго порядка землевладѣнія зависитъ отъ самихъ переселенцевъ“. При этомъ, „отдѣльнымъ хозяевамъ предоставляется требовать выдѣленія причитающейся имъ части земли на хуторскіе отрубы“. Эти требованія удовлетворяются въ тѣхъ случаяхъ, „когда это окажется возможнымъ безъ ущерба для остальныхъ переселенцевъ, водворенныхъ уже на участкѣ или для дальнѣйшаго заселенія“ участка. Общее установленіе подворного или хуторскаго устройства на всемъ участкѣ допускается „только на заполненныхъ переселенческихъ участкахъ“.

Кромѣ того законъ предвидитъ и образованіе самостоятельныхъ мелкихъ переселенческихъ участковъ хуторскими отрубамъ, но „лишь въ томъ случаѣ, когда площадь, пригодная для колонизаціи, по незначительности своей, не можетъ быть предназначена для водворенія переселенцевъ селеніями“.

Такимъ образомъ, дѣйствующій законъ какъ бы проникнуть мыслью, что въ Сибири вопросъ о заселеніи земель важнѣе и неотложнѣе вопроса о выборѣ формы землевладѣнія. Главное—поскорѣй заселить пустующія земли, не использовать ихъ возможно полнѣе. Порядокъ владѣнія предоставляется уже на выборъ самимъ переселенцамъ. Допускается и общинное, и подворное, и хуторское владѣніе. Но для того, чтобы первые пришельцы на участокъ не выхватили себѣ изъ него лучшихъ кусковъ, въ лѣсахъ—открытыхъ полянъ, въ степяхъ—водныхъ источничковъ, и тѣмъ не обездѣвили и не обрекли на пустованіе всей остальной площади участка, въ законѣ введены нѣкоторыя ограниченія для выдѣла подворныхъ надѣловъ.

Содѣйствіе правительства внутринадѣльному межеванію.

Порядокъ отвода участковъ переселенцамъ.

Препятствій къ образованію отдѣльных „хуторскихъ“ участковъ въ законѣ нѣтъ, но заселеніе хуторами, во многихъ мѣстностяхъ Сибири, — по безводію, чрезмѣрно густой лѣсистости, отдаленности отъ человѣческаго жилья, по близкому сосѣдству дикихъ звѣрей или пограничныхъ хищниковъ — едва ли возможно. Что касается предположенія о томъ, чтобы при образованіи участковъ наръзались, одновременно съ усадьбами для *поселка*, отрубныя владѣнія для каждого будущаго поселяннина, то способъ этотъ можетъ имѣть, конечно, широкое примѣненіе. Однако немедленное принятіе его, въ видѣ обязательнаго общаго правила, крайне замедлило бы отводъ земель для переселенцевъ. И теперь удобныхъ для немедленной культуры участковъ въ мѣстностяхъ, куда наиболѣе стремится переселенцы, наръзается разъ въ десять менѣе, чѣмъ объ этомъ просятъ учрежденія, организующія выходъ переселенцевъ съ мѣстъ, и сами переселенцы.

Съ этой точки зрѣнія не слѣдуетъ итти на слишкомъ большое сокращеніе площади отводимыхъ подъ переселеніе земель. Едва ли возможно также *немедленно* усилить личный составъ и межевые кредиты переселенческихъ партій до предѣловъ, при которыхъ возможна разбивка всего отводимаго въ нынѣшнихъ размѣрахъ переселенческаго запаса исключительно на хутора и отруба.

Но каковы бы ни были временныя практическія затрудненія, продолжать дѣло отвода участковъ въ прежнемъ порядкѣ, не принявъ никакихъ мѣръ противъ развитія здѣсь въ будущемъ общинной неурядицы, было бы исторической ошибкой.

Упорядоченіе формъ землевладѣнія какъ у переселенцевъ, такъ и у старожиловъ является помимо всего, необходимымъ условіемъ какого-либо улучшенія сельско-хозяйственной техники, и безъ него нельзя приступить къ дѣйствительной агрономической помощи сибирскому населенію, такъ сильно въ ней нуждающемуся.

Поэтому, слѣдуетъ теперь же во всѣхъ случаяхъ, гдѣ это представляется возможнымъ по условіямъ сравнительной однородности хозяйственныхъ условій образуемаго участка, разбивать его — полностью или въ главныхъ частяхъ будущаго полевого хозяйства — на отруба и уже въ этомъ видѣ предлагать къ зачисленію ходоковъ и къ водворенію переселенцевъ. При этомъ придется примириться съ неизбежностью увеличенія расходовъ на это дѣло, что во всякомъ случаѣ предпочтительнѣе сокращенія числа отводимыхъ участковъ. Въ лучшихъ районахъ для заселенія на Алтаѣ и въ сѣверныхъ частяхъ киргизской степи, гдѣ наиболѣе удо-

бенъ переходъ къ образованію хуторовъ и отрубовъ, и гдѣ одновременно съ этимъ надо перейти къ продажѣ земель переселенцамъ, также требующей межеванія на отруба или хутора, тамъ почти всѣ затраты на это дѣло могутъ быть даже возвращены казнѣ выручкою отъ продажи участковъ.

Намѣчая эту важную реформу порядка отвода участковъ, слѣдуетъ вмѣстѣ съ тѣмъ разобраться въ лучшихъ способахъ проведенія ея въ жизнь безъ какого-либо замедленія.

Для подробнаго изученія этого вопроса и всѣхъ мѣстныхъ условій и особенностей, которыя должны быть приняты во вниманіе въ этомъ дѣлѣ, а также въ цѣляхъ распространенія въ Сибири выработанныхъ на опытѣ практическихъ приѣмовъ правильнаго землеустройства, нами теперь же командированы за Уралъ для обследованія вольнаго сибирскаго размежеванія и обсужденія этого вопроса съ чинами мѣстныхъ крестьянскихъ и переселенческихъ учрежденій нѣсколько наиболѣе выдающихся работниковъ по землеустройству Европейской Россіи, съ А. А. Кофодомъ во главѣ.

За ходомъ этого дѣла рѣшили мы слѣдить съ особымъ вниманіемъ. Предупредить въ Сибири укрѣпленіе беспорядочнаго земельного строя, мня ную многія трудныя переживанія, испытанныя Европейской Россіей, это прямая неотложная задача правительства.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Хозяйство переселенцевъ на новыхъ мѣстахъ.

Достигаетъ ли переселеніе своей цѣли: прочно ли устраиваются переселенцы, осѣвшіе на новыхъ мѣстахъ?

На этотъ основной вопросъ можетъ быть, конечно, столько же отдѣльныхъ отвѣтовъ, сколько въ Сибири поселковъ. Слишкомъ разнообразны условія, въ зависимости отъ которыхъ складывается хозяйственная судьба переселенца. На протяженіи двухъ дней подрядъ мы видѣли убогіе, неурожайныя поселки Павлодарскаго уѣзда Семипалатинской области и прочныя, цвѣтущія поселенія въ Кулундинской степи Алтайскаго округа, а черезъ три дня пути — опять бѣдныя таежныя деревни. Въ общемъ, въ Западной Сибири и Степномъ краѣ сборъ хлѣбовъ и особенно травъ въ этомъ году невысокій, по неблагоприятное вліяніе низкаго урожая въ различныхъ мѣстностяхъ и даже въ предѣлахъ одного и того же уѣзда, въ разныхъ поселкахъ, сказывается далеко не съ одинаковой силой.

Разнообразіе хозяйственныхъ условій переселенческихъ поселковъ.

Лучше всего живется переселенцам на бывших Кабинетских землях Алтай. В течение трех 1907—1909 годов почти половина (свыше 40%) всего переселения шла на Алтай. Три миллиона десятин, заселенных и давших приют сотням тысяч душ пришлого крестьянского люда,—таковы численные итоги трехлѣтняго переселения на Кабинетскія земли. Но одиѣ эти цифры не выражаютъ всего значенія передачи свободныхъ земель Алтайскаго округа для устройства переселенцевъ: нужно *быть* въ новыхъ поселкахъ на бывшей Кабинетской землѣ, чтобы убѣдиться въ достаткѣ переселенцевъ.

Неприписные переселенцы.

Даже самовольные неприписные переселенцы, не получившіе самостоятельнаго надѣла, нерѣдко предпочитаютъ жить здѣсь земледѣльческими заработками или арендой въ ожиданіи устройства, но не уходятъ въ другія мѣста или на родину.

Значительное число такихъ неустроенныхъ „самовольныхъ“ переселенцевъ обычно ставится въ вину правительству; съ различныхъ сторонъ выдвигается требованіе поголовнаго ихъ устройства. По приѣздѣ нашемъ въ Сибирь, насъ буквально осадили съ просьбами объ устройствѣ неприписныхъ: и сами они, и сибирская администрація, и многіе мѣстные люди. Безспорно, съ формальной точки зрѣнія наличность неприписныхъ (они же „временно-проживающіе“, неустроенные, самовольные и пр.) составляетъ неправильность и безпорядокъ; но съ экономической точки зрѣнія это явленіе понятное и неизбежное. При широкихъ надѣлахъ приписного населенія и при выгоды земледѣльческаго хозяйства нельзя избѣжать наплыва неприписныхъ. На сѣверномъ Кавказѣ на земляхъ Кубанскаго и Терскаго казачества скопилось болѣе милліона неустроенныхъ „иногороднихъ“, арендующихъ свободныя казачьи земли; но тамъ присутствіе этихъ неустроенныхъ не вызываетъ особыхъ сомнѣній, тогда какъ въ Сибири нерѣдко предъявляется требованіе обязательнаго надѣленія землей каждаго неприписнаго. Устроить неприписныхъ здѣсь же, на мѣстѣ, отнявъ часть земли у приписныхъ, конечно, нельзя безъ нарушенія основъ государственности и права; устроить ихъ на другихъ земляхъ — значитъ достигнуть немногого, потому что на мѣсто устроенныхъ прилетѣтъ новая волна самовольныхъ, вплоть до полнаго экономическаго насыщенія людьми данной мѣстности. Съ 1 Января по 1 Юля текущаго года было водворено или ушло обратно 50 тысячъ мужскихъ душъ самовольныхъ переселенцевъ, но на ихъ мѣсто вновь явилось 49 тысячъ, и общій итогъ числа неустроенныхъ не измѣнился.

Разумѣется, многочисленность такихъ неустроенныхъ самовольныхъ все-

же признакъ неправильностей въ постановкѣ переселенія: чрезмѣрно велики размѣры отводимыхъ надѣловъ, нѣтъ права собственности и права продажи излишнихъ земель новымъ пришельцамъ, нѣтъ правильной расцѣнки участковъ, и повсемѣстная даровая раздача земель, совершенно различныхъ по качеству, неминуемо приводитъ къ скопленію переселенцевъ въ немногихъ излюбленныхъ мѣстностяхъ. Поэтому въ будущемъ необходимо дать возможность продажи земель нынѣшними ихъ владѣльцами, понизить нормы надѣловъ и, по возможности, смягчить (измѣненіемъ правилъ объ отводѣ участковъ и о ссудахъ) неравенство условій заселенія отдѣльныхъ районовъ. Только такія мѣры могутъ современемъ уменьшить число самовольныхъ, неприписныхъ, а отнюдь не поголовное устройство наличныхъ самовольныхъ на прежнихъ началахъ, и нецѣлесообразное, и несущественное. При настоящихъ условіяхъ многочисленность неприписныхъ неизбежна, и присутствіе ихъ въ томъ или другомъ поселкѣ — только признакъ высокаго качества земель и выгоды земледѣлія. При нашемъ обѣздѣ въ этомъ приходится убѣждаться на каждомъ шагѣ: гдѣ есть самовольные, тамъ поселокъ навѣрное ждетъ хорошая хозяйственная будущность. Гдѣ нѣтъ ихъ, тамъ земли хуже, условія заселенія труднѣе.

Общій отвѣтъ для всей западной Сибири на вопросъ объ успѣшности переселенія, если отвлечься отъ особенностей отдѣльныхъ районовъ, — отвѣтъ положительный. У сибирскихъ переселенцевъ даже „на глазъ“ больше земли, больше скота, больше хлѣба, больше инвентаря, чѣмъ у среднихъ крестьянъ Европейской Россіи.

Но личныя впечатлѣнія, конечно, могутъ быть и случайными. Точный отвѣтъ, основанный на сравненіи среднихъ величинъ по отдѣльнымъ районамъ, могутъ дать только цифры статистической переписи. Хотя сплошной переписи еще не подвергался ни одинъ изъ переселенческихъ районовъ въ Сибири (въ будущемъ году, согласно пожеланію Государственнаго Совѣта, намѣчено произвести первый опытъ), но частичныя обследованія, охватывавшія по нѣскольку тысячъ переселенческихъ хозяйствъ, уже дѣлались. Въ Стенномъ краѣ и четырехъ сибирскихъ губерніяхъ за послѣднія 15 лѣтъ обследовано, въ нѣсколько приѣмовъ, въ общей сложности 765 переселенческихъ поселковъ, съ населеніемъ свыше 60 тысячъ семей — около 400 тысячъ душъ. Это матеріалъ хотя и разрозненный и не вполне еще однородный, но все же достаточно широкій и дающій уже нѣкоторую основу для выводовъ. Если извлечь изъ него подающіяся обобщенія данныя, то оказывается, что переселенцы устраиваются на новыхъ мѣстахъ,

Статистическія
данныя о хозяй-
ствѣ переселен-
цевъ.

въ общемъ, лучше, чѣмъ жилось имъ на родинѣ. Объ этомъ даютъ право судить слѣдующіе, напримѣръ, признаки.

Скота у переселенцевъ больше, чѣмъ было на родинѣ, въ среднемъ, въ полтора и въ два раза: крупнаго скота на 45%, мелкаго на 117—. Среднее переселенческое хозяйство имѣетъ пять головъ крупнаго и шесть головъ мелкаго скота. О такомъ достаткѣ большинство ихъ не смѣло и думать на мѣстахъ выхода. Процентъ хозяйствъ, вовсе лишенныхъ скота, въ Сибири уменьшается почти наполовину: съ 18% до 7%.

Мертвый сельско-хозяйственный инвентарь также и богаче, и лучше въ Сибири, чѣмъ былъ у тѣхъ же хозяевъ на родинѣ. Число хозяйствъ безъ собственнаго инвентаря было въ Европейской Россіи 30%, въ Сибири — неполныхъ 17%. Общее обезпеченіе инвентаремъ увеличивается на новыхъ мѣстахъ черезъ нѣсколько лѣтъ въ 2½ раза, а число дорогихъ, усовершенствованныхъ сельско-хозяйственныхъ машинъ и орудій даже въ 3½ раза.

Расширяются и размѣры посѣвовъ. Переселенческія хозяйства, считая въ томъ числѣ самыя молодыя, еще не окрѣпшія, имѣютъ отъ трехъ до тринадцати десятинъ посѣва на дворъ, въ среднемъ по 7,2 десятины (въ лѣсныхъ районахъ около 4 десятины, въ степныхъ — около 9 десятины). Это приближается къ среднимъ размѣрамъ крестьянскихъ посѣвовъ Европейской Россіи (отъ 5 до 11 десятины на дворъ). Но если опросить тѣхъ переселенцевъ, которые теперь засѣваютъ въ Сибири болѣе 7 десятины на хозяйство, сколько они имѣли посѣва на родинѣ, то оказывается, что 25% изъ нихъ вовсе не имѣли своей земли и 57% имѣли менѣе 7 десятины. Аренда помѣщичьихъ земель позволяла имъ, правда, нѣсколько расширить посѣвы, но всего на 2—3 десятины. Такимъ образомъ, среднее переселенческое хозяйство не имѣло у себя на родинѣ не только нѣбольшихъ 7 десятины посѣва, но даже и 7 десятины всей земли.

Ясно опредѣляется статистикой далѣе большая урожайность сибирскихъ полей и преобладаніе среди посѣвовъ дорогаго хлѣба — пшеницы. Правда, по отдѣльнымъ годамъ — въ особенности въ степи — замѣчаются большія колебанія въ урожайности, не дающія переселенческимъ хозяйствамъ полной устойчивости; и настоящій, и прошлый годы были неурожайными. Но въ среднемъ, по даннымъ за 10—15 лѣтъ, въ рукахъ переселенцевъ пашня даетъ въ Западной Сибири, съ десятины, по 60 пудовъ ржи, 62 пуда пшеницы и 75 пудовъ овса, — больше чѣмъ у старожиловъ. Для губерній Европейской Россіи средняя урожайность значительно ниже, даже если не отдѣлять крестьянскихъ полей отъ помѣщичьихъ: 50 пудовъ — рожь, 40 пудовъ — пшеница, 47 пудовъ овесъ.

Что касается преобладанія въ Сибири пшеницы надъ другими хлѣбами, то оно выражено очень ярко: у помѣщиковъ Европейской Россіи, не говоря уже о крестьянахъ, подъ пшеницей находится менѣе трети всего посѣва (31,7%), а у переселенцевъ западной Сибири — почти половина. Въ Степномъ же краѣ, по свидѣтельству Генераль-Губернатора, пшеница занимаетъ до 70% посѣвной площади.

Если связать эти данныя о размѣрахъ посѣвовъ, объ урожайности разныхъ хлѣбныхъ и о мѣстныхъ цѣнахъ, то окажется, по подсчетамъ статистиковъ, что средняя валовая доходность одной десятины переселенческой пашни въ Сибири достигаетъ 50 рублей, тогда какъ та же доходность крестьянской надѣльной площади въ Европейской Россіи исчисляется въ 30 рублей 55 копѣекъ.

Было бы неосторожно, конечно, придавать всѣмъ этимъ статистическимъ выкладкамъ преувеличенное значеніе. Но все-таки совокупность ихъ, подкрѣпляя непосредственные впечатлѣнія, свидѣтельствуешь, что въ среднемъ, въ большинствѣ случаевъ, переселенцамъ стоило перебираться въ Сибирь: они находятъ тамъ то, чего не имѣли на родинѣ.

Кромѣ подворныхъ переписей, въ подтвержденіе того же выхода можно сослаться еще на такъ называемыя бюджетныя обследованія, при которыхъ подробно, до мелочей, описывалось хозяйство отдѣльныхъ, взятыхъ на выборъ, типичныхъ семей. Такихъ бюджетовъ собрано въ 1904 году около сотни, причемъ хозяйства брались въ разныхъ мѣстахъ Сибири и на различныхъ ступеняхъ ихъ развитія. Этими бюджетами также выяснено, что силы переселенческаго хозяйства съ годами растутъ, — въ степи быстрѣе, въ лѣсахъ медленнѣе, но все же прочно; увеличивается полнота удовлетворенія личныхъ и хозяйственныхъ нуждъ, и безхозяйный вначалѣ переселенческій дворъ понемногу приобретаетъ устойчивость. Размѣры посѣва и распахиваемыя увеличиваются въ нѣсколько разъ, пополняется хозяйственный инвентарь, возрастаетъ число и цѣнность построекъ, общая стоимость имущества. Растутъ поступления отъ отдѣльныхъ отраслей своего хозяйства и все рѣже приходится прибѣгать къ стороннимъ заработкамъ.

Въ среднемъ, доходъ переселенческой семьи, по бюджетнымъ даннымъ, складывается такъ: земля даетъ 57%, скотъ 18%, промыслы 15%, прочихъ поступлений 10%. Если взять только окрѣпшія переселенческія хозяйства, прожившія на новыхъ мѣстахъ 8—10 лѣтъ, то преобладаніе доходовъ отъ сельскаго хозяйства еще замѣтнѣе: земля даетъ 60%, скотъ — 20%.

Промыслы развиты слабо: весь доходъ — рублей 50 въ годъ на семью.

Преобладаніе пшеницы надъ другими хлѣбами.

Бюджеты переселенцевъ

Увеличеніе скота и инвентаря.

Посѣвы и урожай.

На двѣ трети промыслы эти состоятъ въ извозѣ; остальное приходится на грубые кустарные промыслы: подѣлки изъ дерева—въ лѣсныхъ районахъ, и кожъ—въ степи, главнымъ образомъ, для нуждъ собственного хозяйства. Только 6% дохода отъ промысловъ (три рубля въ годъ) даютъ отхожіе промыслы.

Натуральный
складъ Сибирскаго
хозяйства.

Все это говоритъ о натуральномъ складѣ сибирскаго переселенческаго хозяйства. Въ полосы, непосредственно прилегающей къ желѣзной дорогѣ, почти все вырабатывается и потребляется дома. Денегъ зарабатывается мало. На сторону продается всего около $\frac{1}{5}$ (18%) добытыхъ продуктовъ. Но общій оборотъ хозяйства даетъ все же плюсъ, а не минусъ; въ среднемъ, жилищность переселенческаго двора ежегодно возрастаетъ на 15 рублей, а въ окрепшихъ хозяйствахъ даже на 30 рублей. Однако, и накопленіе избытковъ идетъ преимущественно натурой. Начинаютъ лучше питаться (до 40% животной пищи); вообще, больше тратятъ на себя, чѣмъ средніе крестьяне Европейской Россіи, и значительно больше того, что они сами могли тратить на родитѣ. Средній расходъ на душу (деньгами и продуктами) составляетъ въ переселенческомъ бюджетѣ 66 рублей, а въ окрепшихъ хозяйствахъ даже 73 рубля на душу, тогда какъ земскія обелѣдованія въ коренныхъ русскихъ губерніяхъ исчисляють средній расходъ въ крестьянской семьѣ на душу всего въ 55—58 рублей.

Всѣ эти цифровыя выкладки легче всего проверяются простымъ дальнейшимъ вопросомъ: многіе ли изъ переселенцевъ уходятъ изъ Сибири обратно?

Размѣры и причины
обратнаго переселе-
нія.

Точныя итоги переселенческаго движенія за 15 лѣтъ, съ 1896 года по 1909 годъ включительно, теперь подсчитаны: прошло въ Сибирь въ прямомъ направленіи за эти годы около трехъ милліоновъ семейныхъ переселенцевъ (2.841.602 души), назадъ вернулось за то же время 300 тысячъ (301.046). Это составляетъ 10,6%. Почти 90%, слѣдовательно, осталось въ Сибири.

Въ любомъ дѣлѣ, въ любой отрасли предпріятій, въ любой области вообще человѣческой жизни, всегда наберется 10% неудачниковъ,—если даже къ неудачнымъ причислять всѣхъ безъ исключенія обратныхъ, не вдаваясь въ разборъ индивидуальныхъ причинъ ихъ возвращенія. Конечно, триста тысячъ обратныхъ, хотя бы и за 15-лѣтній періодъ, это уже большое и тяжелое явленіе въ русской жизни, черная тѣнь переселенія. Но изъ-за этихъ трехсотъ тысячъ нельзя забывать, какъ это иногда дѣлають, о двухъ съ половиною милліонахъ устроенныхъ переселенцевъ.

Кромѣ того, необходимо разбраться въ характерѣ обратнаго движе-

нія. Изъ числа обратныхъ подавляющее большинство только побывало въ Сибири, но никогда не обзаводилось тамъ своимъ хозяйствомъ. Почти $\frac{2}{3}$ всѣхъ обратныхъ (67% обратныхъ семей и 60%, считая на души обоого пола) относится къ числу такъ называемыхъ самовольныхъ переселенцевъ, побѣжавшихъ въ Сибирь съ семьями „на авось“, не заручившись предварительно землей. Земли для нихъ тамъ не оказалось, и, потерѣвшись бѣдъ, они вынуждены были вернуться. Разумѣется эта неудача—плодъ не только неосмотрительности самихъ самовольныхъ, но и неправильностей въ постановкѣ переселенческаго дѣла. Но такое обратное движеніе самовольныхъ все-таки не есть обратное переселеніе лицъ, уже устроившихся было въ Сибири, сѣвшихъ тамъ на землю и потомъ разорившихся. Это обстоятельство имѣетъ существенную важность. Оно показываетъ, что условія Сибири въ общемъ вполне благопріятствуютъ населенію, и, слѣдовательно, для уменьшенія числа обратныхъ необходимо измѣнить и улучшить условія отвода переселенческихъ участковъ; а это сдѣлать, конечно, легче, чѣмъ если бы дѣло касалось измѣненія самихъ условій сибирскаго переселенческаго хозяйства. Далѣе, по даннымъ статистики—изъ числа тѣхъ обратныхъ переселенцевъ, которые шли въ Сибирь на готовую землю, 60% возвращалось изъ-за Урала обычно *въ томъ же году*. Они только заглянули въ Сибирь и, не устроившись тамъ, „оробѣли“, испугались суровости непривычныхъ условій и ушли назадъ безъ боя съ сибирской природой, хотя при нѣкоторомъ напряженіи силъ, можетъ быть, и сумѣли бы ее одолѣть, какъ одолѣли другіе. Такимъ образомъ, лишь незначительная часть обратныхъ, дѣйствительно, *переселяется* обратно, испытавъ условія сибирскаго водворенія и хозяйства. Между тѣмъ, обратными *переселенцами*, въ тѣсномъ смыслѣ слова, можно считать только тѣхъ, которые были уже въ старожилыхъ обществахъ, или въ переселенческихъ обществахъ, или въ переселенческихъ поселкахъ и, безплодно побившись надъ землей, оставили мѣста водворенія. Такихъ обратныхъ насчитывается, по даннымъ статистики водворенія въ сибирскихъ районахъ, не 10%, а всего 3,8%. Выводъ этотъ совпадаетъ и съ личными нашими наблюденіями. На линіи Сибирской дороги и на переселенческихъ пунктахъ по движенію всюду слышались рѣчи о томъ, что регистрація даетъ въ этомъ году очень много обратныхъ; но при объѣздѣ поселковъ,—даже въ неурожайныхъ мѣстностяхъ, гдѣ мы видѣли понурья головы и слышали невеселыя рѣчи, охотниковъ ѣхать домой почти не находилось, несмотря на предлагавшійся всѣмъ даровой обратный проѣздъ,

и лишь иногда выражалось желаніе попытаться счастья въ другихъ переселенческихъ районахъ.

По даннымъ переселенческой статистики, половина обратныхъ не возвращается въ Европейскую Россію, а перебирается въ предѣлахъ Сибири на другія, лучшія и болѣе легкія мѣста, прослышавъ о тамошнемъ привольномъ житіи. Такъ, напримѣръ, въ 1909 году изъ 16½ тысячъ переселенцевъ, оставившихъ мѣста водворенія, 7.828 душъ двинулось обратно на родину и 8.754 души — въ другія мѣста Сибири. Особенно великъ былъ за послѣднее время наплывъ такихъ переселенцевъ, со всѣхъ концовъ Сибири, въ благодатное Сѣверное. Это — продолжающийся разбродъ народныхъ силъ, все еще неуспокоенное броженіе и перемѣщеніе ихъ. Таково естественное послѣдствіе переселенческой психологій и разъ совершившейся перемѣны всѣхъ привычныхъ условій. Но бродяжничество это искусственно поддерживается еще однообразіемъ приемовъ переселенческой политики и почти одинаковымъ размѣромъ земельныхъ надѣловъ и льготъ во всѣхъ районахъ Сибири, крайне разнообразныхъ по своимъ сельско-хозяйственнымъ условіямъ, трудныхъ и легкихъ. На одномъ изъ самыхъ лучшихъ переселенческихъ участковъ Томской губерніи, богатомъ и водой и черноземомъ, и лѣсомъ, близкомъ къ желѣзной дорогѣ, отъ одного изъ переселенцевъ мы слышали: „есть вѣдь и еще лучше участки“. Эти, со вздохомъ вырвавшіяся, слова очень характерны и показываютъ, чѣмъ иногда плетется переселенческое бродяжничество. Въ Акмолинской области отмѣчены факты ухода дальше на югъ или на востокъ переселенцевъ, настолько разбогатѣвшихъ, преимущественно скотоводовъ, что для нихъ уже становился тѣсно на прежнихъ надѣлахъ.

Такимъ образомъ, не всегда оставленіе мѣстъ первоначальнаго водворенія есть признакъ хозяйственнаго крушенія переселенія. Что же касается обратнаго *движенія* переселенцевъ, не устроившихся въ Сибири, — то оно ни по своимъ размѣрамъ, ни по своему внутреннему значенію не колеблеть вывода о ростѣ благосостоянія переселенцевъ, устроившихся на новыхъ мѣстахъ. „Не добились земли“ — такова главная причина возвращенія; за ней уже идутъ двѣ другія: „оробѣли“ или же дѣйствительно потерпѣли неудачу въ переселеніи. Во всякомъ случаѣ судьба такихъ неудачниковъ не должна заслонять общаго явленія: сравнительной успѣшности устройства въ Сибири главной массы переселенцевъ.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Значеніе переселенія въ народномъ хозяйствѣ.

Для того, чтобы оцѣнить все значеніе переселенія для Россіи, необходимо остановиться на вопросѣ, не связано ли благосостояніе переселенцевъ на новыхъ мѣстахъ съ разстройствомъ хозяйства старожиловъ въ Сибири или съ какой-либо убылью производительныхъ силъ тѣхъ мѣстностей, откуда идетъ переселеніе.

Что касается Европейской Россіи, то для нея переселеніе далеко не имѣетъ того значенія, какое оно имѣетъ въ Сибири. Въ общемъ, выселеніе не достигаетъ и половины ежегоднаго естественнаго прироста. Только по отдѣльнымъ губерніямъ, уѣздамъ и волостямъ выселеніе иногда поглощаетъ приростъ или превосходитъ его, такъ какъ естественный приростъ совершается болѣе или менѣе равномерно по всей Россіи, а переселеніе охватываетъ преимущественно югъ, западъ и черноземный центръ Россіи. Но въ этихъ мѣстностяхъ, гдѣ площадь распаханной земли достигаетъ иногда 9/10 общей поверхности, гдѣ распахиваются луга и гдѣ все-таки ростъ населенія опережаетъ на 30—40% ростъ посѣвной площади, избытокъ земледѣльческаго населенія начинаетъ уже казаться тѣснымъ. Теоретически, разумеется, часть рабочихъ рукъ должна быть поглощена ростомъ промышленности; землеустроительныя и агрономическія мѣропріятія повысятъ производительность крестьянскаго труда и дадутъ возможность прокормиться на той же площади большому числу людей; но все-же и естественный происходящій отливъ части земледѣльческаго населенія въ Сибирь составляетъ для многихъ губерній въ настоящее время желательное явленіе.

Уходящіе въ Сибирь переселенцы освобождаютъ на мѣстахъ выхода не мало земли: за послѣдніе 4 года, по самымъ осторожнымъ подсчетамъ, они оставили своимъ односельчанамъ до 1½ милліона десятинъ, изъ нихъ около милліона десятинъ въ черноземной и степной полосѣ. Въ одномъ 1909 году переселенцы освободили въ Екатеринославской губерніи 30 тысячъ десятинъ надѣльной земли, въ Курской губерніи — 25 тысячъ десятинъ и т. д. Это немногимъ уступаетъ количественнымъ итогам дѣятельности Крестьянскаго Банка по распродажѣ земель крестьянамъ.

Кромѣ того, почти всѣ ушедшіе въ Сибирь крестьяне (80% изъ нихъ) арендовали на родинѣ помѣщичьи земли; эти земли, съ ихъ уходомъ, также освободились для другихъ арендаторовъ. Словомъ, подъ влияніемъ переселенія, площадь крестьянскаго землевладѣнія и возможной аренды нѣсколько

Значеніе переселенія для Европейской Россіи.

Расширеніе землепользованія крестьянъ, остающихся на родинѣ.

возрастает. Если вызываемая этим задержка въ ростѣ арендных цѣнъ и повышеніе цѣнъ на рабочія руки были мѣстами и невыгодны для частныхъ владѣльцевъ, то онѣ въ большей мѣрѣ были благоприятны для восстановления равновѣсія въ хозяйствѣ крестьянъ. Кроме того, увеличеніе, вслѣдствіе выселенія, надѣловъ оставшихся на родинѣ крестьянъ укрѣпило ихъ хозяйство и облегчило, по свидѣтельству мѣстныхъ землеустроительныхъ комиссій, разверстаніе на хутора и отруба во многихъ селеніяхъ.

Однако, отмѣчая эти косвенныя послѣдствія переселенія, нельзя въ то же время не подчеркнуть, что все это — послѣдствія второстепенныя, и преувеличивать ихъ значенія не слѣдуетъ. Какъ ни заманчива мысль воспользоваться переселеніемъ для разрѣшенія земельныхъ вопросовъ въ Европейской Россіи, но отъ этой мечты необходимо отказаться. Переселеніе получило бы крупное вліяніе на экономическую жизнь Европейской Россіи только при доведеніи его размѣровъ до нѣсколькихъ милліоновъ людей въ годъ, на чемъ иногда и настаиваютъ. Но такое чрезмѣрное ослабленіе плотности русскаго населенія въ западной половинѣ Европейской Россіи, откуда идетъ главное выселеніе, едва-ли желательно и экономически и политически.

Долго изучавшій сибирское переселеніе, нѣмецкій профессоръ Аугутенъ заканчиваетъ въ своей книгѣ главу о будущности Сибири замѣчаніемъ о томъ, что для Германіи гораздо важнѣе не будущая роль Сибири на мировомъ рынкѣ, а вліяніе русскаго переселенія на аграрныя отношенія и разрѣженіе населенія въ Европейской Россіи. Развивая далѣе эту мысль, можно сказать, что если кому-нибудь выгоденъ массовый уходъ русскаго населенія изъ Европейской Россіи въ Азіатскую, то, конечно, — сосѣдямъ. „Лицомъ повернувшись къ Обдорамъ“, Россія какъ бы очиститъ западныя позиціи для нѣмецкаго натиска, и чрезмѣрное выселеніе образуетъ здѣсь многочисленныя поры и скважины, которыя быстро заполнятся иностранными колонистами.

Въ тѣхъ предѣлахъ, въ какихъ происходитъ естественный процессъ выселенія изъ Западной Россіи, пока идетъ нормальный „отливъ“, — онъ только желателенъ. Но начать искусственный процессъ *выкачивания* русскихъ людей изъ Европейской Россіи было бы ошибкой. Тѣ слабыя вязы нашего народа, которые могли бы, пожалуй, искусственно быть увлечены на окраину, не сумѣли бы ее колонизовать и, въ большинствѣ случаевъ, вернулись бы обратно на родину, усиливъ общее обѣднѣніе. Всѣ полезныя результаты переселенія, какъ для Азіатской Россіи, такъ и для Европейской, зависятъ исключительно отъ успѣшности устройства переселенцевъ

по ту сторону Урала. А тамъ приходъ переселенцевъ и въ нынѣшнихъ его размѣрахъ даетъ уже крупное процентное увеличеніе населенія. Въ Акмолинской области въ 1893 году осѣдлое крестьянское населеніе составляло всего 28½ тысячъ душъ или 5% общаго населенія области, а къ настоящему времени оно составляетъ, благодаря переселенію, уже 543½ тысячи или 45%. Въ Томскую губернію за три — четыре послѣдніе года вселилось около ¾ милліона крестьянъ. Такой быстрый и крутой подъемъ населенія въ Сибири заставляетъ остерегаться какихъ-либо мѣръ, направленныхъ къ искусственному увеличенію переселенія. Если мѣстами большій приливъ переселенцевъ и желателенъ, то лишь для районовъ, слабо привлекающихъ теперь переселенцевъ; и въ этомъ отношеніи, стало быть, переселенческая политика должна слѣдовать указаніямъ, даваемыми общими государственными интересами.

Для губерній выхода переселенцевъ переселеніе далеко не имѣетъ того значенія, какое оно имѣетъ въ Сибири. Тамъ переселенцы все. Они приносятъ туда жизнь и, поднимая цѣлину, вовлекаютъ въ сельско-хозяйственный оборотъ милліоны втунежежавшихъ десятинъ. При 4 милліонахъ десятинъ переселенческой пашни и при валовой доходности десятины въ 50 рублей — это составляетъ увеличеніе народнаго богатства на 200 милліоновъ рублей въ годъ.

На примѣрѣ посѣщенной нами Кулундинской степи Томской губерніи такъ ясно это оживляющее значеніе переселенія.

Кулундинская степь, составляющая крайнюю западную часть Барнаульскаго уѣзда и охватывающая 913 тысячъ десятинъ, приносила Кабинету всего 3 тысячи рублей въ годъ дохода: она арендовалась киргизами, которые передавали отъ себя часть земли мѣщанамъ города Павлодара. Къ 1907 году такихъ киргизъ-арендаторовъ насчитывалось въ Кулундинской степи 1.089 кибитокъ; для обезпеченія ихъ переселенческая организація оставила 167 тысячъ десятинъ (свыше 150 десятинъ на кибитку), а 746 тысячъ десятинъ обратила въ переселенческіе участки. Несмотря на второразрядныя, по качеству, почвы (каштановыя супеси и суглинки) и недостатокъ наружныхъ водъ (ни одной рѣчки и рѣдкія прѣсныя озера), степь стала быстро заселяться. Въ два года здѣсь образовалось около 200 поселковъ и водворилось 55 тысячъ душъ крестьянъ (малороссовъ и частью нѣмцевъ-мennonитовъ); возникъ при скрещеніи колесныхъ путей, близъ прѣсноводнаго озера Сѣкачи, свой торговый центръ — село Славгородъ. Еще годъ тому назадъ на мѣстѣ этого города въ пустынь находилась одна жалкая землянка. А теперь въ Славгородѣ имѣется уже церковь, волостъ-

Значеніе переселенія для Сибири.

Примѣръ Кулундинской степи.

Ограниченность значенія переселенія для мѣстъ выхода.

ное правление, двѣ мельницы съ механическими двигателями, установлены базары и ярмарки, открытъ складъ сельско-хозяйственныхъ орудій, складъ лѣсныхъ матеріаловъ, кирпичный заводъ, больница, аптека, зданіе для медицинскаго персонала; намѣчены къ открытію двѣ школы: церковно-приходская—женская и двухклассная Министерства Народнаго Просвѣщенія—мужская; отведено мѣсто для опытнаго поля.

Существованіе этого центра уже сказывается на экономической жизни Кулундинской степи: въ Славгородъ стекаются съ разныхъ участковъ переселенцы, сюда привозятъ съ товарами изъ села Ключей, села Камня, города Павлодара и другихъ мѣстъ. Въ срединѣ лѣта текущаго года въ Славгородѣ насчитывалось болѣе 150 семействъ торгово-промышленнаго класса (торговцы, ремесленники, мастера), пожелавшихъ окончательно здѣсь поселиться; для нихъ разбиваются городскія усадебныя мѣста и т. д.

Въ мертвой прежде пустынѣ начинаетъ биться пульсъ русской жизни. Мы проѣхали по 14 поселкамъ Кулундинской степи, и всюду чувствовалось хозяйственное пробужденіе. Иные поселки совершенно уже окрѣпли: Въ поселкѣ Архангельскомъ (187 дворовъ) переселенцы имѣли уже около 1.000 головъ своего скота, преимущественно крупнаго; въ поселкѣ Крестахъ свыше 600 головъ и т. д. Степь покрылась колодцами: около сотни ихъ въ посѣщенныхъ нами поселкахъ было вырыто самими переселенцами. Эта зарождающаяся жизнь производила глубокое впечатлѣніе: воочию можно было убѣдиться, какое увеличеніе народнаго богатства даетъ удачное переселеніе.

Въ противовѣсъ указаніямъ на ростъ благосостоянія переселенцевъ ссылаются иногда на оскуднѣніе кореннаго населенія Сибири: инородцевъ и русскихъ сибиряковъ-старожиловъ.

Конечно, прежній земельный просторъ для сибиряковъ сокращается: они, по ихъ собственному выраженію, видятъ „край земли“. Безграничныя перспективы исчезаютъ изъ ихъ обихода. Но таковъ неизбѣжный міровой законъ. Онъ несетъ Сибири не обнищаніе, а только новыя формы быта—болѣе трудныя, но, въ конечномъ итогѣ, и болѣе выгодныя. Благодаря стихійному напору переселенцевъ, мѣстами вдвое превышающихъ, по численности своей, основное сибирское населеніе, переходъ этотъ совершается, быть можетъ, круто, но въ немъ нѣтъ ничего болѣзненнаго, и результаты его слѣдуетъ признать положительными. Русское старожилое населеніе Сибири теряетъ при землеустройствѣ, въ видѣ „отрѣзковъ“, обращаемыхъ подъ переселеніе, около четверти земель, на которыя ранѣе оно привыкло смотрѣть, какъ на свои владѣнія. Но и той земли, которая

остается, 40—50 десятинъ на дворъ, съ избыткомъ достаточно для существованія. Въ обработкѣ находится у старожиловъ не болѣе $\frac{1}{3}$, во всякомъ случаѣ менѣе $\frac{1}{2}$ этой площади. Кромѣ того, въ первые годы, пока хозяйство старожиловъ не приспособилось еще къ сокращенію земельной площади, старожилы выигрываютъ на томъ, что для нихъ является возможность сбывать новоселамъ, въ первое время вселенія, избытки скота и хлѣба. Общая производительность старожильческихъ районовъ Сибири, во всякомъ случаѣ, отъ перехода части земель къ переселенцамъ повышается: и площадь посѣва, и урожайность земли у переселенцевъ больше, чѣмъ у старожиловъ, приблизительно на 20—30%.

А такъ какъ, по имѣющимся статистическимъ даннымъ, старожилое населеніе Сибири, жалующееся на свое обнищаніе, все же значительно богаче крестьянства Европейской Россіи, то есть всѣ основанія думать, что оно успѣшно выдержитъ происходящій неизбежный переломъ въ его хозяйственной жизни.

Единственное темное пятно въ этомъ завоеваніи переселенцами старожилыхъ районовъ Сибири—это примѣненіе на сократившейся площади хозяйства прежнихъ безпечныхъ и хищническихъ приемовъ обработки земли. Съ увеличеніемъ населенія, земля отдыхаетъ рѣже и меньше, залежная система смѣняется залежно-паровой, и въ недалекомъ будущемъ, если не будутъ приняты и усвоены населеніемъ улучшенные способы полеводства, надъ сибирскими пашнями появится призракъ истощенія. Поэтому агрономическая помощь должна быть ближайшимъ спутникомъ происходящаго теперь въ Сибири поземельнаго устройства старожиловъ, связаннаго съ ограниченіемъ ихъ землепользованія. Помочь сибирской деревнѣ усвоить лучшую технику хозяйства особенно важно теперь, когда эта деревня еще зажиточна. Самое поземельное устройство въ Сибири должно быть ускорено и поставлено на твердую почву отвода надѣловъ въ собственность. Изъ 33 $\frac{1}{2}$ миллионныхъ десятинъ земли, находящейся въ пользованіи старожиловъ, окончательно ограничено имъ въ безсрочное пользованіе, за 10 лѣтъ работы землеустроительныхъ партій, всего 6 миллионныхъ десятинъ, изъ нихъ 1 $\frac{1}{2}$ миллиона въ прошломъ году. Энергичнѣе двинуть впередъ сибирское поземельное устройство можно только при помощи законодательнаго измѣненія сложныхъ дѣйствующихъ порядковъ землеустройства. Это и является одною изъ задачъ проекта новаго землеустроительнаго закона для Сибири, прошедшаго уже черезъ Совѣтъ Министровъ. Другою, еще болѣе важною, задачей этого проекта является замѣна отвода земель въ пользованіе старожиловъ — отводомъ надѣловъ въ *собственность*, съ

правомъ выдѣла и продажи надѣльныхъ земель. Только при такомъ условіи можно обезпечить надежное улучшеніе хозяйства старожиловъ, и переходъ ненужныхъ имъ земельныхъ излишковъ въ руки переселенцевъ.

Указъ 9 Ноября 1906 г. (нынѣ законъ 14 Юня 1910 года) долженъ быть распространенъ на Сибирь одновременно со введеніемъ тамъ, по новому поземельно-устроительному закону, крестьянской собственности. Онъ дастъ твердую опору сильнымъ элементамъ сибирскаго крестьянства—старога типа заимочниковъ—и, вмѣстѣ съ тѣмъ, облегчитъ приобрѣтеніе земель по единоличнымъ сдѣлкамъ переселенцами отъ старожиловъ. До сихъ поръ вліяніе Указа 9 Ноября на переселеніе сказывалось только въ Европейской Россіи—облегченіемъ условій распродажи прежнихъ надѣловъ и увеличеніемъ, благодаря этому, состоятельности переселенцевъ; въ будущемъ тотъ же законъ поможетъ имъ и въ Сибири твердо стать на ноги—сразу купить землю въ личную собственность или впоследствии выдѣлиться изъ поселка.

Вліяніе переселенія
на хозяйство кир-
гизъ.

Что касается инородцевъ Сибири, въ частности киргизъ, то переселеніе и ихъ тѣснить, но не обездоливаетъ. Теряя миллионы десятинъ, они вознаграждаются тѣмъ, что остающаяся у нихъ земля впервые получаетъ рыночную цѣнность; въ степи являются цѣны на покосы, на пашни, на хлѣбъ, на скотъ. Посѣщенная нами Акмолинская область была дважды подробно обследована, въ 1898 и 1908 годахъ, и установлено, что вліяніе русскаго переселенія сказалось за эти 10 лѣтъ значительнымъ *увеличеніемъ* благосостоянія киргизскихъ хозяйствъ. Число бѣдныхъ хозяйствъ уменьшилось почти въ $1\frac{1}{2}$ раза; процентъ ихъ по отношенію къ общему числу хозяйствъ понизился въ Петропавловскомъ уѣздѣ съ 83% до 51%; въ Кокчетавскомъ — съ 75% до 49%, въ Омскомъ—съ 67% до 55%. Соответственно увеличилось число хозяйствъ обезпеченныхъ. Вдвое увеличилась площадь собственныхъ киргизскихъ распахекъ; число сѣющихъ хозяевъ въ названныхъ трехъ уѣздахъ, наиболѣе заселенныхъ, увеличилось съ $5\frac{1}{2}$ тысячъ до 11 тысячъ, а площадь засеянныхъ десятинъ съ 11 до 25 тысячъ. Особенно быстрый подъемъ киргизскаго земледѣлія замѣченъ въ Омскомъ уѣздѣ, гдѣ киргизскія запашки удесятились. По отдѣльнымъ волостямъ процентъ сѣющихъ хозяевъ уже теперь достигаетъ 95—100%. Наряду съ этимъ увеличивается, благодаря высокимъ цѣнамъ, и киргизское скотоводство; число головъ лошадей и рогатаго скота увеличилось въ Петропавловскомъ уѣздѣ болѣе, нежели вдвое (120%), въ Омскомъ и Кокчетавскомъ—болѣе, чѣмъ въ $1\frac{1}{2}$ раза (на 52% и 68%). Въ Атбасарскомъ уѣздѣ крупнаго рогатаго скота прибыло 80%.

Такія же данныя получены повторными обследованіями прошлаго года для Кустанайскаго уѣзда Тургайской области: за 10 лѣтъ средняя площадь посѣва на хозяйство увеличилась съ 3 до 7 десятинъ; число головъ скота увеличилось на цѣлую треть, а число хозяйствъ, занимающихся различными промыслами, возросло съ 20% до 49%.

Общимъ для всѣхъ Степныхъ областей и яснымъ признакомъ роста благосостоянія киргизъ является высокій въ настоящее время процентъ ежегоднаго прироста киргизскаго населенія—2,3%, тогда какъ по всей Россіи онъ ниже 2%. Уменьшается у киргизъ и дѣтская смертность: за послѣдніе 12 лѣтъ на 25% поднялось выживаніе дѣтей до трехлѣтняго возраста.

Переходъ части киргизскихъ земель въ руки переселенцевъ не разоряетъ киргизскихъ хозяйствъ. Имъ оставляется земель столько, сколько имѣютъ помѣщики средней руки въ черноземныхъ русскихъ губерніяхъ. По самымъ пониженнымъ и нигдѣ еще не примѣнявшимся нормамъ, выработаннымъ въ прошломъ году, киргизамъ оставляется: въ Петропавловскомъ уѣздѣ—отъ 74 до 323 десятинъ на кибитку, въ Акмолинскомъ—отъ 85 до 286 десятинъ на кибитку, въ Кокчетавскомъ отъ 72 до 328 десятинъ, въ Атбасарскомъ—отъ 55 до 358 десятинъ и Омскомъ—отъ 77 до 204 десятинъ на кибитку. Примѣнявшіяся до сихъ поръ нормы много шире.

Цѣны на скотъ поднялись въ Степномъ краѣ за послѣднія 5 лѣтъ на 50%. О томъ, какъ быстро повышается цѣнность земель, можно судить по тому, напримѣръ, что еще 3—4 года тому назадъ переселенцы арендовали земли у киргизъ, въ первый годъ аренды—даромъ (въ виду трудности поднятія цѣлины); во второй годъ—по 25—30 копѣекъ съ десятины, въ третій годъ—отъ 75 копѣекъ до 1 рубля. Теперь же въ Омскомъ и Петропавловскомъ уѣздахъ киргизы берутъ съ переселенцевъ въ первый же годъ аренды отъ $1\frac{1}{2}$ до 3 рублей съ десятины. За продажными цѣнами въ киргизской степи услѣдить трудно, какъ какъ по закону здѣсь и не можетъ совершаться продажъ земли между частными лицами. Но тѣ земли, которыя по закону могутъ быть продаваемы, напримѣръ, офицерскіе участки въ предѣлахъ десятиверстной полосы Сибирскаго казачьяго войска, продавались еще три года тому назадъ близъ линіи желѣзной дороги отъ 40 до 60 рублей за десятину, а теперь продаются уже по 80 и по 100 рублей. Въ той же десятиверстной полосѣ—по Иртышу, въ Семипалатинскомъ и Павлодарскомъ уѣздахъ—цѣны на офицерскіе участки поднялись за три года съ 25—50 рублей за десятину до 40—70 рублей. Соответственно растутъ цѣны и на киргизскія земли.

Получая въ свои руки послѣ произведенныхъ для переселенцевъ „изъятій“ уменьшившіяся по площади, но значительно выросшія въ цѣнѣ земли, киргизы приучаются, вмѣстѣ съ тѣмъ, больше извлекать изъ земли, собирать больше травъ и хлѣбовъ.

Одно изъ самыхъ поучительныхъ явленій въ зарождающейся экономической жизни киргизской степи—это широкая продажа киргизамъ изъ переселенческихъ складовъ уборочныхъ сѣльно-хозяйственныхъ машинъ, главнымъ образомъ, сѣнокосилокъ. За послѣднее трехлѣтіе склады ежегодно продаютъ киргизамъ въ степь машинъ и орудій болѣе, чѣмъ на 100 тысячъ рублей. Такъ, напримѣръ, за 1909 годъ продано: 416 сѣнокосилокъ на 57 тысячъ рублей, 397 граблей на 23 тысячи рублей, 125 лобогребокъ на 20 тысячъ рублей и т. д. При статистическомъ обследованіи Акмолинской области въ 1908 году, у киргизъ зарегистрировано въ общей сложности 6.116 собственныхъ сѣнокосилокъ. Однѣ эти, явившіяся въ степь вмѣстѣ съ переселенцами, сѣнокосилки, повышая производительность киргизскаго труда и улучшая условія содержанія скота, служатъ уже извѣстнымъ противовѣсомъ сокращенію земельного простора.

Таковъ естественный ходъ вещей. Киргизы не могутъ вѣчно оставаться кочевниками, если только они способны къ культурѣ. Опытъ послѣднихъ лѣтъ свидѣтельствуетъ о ихъ способности перейти къ земледѣльческому быту и показываетъ, что русское переселеніе въ степь, связанное съ неизбежнымъ сокращеніемъ площади кочеванія, служить къ тому могущественнымъ и пока единственнымъ побудителемъ. Поэтому ревниво оберегать киргизскую степь и кочевое хозяйство на черноземѣ отъ прихода сюда русскаго земледѣльца было бы во всѣхъ отношеніяхъ ошибочно, даже по отношенію къ самимъ киргизамъ. Тѣмъ болѣе непростительной ошибкой это было бы съ точки зрѣнія интересовъ русской государственности и культуры. Тѣ миллионы русскаго крестьянскаго населенія, которые удалось уже влить въ одну Акмолинскую область, тѣ зажиточные русскіе поселки, которые выросли и окрѣпли рядомъ съ киргизскими кочевьями и, производя миллионы пудовъ пшеницы, не только кормятся сами, но могли бы—а съ проведеніемъ южно-сибирской магистрали и будутъ—кормить европейскіе рынки, убѣждаютъ въ невозможности сохранять киргизскую степь для однихъ киргизъ.

Непосредственныя впечатлѣнія нашей поѣздки говорили, что до сихъ поръ переселенческая организація скорѣе поступалась интересами переселенія въ пользу кочевниковъ, а не наоборотъ. Въ Павлодарскомъ уѣздѣ Семипалатинской области почти всѣ русскіе поселки оказались отрѣзан-

ными отъ прѣсныхъ озеръ, оставленныхъ всецѣло киргизамъ. Въ Таинчинской волости Петропавловскаго уѣзда, гдѣ былъ произведенъ опытъ осѣдлаго устройства киргизъ, по ихъ желанію, на якобы равныхъ съ переселенцами основаніяхъ (уручье Сарытомарь), въ дѣйствительности имъ отведено значительно больше 15 десятинъ на душу и хорошія земли зачтены въ неудобныя.

Такіе приемы, имѣвшіе цѣлью лучше обезпечить и устроить киргизъ, основаны все-таки на ошибкѣ. По глубокому убѣжденію нашему, устранять нужно не киргизъ, а самую киргизскую степь, и думать не о будущемъ отдѣльныхъ кочевниковъ, а о будущемъ всей степи.

Въ интересахъ этого будущаго, идея окончательнаго землеустройства киргизъ не можетъ быть понимаема въ смыслѣ закрѣпленія за кочевниками всей нынѣ занимаемой ими площади. Только тѣ группы киргизъ, которыя вполне подготовлены уже къ осѣдлому устройству, могутъ и должны быть устроены. Такъ называемое сплошное землеустройство киргизъ возможно отнюдь не по всей степи, а лишь по отдѣльнымъ районамъ, съ развитымъ земледѣліемъ. Что же касается тѣхъ обширныхъ еще пространствъ, гдѣ хозяйство киргизъ не обнаруживаетъ достаточнаго улучшенія и развитія, тамъ необходимо продолжать политику изыятія земельныхъ излишковъ у кочевниковъ, оставляя имъ часть земель по возможно пониженнымъ нормамъ. Въ этомъ отношеніи утвержденная Совѣтомъ Министровъ 9 Іюня 1909 года инструкція нуждается еще въ дополненіяхъ. Нѣтъ основаній требовать, напримѣръ, въ тѣхъ случаяхъ, когда киргизы опредѣленно заявляютъ о своемъ намѣреніи продолжать скотоводческое хозяйство, оставленія имъ и пахотныхъ земель, пригодныхъ для зернового хозяйства. На югѣ киргизской степи (напримѣръ, въ Семипалатинской области) такими землями приходится дорожить, и слѣдуетъ всѣми мѣрами содѣйствовать переходу ихъ отъ кочевниковъ-скотоводовъ къ русскому земледѣльцу. Болѣе того: слѣдуетъ предусмотрѣть случаи, когда всѣ почвенныя, водныя, климатическія и экономическія условія дѣлаютъ своевременнымъ, выгоднымъ и настоятельнымъ использование данной площади для земледѣлія, когда русское переселеніе придвинется къ ней вплотную, а между тѣмъ кочующіе по ней киргизы, достаточно обезпечиваемые продажей части скота переселенцамъ, будутъ продолжать здѣсь чисто скотоводческое хозяйство. Въ этихъ случаяхъ необходимо допустить обмѣнъ занятыхъ ими земель на другія, лежація дальше къ югу, быть можетъ менѣе плодородныя, но за то вознаграждающія ихъ большимъ земельнымъ просторомъ. И теперь уже, подѣ влияніемъ переселенія, въ киргизской степи

Вопросъ о киргизскомъ землеустройствѣ.

происходить двойной процесс: перехода части киргизъ на сократившейся земельной площади къ осѣдлости, къ земледѣлю и правильному скотоводству и ухода другой ихъ части для кочеванія дальше на югъ, на свободныя земли. Въ обоихъ случаяхъ освобождаемые излишки немедленно заселяются русскими переселенцами, и, съ точки зрѣнія наилучшаго использования производительныхъ силъ степной сибирской природы и накопленія общаго народнаго богатства Россіи, оба эти явленія можно только приветствовать. Необходимо дѣятельно и энергично заселять киргизскую степь.

Управление киргизъ.

Съ заселеніемъ степи и землеустройствомъ киргизъ связанъ и вопросъ объ упорядоченіи ихъ народнаго управленія. Основанное на всесословномъ характерѣ инородческой волости, выборномъ началѣ волостныхъ управителей и народномъ судѣ биевъ, современное устройство киргизскаго управленія на дѣлѣ далеко не обезпечиваетъ интересовъ правопорядка и справедливости. Оно сводится часто, путемъ подкупа избирателей, къ захвату власти наиболѣе сильными представителями среды разбогатѣвшихъ кочевниковъ, чуждой культуры, и къ полнѣйшему произволу ихъ надъ остальной киргизской бѣднотой. Заинтересованные въ сохраненіи такого безправія большинства киргизскаго населенія волостные управители и бии со своими сторонниками всячески тормозятъ переходъ киргизъ къ осѣдлости, земледѣлю и порядкамъ русскаго волостного и сельскаго строя, доходя при этомъ даже до насилія надъ тою частью киргизъ, которая обнаруживаетъ инныя стремленія.

Нельзя поэтому не озаботиться вопросомъ о сокращеніи компетенціи народныхъ судовъ и о всемѣрномъ правительственномъ поощреніи перехода на осѣдлые надѣлы отдѣльных ауловъ, но не иначе, какъ съ подчиненіемъ ихъ волостному и сельскому управленію на общемъ основаніи съ крестьянами. Затѣмъ особое вниманіе мѣстной администраціи должно быть обращено на порядокъ раскладки и взиманія казенныхъ и мірскихъ повинностей съ киргизскаго населенія. Основнымъ же началомъ дальнѣйшей политики въ отношеніи инородцевъ степи—должно быть постоянное стремленіе къ введенію у нихъ общаго порядка управленія и суда, съ постепеннымъ упраздненіемъ всѣхъ тѣхъ особенностей и отличій, которыя допускаются въ этомъ отношеніи—во вредъ интересамъ большей части киргизскаго населенія и въ ущербъ развитію русской государственности на окраинахъ.

Каковы бы ни были отдѣльныя неблагоприятныя явленія, въ общемъ итогѣ переселеніе является, по убѣжденію нашему, въ экономической жизни и Европейской, и Азіатской Россіи крупнымъ, положительнымъ фактомъ.

Подтверждается старая истина политической экономіи, выраженная еще Миллемъ: „вывозъ работниковъ и капитала изъ старыхъ странъ въ новыя, оттуда, гдѣ они имѣли меньшую,—туда, гдѣ они имѣютъ большую производительную силу, увеличиваетъ сумму богатствъ и старой и новой страны“. Колонизація, прибавляетъ Милль, „выгоднѣйшее изъ всѣхъ коммерческихъ дѣлъ“.

Но не надо забывать и другихъ истинъ, также извлеченныхъ экономической наукой изъ всесвѣтнаго опыта: 1) заселяя Сибирь хлѣбопашцами, нужно обезпечить сбытъ сибирскому хлѣбу и 2) нужно направить хозяйство переселенцевъ и старожиловъ Сибири на путь, наиболѣе отвѣчающій природнымъ условіямъ этой окраины и общему положенію Россіи на мировомъ рынкѣ.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Сибирскій хлѣбъ и сибирское скотоводство.

Въ настоящее время судьба всѣхъ живущихъ за Ураломъ русскихъ крестьянъ зависитъ главнымъ образомъ отъ судьбы сибирскаго хлѣба.

Каждый годъ переселеніе даетъ Сибири сотни тысячъ новыхъ пахарей, и посѣвная площадь растетъ здѣсь съ поразительной быстротой. Она составляла въ 1909 году около 6 милліоновъ десятинъ, или около 0,6 десятины посѣва на наличную душу сельскаго населенія, считая дѣтей и женщинъ. Приблизительно такое же соотношеніе (0,7 десятины) существуетъ и въ Европейской Россіи. Для молодой колоніи догнать такъ быстро старую земледѣльческую страну—уже очень много. Но расширеніе посѣвной площади на этомъ не останавливается: въ 1910 году посѣвы увеличились въ Западной Сибири и Степномъ краѣ, по сравненію со „среднимъ“ за пятилѣтіе 1905—1909 годовъ, на 858½ тысячъ десятинъ.

По Томской губерніи за послѣднія 12 лѣтъ посѣвы пшеницы—главнаго сибирскаго хлѣба—расширились вдвое (съ 588 тысячъ десятинъ до 1.157 тысячъ), въ Акмолинской области втрое (съ 98 тысячъ десятинъ до 279 тысячъ); даже въ Енисейской губерніи—въ 1½ раза. Въ Томской губерніи за послѣдніе 4 года увеличеніе посѣвовъ (+44%) опередило даже быстрый численный ростъ сибирскаго населенія. Это показываетъ, что сядящійся на землю переселенецъ принимается за нее куда съ большей жадностью и энергіей, чѣмъ избалованный земельнымъ просторомъ сибирякъ-старожилъ.

Посѣвная площадь Сибири.

Неурожай 1909 года нѣсколько задержалъ дальнѣйшій ростъ сибирскихъ посѣвовъ. Но и теперь, при 6 миллионѣхъ десятинъ посѣвной площади и при среднемъ урожаѣ хотя бы въ 50 пудовъ съ десятины, это даетъ ежегодный сборъ хлѣба около 300 миллионновъ пудовъ; между тѣмъ для собственнаго потребленія Сибири нужно не болѣе 150 миллионновъ пудовъ (15 пудовъ хлѣба $\times$ 10 миллионновъ, по числу жителей).

Даже если принять во вниманіе нѣсколько повышенную норму потребленія хлѣба въ Сибири и возможность обращенія части запасовъ зерна на кормъ скоту, то все же свободные излишки хлѣба, которые Сибирь могла бы дать для вывоза, достигнутъ сотни миллионновъ пудовъ. Притомъ Дальній Востокъ и отчасти Восточная Сибирь живутъ привознымъ хлѣбомъ, въ Западной же Сибири и Степномъ краѣ, взятыхъ отдѣльно, свободные избытки хлѣба значительно больше. Здѣсь въ урожайные годы около $\frac{3}{4}$ добываемаго хлѣба—избытокъ, которому нужно дать выходъ.

То же, что переживаетъ вся Западная Сибирь, переживаетъ и отдѣльная переселенческая семья, у которой въ среднемъ 7 десятинъ посѣва и 350 пудовъ сбора; для собственнаго пропитанія довольно 100—150 пудовъ, а 200—250 пудовъ нужно продать. До сихъ поръ продавали часть этихъ излишковъ вновь прибывающимъ переселенцамъ, еще не успѣвшимъ устроиться. Но и тѣ быстро становятся на ноги, начинаютъ сами производить хлѣбъ, и мѣстный рынокъ оказывается переполненнымъ. А городовъ мало; промышленнаго, не земледѣльческаго населенія всего 7—8%. Приходится искать выхода хлѣбнымъ избыткамъ куда-нибудь на югъ, сѣверъ, востокъ, западъ.

Но выходъ на югъ, въ Китай, переполненный людьми и хлѣбомъ и усиленно заселяющій пограничную полосу своими земледѣльческими муравейниками, очевидно закрыть, а къ нашимъ средне-азиатскимъ владѣніямъ нѣтъ прямого рельсоваго пути. Выходъ на сѣверъ приводитъ къ Ледовитому океану. На Востокъ сибирскому хлѣбу преграждаетъ путь конкуренція маньчжурскаго и американскаго хлѣба. На западъ его ждетъ внутренняя таможенная застава: Челябинскій переломъ тарифа.

Примириться съ такимъ положеніемъ вещей, конечно, нельзя. Необходимо настойчиво искать выхода въ каждомъ изъ указанныхъ направлений. На сѣверномъ пути природой поставлено тройное кольцо препятствій: тайга, за ней тундра и льды океана. Но на сѣверъ текутъ исполнскія сибирскія рѣки, эти дешевые пути сбыта, и слишкомъ заманчива мысль ими воспользоваться, проложивъ дорогу сибирскому хлѣбу на мировой рынокъ

черезъ Ледовитый океанъ или съ изгибомъ въ сторону черезъ Карское или Бѣлое море.

Простѣйшимъ рѣшеніемъ вопроса о сѣверномъ выходѣ для сибирскаго хлѣба было бы сплавлять хлѣбъ въ устья рѣкъ Оби и Енисея и затѣмъ везти его сѣвернымъ морскимъ путемъ въ Лондонъ. Такихъ проектовъ было немало, въ особенности послѣ того, какъ экспедиція Министерства Путей Сообщенія въ 1905 году подтвердила возможность доступа къ берегамъ Сибири для коммерческихъ судовъ въ теченіе 2—2 $\frac{1}{2}$ лѣтнихъ мѣсяцевъ. Разсчитывали, что стоимость гужевой и рѣчной доставки обойдется по 40 копѣекъ съ пуда; морской фрахтъ до Лондона—въ 16 копѣекъ; при цѣнѣ на пшеницу на лондонскомъ рынкѣ въ 1 рубль 20 копѣекъ, оставалось бы производителю сибирскаго хлѣба по 60 копѣекъ на мѣстѣ. Это обѣщало прочное будущее сибирскому земледѣлію; и, казалось, стоитъ только объявить въ устьяхъ Оби и Енисея порто-франко для того, чтобы обезпечить иностраннымъ судамъ грузы въ оба конца—хлѣбъ изъ Сибири и разнообразные товары въ Сибирь, и задача разрѣшена. Въ этомъ смыслѣ въ Государственной Думѣ второго созыва было сдѣлано заявленіе правительству. Но, при ближайшемъ разсмотрѣніи дѣла, выяснилось, что быстрое и широкое развитіе вывоза сибирскаго хлѣба черезъ Ледовитый океанъ—при полной необорудованности рѣчного и морского пути—представлялось все же гадательнымъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ выгоды его обезцѣпивались бы привозомъ иноземныхъ товаровъ, т.-е. утратой части драгоцѣннаго сибирскаго рынка для русской промышленности.

Теперь вниманіе обращено на проекты смѣшанныхъ водно-желѣзнодорожныхъ и искусственныхъ водныхъ путей, съ выходомъ въ Бѣлое и Карское моря. Таковы проекты: соединенія рѣки Оби съ побережьями Ледовитаго океана близъ устьевъ рѣки Печоры; проектъ Обь-Архангельской желѣзной дороги; извѣстный проектъ Голохвастова „Обь-Иртышскій торговый путь“. Главнымъ же и наиболѣе разработаннымъ технически проектомъ является проектъ канала, въ 7 верстъ длиною, между верховьями рѣки Чусовой, притока Камы, и рѣкой Рѣшеткой, притокомъ Исети, впадающей въ Туру—Тоболъ—Иртышъ.

Кромѣ того непосредственное практическое значеніе могло бы имѣть и шлюзование рѣкъ Туры и Тобола отъ Тюмени до Тобольска, позволяющее пропускать до Тюмени большіе пароходы и баржи; при этомъ условіи, по подсчетамъ Управленія Водныхъ Путей, стоимость доставокъ хлѣба до Тюмени изъ хлѣбныхъ центровъ Алтая (Війска и Барнаула и изъ Семипалатинска) обошлась бы всего около 10 копѣекъ, а Тюмень связана уже

Свободные излишки хлѣба.

Возможные выходы для сибирскаго хлѣба.

Сѣверный морской путь и искусственные водные пути.

непосредственнымъ рельсовымъ путемъ съ Петербургскимъ портомъ и черезъ Пермь—Котласъ съ Сѣверной Двиной, дающей выходъ къ Архангельску.

Значеніе этихъ водныхъ путей для вывоза сибирскаго хлѣба въ урожайные для Сибири годы, особенно при неурожаѣ на Уралѣ и въ Европейской Россіи, несомнѣнно велико. Но, признавая это, не слѣдуетъ возлагать на водные пути и чрезмѣрныхъ надеждъ. Сооруженный правительствомъ въ 1900 году Пермь-Котласскій желѣзнодорожный путь, имѣвшій цѣлью открыть выходъ сибирскому хлѣбу по рѣкѣ Двинѣ къ Архангельску, оказался недостигающимъ этой цѣли. Черезъ Котласъ идетъ въ среднемъ въ годъ не болѣе 1½ миллионъ пудовъ сибирскаго хлѣба, т. е. всего 1% хлѣбныхъ избытковъ Сибири, а въ иные годы и по 10 тысячъ пудовъ. Причина неудачи—необходимость зимовокъ хлѣба въ пути. Природа, суровыя условія которой защитникамъ сѣвернаго направленія хотѣлось бы забыть, напоминаетъ имъ о себѣ: уборка сибирскаго хлѣба съ полей заканчивается почти только къ тому времени, когда кончается и навигація по сибирскимъ рѣкамъ. Когда хлѣбъ подвезутъ къ Енисею или къ Оби, или по желѣзной дорогѣ къ Двинѣ — рѣки стали. Закупленный хлѣбъ долженъ лежать до весны; онъ попадаетъ на лондонскій рынокъ чаще всего только черезъ годъ, къ осени. Нужны капиталы, которые могли бы выдерживать такой медленный оборотъ, и нужна широкая организація для ихъ кредита.

Недостаточно учитываются, далѣе, во всѣхъ сѣверныхъ проектахъ накладные расходы—стоимость двойныхъ перегрузокъ хлѣба по смѣшаннымъ водно-желѣзнодорожнымъ путямъ и необходимость оборудованія этихъ перегрузокъ. Не вполне учитывается и стоимость *страховки* судовъ во время опаснаго плаванія ихъ по Ледовитому океану и Карскому морю. Между тѣмъ, по исчисленію людей коммерческихъ, уже одна стоимость этой страховки поглотила бы значительную долю обычной выгодности воднаго пути сравнительно съ желѣзнодорожнымъ.

Наконецъ, водные пути могутъ обслуживать главнымъ образомъ сибирскій сѣверъ, менѣе заселенный и менѣе богатый хлѣбомъ, и лишь небольшія прирѣчные части южной и западной Сибири; обширныя же и плодородныя пространства киргизской степи удалены отъ могучихъ водныхъ артерій.

Для вывоза сибирскаго *мѣса* водные пути и главный изъ нихъ, каналъ между рѣками Чусовой и Рѣшеткой, будутъ имѣть громадное и преобладающее значеніе. Что касается сибирскаго хлѣба и, въ особенности, степной сибирской пшеницы, то и въ этомъ отношеніи водные пути въ

годы обильныхъ урожаевъ въ Сибири будутъ также имѣть безспорно полезное значеніе. Но одновременно съ этимъ необходимо открыть выходъ хлѣбнымъ грузамъ и по желѣзнодорожнымъ путямъ, болѣе дорогимъ, но зато проводимымъ по волѣ государства въ избираемомъ имъ самымъ направленіи, а главное дающимъ возможность реализаціи урожая въ томъ же году.

Извѣстное значеніе въ этомъ отношеніи могло бы имѣть сооруженіе Туркестано-Сибирской желѣзной дороги, дающей выходъ сибирскому хлѣбу на югъ, въ наши средне-азиатскія владѣнія. При этомъ могъ бы установиться нормальный и желательный обмѣнъ сибирскаго хлѣба на туркестанскій хлопокъ, продукты виноградарства, плодоводства и т. д. Природа нашихъ средне-азиатскихъ областей побуждаетъ сокращать тамъ площадь зерновыхъ полей, замѣняя ихъ болѣе цѣнными промышленными культурами. Въ то же время шестимилліонное населеніе этихъ областей нуждается не въ одномъ десяткѣ миллионъ пудовъ хлѣба для потребленія. Мысль о направленіи туда сибирскаго хлѣба и о полученіи взаменъ того дешеваго хлопка,—что позволило бы широко развить въ Западной Сибири обрабатывающую мануфактурную промышленность,—представлялась поэтому многимъ весьма заманчивой. Въ извѣстной мѣрѣ мысль эта, быть можетъ, и получить современемъ осуществленіе: на очередь поставлено сооруженіе желѣзнодорожныхъ линій Алтайской (Ново-Николаевскъ—Семипалатинскъ) и линіи Арысь—Вѣрный. Обѣ эти линіи явятся головными участками будущей Туркестано-Сибирской желѣзной дороги; этой дорогѣ будетъ недоста- вать, такимъ образомъ, лишь средняго связующаго звена: Вѣрный—Семипалатинскъ. Но рассчитывать на сооруженіе этой послѣдней связующей линіи повидимому можно лишь въ отдаленномъ будущемъ, такъ какъ она пролежала бы по мѣстностямъ теперь еще почти совершенно пустыннымъ и бѣднымъ, не могущимъ дать никакихъ грузовъ. Кромѣ этого обстоя- тельства, отодвигающаго сооруженіе Туркестано-Сибирской дороги вѣроятно на многіе годы, приходится учитывать также и то, что въ сѣверной полосѣ средне-азиатскихъ областей (въ частности, въ Семирѣчьи) слѣдуетъ ожидать значительнаго развитія мѣстнаго производства пшеницы, конкурировать съ которой привозному сибирскому хлѣбу было бы не подъ силу.

Въ настоящее время непосредственное значеніе для сбыта сибирскаго хлѣба можетъ имѣть существующая уже Сибирская желѣзная дорога. Но, почти одновременно съ открытіемъ этой дороги для грузового движенія, въ 1896 году, по ней были установлены для хлѣбныхъ грузовъ тарифные переломы и въ Челябинскѣ и въ Иркутскѣ. Переломы эти состояли въ томъ,

Перевозка сибир-
скаго хлѣба на
Дальний Востокъ.

что плата за провозъ хлѣба рассчитывалась не за весь пробѣгъ, съ пониженіемъ ставокъ по мѣрѣ увеличенія разстоянія, а въ два приема: отдѣльно отъ станціи отправленія до Челябинска (или до Иркутска, смотря по тому, шелъ ли хлѣбъ на востокъ или на западъ), а потомъ отдѣльно отъ названной станціи до станціи назначенія. Благодаря такому приему сложения двухъ отдѣльныхъ платъ, общая стоимость провоза увеличивалась въ зависимости отъ длины пробѣга, — отъ 5 до 10 копѣекъ на пудъ хлѣба.

Съ 1900 года Иркутскій переломъ былъ отмѣненъ, но, вплоть до нашихъ дней, хлѣбныя перевозки на Дальній Востокъ остались слабыми и неустойчивыми. По годамъ онѣ колеблются отъ $\frac{1}{2}$ милліона пудовъ до 6 милліоновъ пудовъ, — въ среднемъ $3\frac{1}{2}$ милліона пудовъ. Но и эти рѣдкіе грузы достигаютъ по большей части только Забайкалья. Перевозки въ Уссурийскій край и на Амуръ выражались обычно всего въ десяткахъ тысячъ пудовъ, преимущественно овса для войскъ.

Иначе и быть не могло. На Дальній Востокъ пробѣгъ изъ Западной Сибири въ 5—6 тысячъ верстъ. А *рядомъ* съ Приамурьемъ — Маньчжурія, прорѣзанная Китайской Восточной желѣзной дорогой, смыкающейся съ нашими Забайкальской и Уссурийской желѣзными дорогами. Маньчжурія, по даннымъ Управления Китайской дороги, можетъ поставлять въ Харбинъ уже теперь до 80 милліоновъ пудовъ ежегодныхъ избытковъ хлѣба. Если эти расчеты и преувеличены, то во всякомъ случаѣ Маньчжурія быстро расширяетъ свой ввозъ въ Приамурье (въ 1906 году — $4\frac{1}{2}$ милліона пудовъ, въ 1907 году — 12 милліоновъ пудовъ) и маньчжурскій хлѣбъ вытѣсняетъ на нашемъ Дальнемъ Востокѣ и сибирскій и американскій хлѣбъ.

Здѣсь противъ насъ — законъ разстояній. Собственно *мѣстныхъ* цѣны на пшеницу въ торговыхъ центрахъ Маньчжурии и Западной Сибири приблизительно одинаковы: за послѣдніе годы (1904—1907) онѣ держались и здѣсь и тамъ на среднемъ уровнѣ 60—65 копѣекъ. Но перевозка сибирскаго хлѣба отъ Томска до Хабаровска болѣе чѣмъ удваиваетъ его стоимость: до 80 копѣекъ накладного расхода, почти цѣлый „рубль перевозу“. Это дѣлаетъ конкуренцію Западной Сибири съ Маньчжуріей невозможной, безъ особаго покровительства государственной власти.

Уменьшить тарифъ еще ниже существующихъ ставокъ едва ли возможно. Наши хлѣбные тарифы и безъ того ниже западно-европейскихъ, идти на дальнѣйшее пониженіе трудно: нельзя же „выгадать“ при этомъ почти всю стоимость перевозки.

Въ то же время однако едва ли возможно признать нормальнымъ и *Пошлина на маньчжурскій хлѣбъ.* широкий притокъ маньчжурскаго хлѣба на русскій Дальній Востокъ. Нужно стремиться къ тому, чтобы наше Приамурье могло развить земледѣліе у себя или получать русскій сибирскій хлѣбъ. Безъ этого условія бесполезны всѣ мѣры и жертвы государства, направленные къ заселенію Дальняго Востока: онъ останется въ постоянной зависимости отъ добраго желанія Китая — пустить или не пускать къ намъ свой хлѣбъ. Необходимо обезпечить выгодность у насъ земледѣльческаго промысла, а не подрывать его въ корнѣ — пропускомъ дешеваго хлѣба изъ-за границы. Поэтому невольно напрашивается мысль: не слѣдуетъ ли, въ числѣ другихъ мѣръ къ развитію земледѣлія въ Приамурьѣ, поставить на очередь и вопросъ о таможенной пошлинѣ на хлѣбъ, ввозимый къ намъ изъ Маньчжурии. Конечно, такая мѣра могла бы вызвать временныя затрудненія, повести къ убыткамъ для Китайской Восточной дороги, ввозящей теперь маньчжурскій хлѣбъ, и даже къ вздорожанію жизни въ краѣ, но въ конечномъ итогѣ, если хлѣбъ будетъ въ Приамурьѣ дорогъ, то и производить его тамъ будетъ выгодно: цѣны на хлѣбъ обезпечатъ и развитіе на дальневосточной окраинѣ земледѣлія и неустойчивый приливъ туда переселенцевъ.

Какъ бы ни рѣшать, однако, этотъ сложный вопросъ о борьбѣ со ввозомъ маньчжурскаго хлѣба при помощи таможеннаго обложенія, но по отношенію къ западно-сибирскому хлѣбу такая мѣра могла бы имѣть во всякомъ случаѣ только временное значеніе и лишь ненадолго вызвать притокъ на Дальній Востокъ хлѣбныхъ грузовъ изъ Западной Сибири.

Подъ охраной ввозныхъ пошлинъ, Восточная Сибирь быстро разовьетъ хлѣбопашество и у себя, такъ что Приамурье будетъ кормиться своимъ хлѣбомъ или получать его изъ ближайшихъ районовъ: Забайкалья, Енисейской и Иркутской губерній. Для постоянного сбыта хлѣбныхъ запасовъ сибирскаго запада, Алтая и Степныхъ областей, слишкомъ далекіе берега Тихаго океана, какъ рынокъ, немногимъ гостепріимнѣе береговъ Ледовитаго.

Выходъ на западъ, черезъ Европейскую Россію, въ порты Чернаго и Балтійскаго морей, также представляетъ много преградъ и трудностей. Надъ сибирскимъ хлѣбомъ, куда бы онъ ни стремился, тяготѣютъ все тѣ же естественные законы разстояній — неизбѣжный „рубль перевозу“. Но и здѣсь есть просвѣтъ. Нужно только не набавлять къ этому рублю еще лишняго „гривенника“ Челябинскаго перелома, а главное — нужно вести изъ Сибири новую желѣзнодорожную магистраль, прорѣзающую киргизскія степи.

Челябинскій переломъ тарифа имѣетъ многочисленныхъ защитниковъ,

Выходъ на западъ и отмѣна Челябинскаго перелома тарифа.

опасающихся, какъ бы дешевый сибирскій хлѣбъ, хлынувъ къ намъ изъ-за Урала, не понизилъ чрезмѣрно цѣны и не подорвалъ этимъ стараго земледѣльческаго хозяйства коренныхъ русскихъ губерній.

Опасенія эти во многомъ преувеличенны. За послѣдніе 10—15 лѣтъ условія производства хлѣба въ Западной Сибири и коренной Россіи значительно уравнились и сблизились. Хотя цѣны на рабочій скотъ и на кормовыя средства въ Западной Сибири ниже почти на 30%, чѣмъ въ Европейской Россіи, зато цѣны на рабочія руки тамъ выше, процентовъ на 20—25 (недаромъ ежегодно въ Сибирь идетъ на заработки столько народу подъ видомъ „одинокихъ переселенцевъ“). Главное же, въ Сибири гораздо дороже обходится гужевая поставка хлѣба на станціи желѣзныхъ дорогъ. Благодаря этому мѣстныя цѣны на хлѣбъ въ торговыхъ центрахъ Западной Сибири дешевле всего на 20—25 копѣекъ, нежели въ центральномъ земледѣльческомъ районѣ ¹⁾. Провозъ сибирскаго хлѣба въ центральномъ районѣ по желѣзной дорогѣ, даже при условіи отміны Челябинскаго перелома—по нормальному тарифу, долженъ поглотить всю эту разницу и оставить лишннихъ нѣсколько копѣекъ въ пользу хлѣба Европейской Россіи.

Цѣны на *пшеницу*, этотъ главный предметъ сибирскаго вывоза, въ началѣ текущаго 1910 года были въ Омскѣ ниже, чѣмъ въ Ельцѣ, на 14—24 копѣйки. Но уже обычный тарифъ до вывозныхъ портовъ, рассчитанный безъ перелома, даетъ преимущество Ельцу, благодаря его большей близости, на 18—25 копѣекъ, такъ что условія оглаживаются, съ перевѣсомъ въ пользу Ельца.

Давить на цѣны Европейской Россіи сибирскій хлѣбъ можетъ не дешевиной своей, которая поразительна только въ глухихъ сибирскихъ поселкахъ, значительно меньше уже на станціяхъ Сибирской желѣзной дороги и незамѣтно исчезаетъ по мѣрѣ приближенія товарнаго поѣзда съ сибирскимъ хлѣбомъ къ Либавѣ или Новороссійску, а развѣ только количествомъ, появленіемъ своимъ на рынкѣ. Но при слабомъ развитіи дорожной сѣти въ Сибири, свободные избытки Сибирскаго хлѣба могутъ поступать на рынокъ, разумѣется, не сразу, а сравнительно небольшими частями.

Нѣкоторые *твердые* сорта сибирской пшеницы, которыхъ нѣтъ въ Европейской Россіи и примѣсь которыхъ къ русскимъ сортамъ необходима нашей мукомольной волжской промышленности для выработки муки луч-

¹⁾ Среднія цѣны за пятилѣтіе 1903—1907 годовъ. Пшеница. Рожь. Овесь.
Въ центральныхъ земледѣльческихъ губерніяхъ 97 78 62
въ западныхъ сибирскихъ губерніяхъ 72 54 40

шаго качества, пойдутъ съ отміной перелома на волжскія мельницы, куда они идутъ и теперь, только въ меньшемъ количествѣ и за болѣе дорогую цѣну (иногда волжскіе мукомолы вынуждены, впрочемъ, прикупать и американскую твердую пшеницу). Существенное значеніе отміны Челябинскаго перелома можетъ имѣть также для ближайшихъ къ Сибири приуральскихъ губерній, которыя и теперь въ значительной степени живутъ привознымъ сибирскимъ хлѣбомъ и лишь переплачиваютъ за него вслѣдствіе тарифной надбавки. Но въ главной части своей сибирскіе хлѣбные грузы, вѣроятно все же, только пройдутъ черезъ Европейскую Россію для вывоза за границу. При нашемъ полумиллиардномъ экспортѣ, та сотня миллионовъ пудовъ хлѣба, которую можетъ при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ прибавить къ нему въ ближайшее время Западная Сибирь, будетъ все-таки не основой нашего вывоза, а лишь придаткомъ къ нему. Поэтому, если даже допустить, что вывозныя цѣны строитъ та страна, которая отпускаетъ хлѣбъ, то цѣны эти будутъ диктовать въ ближайшія десятилѣтія Европейская Россія Сибири, а не наоборотъ.

Въ дѣйствительности же на міровомъ хлѣбномъ рынкѣ цѣна определяется не однимъ только нашимъ предложеніемъ; на сибирскій, да и вообще на русскій хлѣбъ цѣну назначаютъ не Омскъ, не Елецъ, не Одесса, а прежде всего Лондонъ. Такъ такъ спросъ на пшеницу на европейскомъ рынкѣ растетъ, то и отміна Челябинскаго перелома, облегчивъ сбытъ сибирскому хлѣбу и, слѣдовательно, поднявъ мѣстныя цѣны въ Сибири, можетъ не только понизить наши вывозныя цѣны, сколько увеличить размѣры нашего вывоза.

Въ томъ же направленіи, что и отміна перелома, должна дѣйствовать предложенная новая южно-сибирская магистраль, параллельная старому Великому пути, которая дастъ выходъ изъ киргизской степи, черезъ Уральскъ, почти 60 миллионъ пудовъ хлѣбныхъ избытковъ.

Этой дороги многіе въ центральныхъ губерніяхъ боятся еще больше, чѣмъ отміны Челябинскаго перелома. А между тѣмъ, въ ней — будущее русскаго переселенія въ Степной край.

Примирить интересы Сибири и интересы Европейской Россіи въ этомъ вопросѣ можетъ только все возрастающая потребность въ хлѣбѣ на міровомъ рынкѣ. Міровые запасы хлѣба постепенно сокращаются. Статистика опредѣляетъ ихъ:

для 1907 года	въ 25,4 миллионъ	квартировъ.
„ 1908 „	„ 13,7 „	„
„ 1909 „	„ 10,8 „	„

Условія междумірового рынка.

Перепроизводство пшеницы при таких условиях — по выводам специальных исследований — вещь немислимая. При всем относительном увеличении урожайности полей Англии и Германии, странам этим не успевать за ростом потребления хлеба даже у себя дома, не говоря уже о других, вечно нуждающихся в привозном хлебе странах: Италии, Голландии, Бельгии.

Вяж Европы главнейшим поставщиком хлеба, кроме России, являются Соединенные Штаты. Но они сильно сокращают свой вывоз, — так быстро растет там внутреннее потребление. За последние 50 лет население Штатов возросло на 40%. Еще не так давно, лет 10—15 назад, Штаты могли вывозить от 40 до 45% своего сбора пшеницы; теперь они вывозят всего 15—20%: все остальное съедается дома. И если тогда, в конце девятых годов, американцы владели $\frac{1}{3}$ всемирного хлебного рынка, то теперь на их долю осталась всего $\frac{1}{5}$. Лет через 5—10, по подсчетам самих американцев, они и вовсе, пожалуй, перестанут вывозить хлеб.

Другой крупный наш конкурент — Аргентина, страна „пшеничных фабрик“, перевернувшая мировую торговлю хлебом, также начинает испытывать затруднения в дальнейшем развитии земледелия и хлебного вывоза. Там нет такого запаса нетронутых плугом земель, как в Сибири, а между тем и там, как у нас, чувствуется недостаток рабочих рук и путей сообщения.

Австралия остается преимущественно скотоводческой страной. Вывоз австралийской пшеницы составлял к 1908 году всего 49 миллионов пудов, сильно упав с 1904 года. При том средняя урожайность австралийских пшеничных полей не достигает и 40 пудов с десятины, тем косвенно подтверждается мнение о малой пригодности австралийских почв для земледелия.

Из остальных соперников России на хлебном рынке заметно усиливается Канада. Но здесь задерживают развитие земледелия суровые условия северной природы.

Разумеется, все подобные данные и соображения имеют лишь относительное значение. Могут неожиданно явиться новые страны, поставщики хлеба, могут — силою чудес техники — ожить и воспринять старые. Но в настоящее время условия складываются, повидимому, благоприятно для будущего вывоза русской пшеницы. Европа и Америка все глубже втягиваются в промышленное производство, и мировое потребление хлеба начинает обгонять урожай. Цены на пшеницу — если не учитывать всегда воз-

можных временных колебаний и затруднений — растут; с конца прошлого века русские цены на пшеницу поднялись в среднем на 40%.

Между тем вывоз пшеницы из Европейской России за последнее время, вплоть до исключительно урожайных 1909—1910 годов, падает и с 1904 года по 1908 год уменьшился на 45%, в связи с ростом внутреннего потребления.

Население Европейской России с восьмидесятых годов увеличилось к настоящему времени на 35%, а средний чистый сбор всех хлебов с десятины увеличился за то же двадцатилетие всего на 18%. Очевидно, для того, чтобы сохранять и развивать свой вывоз, Россия, кроме забот о поднятии урожайности, что дается не сразу, должна расширять и свою посевную площадь. При этом должны расширяться главным образом посевы пшеницы, а не ржи, имеющей сбыт почти для одного только внутреннего потребления. Между тем увеличение площади пшеничных полей дошло во многих губерниях Европейской России почти до крайних предель — до распахи лугов. Необходимо переносить посевы и за Урал, где пшеница является главным, преобладающим хлебом. А так как, по всем общим соображениям, следует заключить, что нормальная отпускная способность Европейской России с годами будет неминуемо сокращаться, то Сибирь придет со своей вывозной пшеницей не в подрыв ей, а скорее на подмогу.

Разумеется, вопрос этот — сложный. Хлебный рынок подвержен многим трудным учитываемым влияниям; то, что теоретически представляется неизбежным и несомненным, может в действительности наступить еще не скоро. Поэтому время для открытия широкого доступа сибирскому хлебу из-за Урала должно быть выбрано осторожно и исподволь. Необходимо сообразоваться при этом прежде всего с действительным состоянием хлебных цен и хлебной торговли в Европейской России, и затруднения, испытываемые при реализации урожая текущего года, побуждают отнестись к этому вопросу с особым вниманием. Во всяком случае для того, чтобы не подвергать наши хлебные цены риску какого-либо потрясения, отмену Челябинского перелома следует произвести не сразу, а при помощи тех или иных тарифных приемов в несколько лет постепенно.

Несколько вопросы хлебной торговли, производства и вывоза хлеба, первенствующие теперь для Сибири, представляются обоюдоострыми, настолько безспорным и желательным является развитие там культурного скотоводства и различных промышленных отраслей сельского хозяйства.

Участие сибирского хлеба в общем нашем вывозе.

Необходимость разнообразить сельско-хозяйственный промысел в Сибири.

Общій ходъ развитія человѣческой жизни и облегченіе условій обмѣна должны привести къ тому, что каждая мѣстность сосредоточится на тѣхъ производствахъ и промыслахъ, которые наиболее свойственны ей по естественнымъ условіямъ.

Между тѣмъ, въ Сибири не рѣдки примѣры самаго нераціональнаго использования природныхъ богатствъ. Переселенцы приносятъ на новыя мѣста старыя свои привычки и склонности; и такъ какъ большинство ихъ идетъ изъ чисто земледѣльческихъ губерній, то они и стремятся вездѣ и всегда сѣять хлѣбъ.

Но исключительное и одностороннее развитіе въ Сибири хлѣбопашества во всѣхъ отношеніяхъ нежелательно. Необходимо разнообразить сельскохозяйственный промыселъ и избирать наиболее выгодный по мѣстнымъ условіямъ его типъ. Изъ 27 милліоновъ десятинъ земельныхъ запасовъ Акмолинской и Семипалатинской областей только 7 милліоновъ десятинъ безусловно пригодны для земледѣлія, остальные 20 милліоновъ десятинъ гораздо болѣе отвѣчаютъ требованіямъ скотоводческаго хозяйства, которое и слѣдовало бы здѣсь развивать. Въ Енисейской губерніи, гдѣ зерновое хозяйство налаживается медленно, въ послѣдніе годы общаесть большіе успѣхи разведеніе льна, сбываемаго на льняныя мануфактуры центрально-промышленнаго района. Въ два года вывозъ льна, при посредничествѣ мѣстной переселенческой организаціи, поднялся съ сотни пудовъ до нѣсколькихъ тысячъ пудовъ.

Вотъ такія начинанія въ сибирскомъ хозяйствѣ необходимо всячески поддерживать, и здѣсь малѣйшій удачный шагъ имѣетъ большое значеніе. Все разумно и толково сдѣланное въ Сибири сразу множится на такіе колоссальные множители, что результаты—неоцѣнимы.

Доказательство—ростъ сибирскаго маслодѣлія. Маслодѣліе въ Сибири началось въ 1894 году съ выработки 400 пудовъ и въ теченіе одного десятилѣтія дошло до 2 милліоновъ пудовъ, цѣнностью почти въ 25 милліоновъ рублей; въ 1906 году вывозъ масла изъ Сибири дошелъ до 3½ милліоновъ пудовъ. Ростъ этотъ еще далеко не законченъ; производство масла увеличивается, захватывая все новыя, обширныя районы. Теперь оно развито въ полосѣ, прилегающей къ Сибирской желѣзной дорогѣ, въ Тобольской и Томской губерніяхъ и Акмолинской области, и начинаетъ распространяться въ Енисейской губерніи и Семипалатинской области, гдѣ также условія для него благоприятны. Проведеніе Тюмень-Омской дороги общаесть отодвинуть районъ Тобольскаго маслодѣлія еще далеко на сѣверъ. Вывозъ сибирскаго масла имѣетъ не только мѣстное значеніе. Весь нашъ

Сибирское масло-
дѣліе.

экспортъ масла на внѣшніе рынки цѣликомъ основанъ на ростѣ сибирскаго маслодѣлія. Въ 1896 году вывозъ масла изъ Россіи равнялся 310 тысячамъ пудовъ, на сумму 3,2 милліоновъ рублей, а въ 1907 году—3,3 милліонамъ пудовъ на 47,6 милліоновъ рублей. Этимъ приливомъ иностраннаго золота на 47 милліоновъ рублей въ годъ Россія обязана Сибири. Сибирское маслодѣліе даетъ золота вдвое больше, чѣмъ вся сибирская золото-промышленность.

По годамъ, масла вывезено изъ Сибири:

Въ 1894 году	400 пудовъ.
„ 1895 „	5.000 „
„ 1896 „	27.000 „
„ 1897 „	48.000 „
„ 1898 „	160.000 „
„ 1899 „	310.000 „
„ 1900 „	1.050.000 „
„ 1901 „	1.201.731 „
„ 1902 „	1.609.980 „
„ 1903 „	1.746.410 „
„ 1904 „	2.003.315 „
„ 1905 „	2.039.120 „
„ 1906 „	2.973.713 „
„ 1907 „	3.413.640 „

Количество заводовъ, вырабатывающихъ масло, достигаетъ теперь въ Сибири 3 тысячъ; среди нихъ есть и крупныя, дѣлающіе до 5 тысячъ пудовъ масла въ годъ, и небольшіе. Одинъ изъ такихъ артельныхъ крестьянскихъ заводовъ, прекрасно оборудованныхъ, мы осмотрѣли въ поселкѣ Лебяжьемъ Тобольской губерніи.

Исторія сибирскаго маслодѣлія поучительна, между прочимъ, потому, что въ этой области удачно поставлена была правительственная помощь населенію. И не въ денежныхъ ссудахъ, розданныхъ правительствомъ, было дѣло; ихъ и роздано, всего, менѣе полмилліона рублей. Во-время была создана и практически поставлена инструкторская организація, подготовлявшая мастеровъ и помогавшая правильному устройству заводовъ, сбыту и транспорту масла; организовано до 800 артелей маслодѣловъ; въ Курганѣ учреждено справочное посредническое бюро и 6 молочно-хозяйственныхъ лабораторій. Съ ихъ помощью выяснены главныя качества сибирскаго масла: его сухость (положительное качество) и малое содержаніе летучихъ жир-

ных кислот (недостаток, дающий иногда повод иностранным покупателям подозревать даже примѣс сала). Дѣятельность молочных лабораторій необходимо еще развить и выработать, съ ихъ помощью, планъ борьбы съ начинающейся фальсификаціей сибирскаго масла (примѣс коковского масла и пр.).

Теперь сибирское маслодѣліе поставлено прочно и даетъ населенію столько денегъ, сколько не могли бы дать никакія казенныя ассигнованія.

Но возможная помощь правительства этому дѣлу далеко еще не исчерпана: къ увеличенію производства и улучшенію качества сибирскаго масла необходимо приблизиться путемъ улучшенія породы сибирскаго молочнаго скота. Объ этомъ думали еще мало. До послѣдняго времени обращалось преимущественное вниманіе на количественное развитіе маслодѣлія. Сами сибирскіе хозяева, при существовавшей дешевизнѣ кормовъ и многоземельѣ, обращали вниманіе также, главнымъ образомъ, на численность своихъ стадъ. Обычнымъ пріемомъ было: пріобрѣтать лѣтомъ коровъ для молока изъ районовъ, гдѣ еще не развилось маслодѣліе, а осенью продавать тѣхъ же коровъ на мясо. Такія коровы конечно даютъ немного: по отвѣтамъ, полученнымъ при осмотрѣ маслодѣльни въ Курганскомъ уѣздѣ—рублей по 15 въ годъ. Въ настоящее время маслодѣліе распространилось почти повсемѣстно, корма начали дорожать, и сибирскому крестьянину приходится воле-неволей обращать вниманіе на имѣющийся у него на рукахъ скотъ, лучше его кормить и улучшать породу.

Западно-сибирскому маслодѣлію недостаетъ еще главнаго: хорошей коровы. Поэтому мѣры къ улучшенію скотоводства здѣсь необходимы и своевременны.

Въ восточныхъ губерніяхъ Сибири правительству также предстоитъ широкая инструкторская дѣятельность, главнымъ образомъ, по маслодѣлію. Мясное скотоводство едва ли имѣетъ большую будущность и въ Восточной Сибири; вѣроятно, оно должно будетъ уступить и здѣсь мѣсто молочному скоту. Высокая цѣнность масла, въ сравненіи съ мясомъ, при маломъ объемѣ товара, большая легкость его сохраненія, потребность въ маслѣ дальневосточныхъ окраинъ, высокія цѣны здѣсь на молочные продукты, наконецъ, спросъ на масло для экспорта въ китайскіе и японскіе порты, населенные европейцами и получающіе масло изъ Австраліи и Новой Зеландіи,—все это, вмѣстѣ взятое, создаетъ благоприятныя условія для развитія молочнаго хозяйства въ средней Сибири и за Байкаломъ.

Если сибирскому маслодѣлію недостаетъ хорошей коровы, то недостаетъ ему еще и свиньи—обычнаго спутника маслодѣлія. Отбросы маслодѣльныхъ

Необходимость
улучшенія породы
молочнаго скота
въ Западной Си-
бири.

Будущее маслодѣ-
лія и скотоводства
въ Восточной Си-
бири.

заводовъ—снятое молоко и пахта—великолѣпный кормъ для свиней. Поэтому, гдѣ развивается маслодѣліе, обычно слѣдомъ за нимъ идетъ и разведеніе свиней. Такъ было въ Даниі, Австраліи, Америкѣ, такъ это начинается быть и въ Сибири. Пока свиньи успѣшно разводятся въ Тобольской губерніи, Курганскомъ уѣздѣ—центрѣ маслодѣлія. Здѣсь этому данъ былъ толчекъ одной датской фирмой; дѣло двинулось быстро, и въ прошломъ году крестьяне Курганскаго уѣзда выручили отъ продажи свиней уже болѣе 400 тысячъ рублей.

Вотъ то новое богатство, вливающееся въ Сибирь вмѣстѣ съ культурой ея дикихъ пространствъ, которое идетъ на смѣну исчезающимъ богатствамъ дикой первобытной природы, питавшимъ здѣсь охоту и пушной промыселъ. Одно стоитъ другого, и въ недалекомъ будущемъ, вѣроятно, оправдается старое предсказаніе академика Бера, что торговля свиной щетиной окажется для Сибири выгоднѣе, чѣмъ торговля соболями и другими мѣхами.

Крупнымъ дѣломъ обѣщаетъ также въ Сибири стать овцеводство. Въ послѣдніе годы „переселеніе овецъ“ изъ Европейской Россіи въ Азіатскую стало предметомъ настойчивыхъ стремленій овцеводовъ. Тонкорунное овцеводство быстро идетъ у насъ на убыль. Еще въ восьмидесятыхъ годахъ меринсовыхъ овецъ считалось въ Россіи 15 милліоновъ штукъ, а къ 1906 году ихъ осталось всего 6 милліоновъ. Усиленный притокъ населенія на югъ и открытія новыхъ желѣзнодорожныхъ путей вызвали вздорожаніе земельныхъ цѣнъ, развитіе хлѣбопашества и обращеніе прежнихъ овечьихъ пастбищъ въ пшеничныя поля. Паденіе овцеводства, начавшись съ южнаго и новороссійскаго районовъ, затѣмъ перешло и на Сѣверный Кавказъ. Въ Крыму за время съ 1900 по 1907 годъ овцеводство сократилось на двѣ трети. На Сѣверномъ Кавказѣ за одинъ 1908 годъ овцеводы перерѣзали на мясо пятую часть своихъ тонкорунныхъ овецъ—болѣе 400 тысячъ штукъ. Сократилось и общее количество всѣхъ простыхъ овецъ. Вслѣдствіе этого вывозъ отъ насъ шерсти упалъ съ 2½ милліоновъ пудовъ до 800 тысячъ пудовъ, а ввозъ увеличился съ ½ милліона пудовъ почти до 2½ милліоновъ пудовъ. Стоитъ это Россіи до 35 милліоновъ рублей въ годъ. Также упалъ вывозъ бараньяго сала: съ 1½ милліона пудовъ до 14 тысячъ; ввозъ сала поднялся съ 57 тысячъ пудовъ до 3 съ лишнимъ милліоновъ пудовъ—на 5 милліоновъ рублей ежегодно. Увеличился ввозъ сырыхъ кожъ и пр. Такимъ образомъ, въ этомъ дѣлѣ изъ крупнаго поставщика Россія незамѣтно превратилась въ крупнаго потребителя.

Вся ежегодная дань, платимая нами теперь скотоводамъ Австраліи, превышаетъ 51 милліонъ рублей. Отъ этой дани можетъ освободить Россію

Овцеводство.

только Сибирь. И въ этомъ дѣлѣ уже не только не можетъ быть рѣши о какомъ-либо соперничествѣ между Сибирью и коренною Россіей (какъ въ вопросѣ о вывозѣ сибирскаго хлѣба), но, напротивъ того, Сибирь какъ бы призвана смѣнить Европейскую Россію.

Степное овцеводство, по мѣрѣ надвиганія зернового хозяйства, вынуждено отступать все далѣе на востокъ, гдѣ есть еще для аренды дешевыя земли. Первые земли были арендованы въ Сибири овцеводами по $\frac{1}{2}$ копѣйки съ десятины. Теперь цѣна уже дошла до 30 копѣекъ, но и это, конечно, гроши—даже по сравненію съ дешевыми австралійскими пастбищами.

Пока, однако, передвиженіе овечьихъ стадъ въ Сибирь не приняло еще широкихъ размѣровъ—отчасти изъ-за высокаго желѣзнодорожнаго тарифа на перевозку овецъ (4 рубля съ головы), главнымъ же образомъ, потому, что раньше и впереди овецъ сюда пришли люди—и всѣ свободныя казенныя оброчныя статьи въ киргизской степи отдавались въ первую очередь, конечно, переселенцамъ.

Въ будущемъ овцеводство должно развиваться въ Сибири. Относительно облегченія условій перевозки овецъ внесено уже законодательное представленіе въ Государственную Думу. Намѣчено перенесеніе въ Омскъ овчарни меринсовъ изъ Харькова. Что же касается главнаго—распределенія земель въ киргизской степи между людьми и овцами, то здѣсь общая линія размежеванія намѣчается сама собой: она должна пройти по грани между полосой сѣверныхъ ковыльныхъ степей и южныхъ полынныхъ. Ковыльные степи, лучшія для земледѣлія, неудобны для овцеводства; жесткое ковыльное сѣно ранитъ нѣжныхъ тонкорунныхъ овецъ, вызывая нагноеніе и порчу руна. Наоборотъ, полынѣ—признакъ, не обещающій многого земледѣльцу, но прекрасный кормъ для овецъ; да и зима въ южныхъ полынныхъ степяхъ короче, овца почти круглый годъ здѣсь на подножномъ корму.

Думается, что овцеводы не напрасно надѣются на Сибирь. Сто лѣтъ тому назадъ, при Императорѣ Александрѣ I, когда Сибирь впервые была объявлена „Перу и Мексикой нашей“, въ модѣ были фантастическіе проекты разведенія на югѣ Сибири кашмирскихъ козъ. Нашему практическому времени, можетъ быть, удастся осуществить перенесеніе въ Сибирь тонкоруннаго овцеводства.

Изъ мѣстныхъ киргизскихъ овецъ можетъ, по заключенію специалистовъ, путемъ подбора и „улучшенія въ себѣ“, выработаться хорошая мясная порода. Киргизскій рогатый скотъ представляетъ порядочный матеріалъ, какъ рабочій и, отчасти, какъ мясной скотъ.

Особенно хороши киргизскія верховыя лошади, если только удастся оставить, путемъ подбора рослыхъ мѣстныхъ производителей, ихъ измѣнѣніе. Кромѣ того необходимо сберечь и улучшить знаменитую нѣкогда по своей выносливости томскую лошадь, попавшую даже въ гербъ Томской губерніи; это должно составить одну изъ главнѣйшихъ задачъ Кузнецкой казенной конюшни.

Наконецъ, одной изъ насущныхъ нуждъ сибирскаго скотоводства является лучшая постановка здѣсь ветеринарной помощи, безъ чего не только трудно ожидать развитія такой важной для всякаго скотовода операціи, какъ страхованіе скота, но невозможна и борьба съ губельными для скотоводческаго хозяйства эпизоотіями.

Главнымъ препятствіемъ развитію ветеринарнаго дѣла оказывается недостатокъ у насъ вообще и совершенное отсутствіе въ Азіатской Россіи учебныхъ заведеній для подготовки ветеринаровъ. Учрежденіе Ветеринарнаго Института въ Омскѣ должно быть признано неотложнымъ.

Всѣ эти вопросы невидные, негромкіе, но очередные и важные для Сибири, и здѣсь много еще непочтой работы.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Главные нужды Сибири.

Общее впечатлѣніе, оставленное въ насъ поѣздкой,—быстрый и прочный ростъ Сибири. Недаромъ сибиряки такъ хлопчутъ о скорѣйшемъ устройствѣ въ Омскѣ первой западно-сибирской выставки; осуществленію этой мысли нужно помочь. Сибири, дѣйствительно, есть что показать, и ей давно пора сдѣлать смотръ собственнымъ силамъ.

Быстро перерастая прскнія готовыя мѣрки и представленія о ней, Сибирь и—важнѣйшее въ ней—переселенческое дѣло требуютъ для своего развитія широкихъ и энергичныхъ мѣръ государственной власти.

При этомъ въ ближайшіе годы и переселенческая политика и общаѣ наша экономическая политика въ Сибири должны быть основаны на признаніи той истины, что Сибири еще на много лѣтъ предстоитъ быть страной, главнымъ образомъ, сельско-хозяйственной, добывающей и поставляющей на міровой рынокъ сырье. Какъ ни желательно широкое развитіе въ Сибири обрабатывающей промышленности, но, повидимому, тамъ нѣтъ еще налицо тѣхъ главныхъ условій, безъ которыхъ обрабатывающая промышленность не можетъ получить широкаго значенія: нѣтъ крупныхъ и пред-

Коллеводство.

Ростъ Сибири.

Обрабатывающая промышленность.

примчивых капиталов, подготовленного рабочего класса, достаточных рынков сбыта.

При общей зажиточности сибирского населения, в нем, по свидетельству местных представителей торгового класса и банковых деятелей, сравнительно слабо идет накопление крупных капиталов, да и те, которые есть, отвлечены торговлей и простейшими отраслями промышленности. При верных выгодах, какие приносят в Сибири снабжение местного населения продуктами фабрично-заводской промышленности Европейской России, свободные капиталы уходят на посреднические операции, облегчаемые к тому же кредитом. В области промышленности замечается прилив капиталов, главным образом, в предприятия, не требующие больших затрат на оборудование, технически простые и обеспеченные верной прибылью. Такими предприятиями являются в Сибири мукомольные мельницы, винокуренные и отчасти кожевенные заводы. Другие отрасли промышленной деятельности почти не привлекают сибирских промышленников.

Нить здесь еще, несмотря на высокий уровень заработной платы, и достаточного класса подготовленных рабочих, отвлекаемых земельным простором.

Вообще—слишком велики и не использованы еще природные богатства Сибири; надо сначала их отвлечь и использовать, поднять доходность сельского хозяйства, горного промысла (дающего теперь заработок на всем громадном пространстве от Урала до Тихого океана только 50—60 тысячам человек рабочих) и не идти на первое время дальше простейшей переработки сельско-хозяйственного сырья. Только как *спутник* поднявшейся доходности сельского хозяйства, горных и лесных промыслов и увеличившейся плотности населения может явиться здесь обрабатывающая промышленность. В ближайшее десятилетие она будет иметь, вероятно, лишь местное значение.

На мировом рынке Сибирь первоначально может получить значение только как свежая страна сырья и вывоза.

Поэтому необходимо в первую очередь развивать в Сибири сельское хозяйство и добывающую промышленность, обеспечить широкий приток туда населения, и не только земледельческого, но вообще рабочего.

За последнее время в сплошной, однообразной массе земледельческого переселения в Сибирь начинают уже проскальзывать и другие, пока еще слабые струйки. Кроме переселенцев-пахарей, за Уралъ проникают переселенцы-работники из деревень, мелкие ремесленники и торговцы из

городов. Это—явление сравнительно новое в русской жизни, для Сибири оно благоприятно и его нужно поддерживать. Кроме известного действующему закону переселения „крестьян и мещан-земледельцев“, необходимо шире допустить приток на окраину русских людей и из числа ремесленников, торговцев, горнорабочих, хотя бы они и не принадлежали только к сословиям крестьян или мещан. Облегчение приписки их к городам и селениям Сибири, облегчение и даже организация рабочего движения за Уралъ составляют теперь очередные задачи в переселенческом деле.

Но, принимая в этом направлении непосредственные практические меры, нужно помнить, что жизнь идет быстро вездѣ в Россіи, а за Уралом, быть может, в особенности. Заботы об отдельных переселенцах, об отдельных частностях, неизбежны и полезны на своем месте, не могут замѣнить общаго плана и творческой работы по обеспечению *основных* условий здоровой экономической жизни в обширной стране, которая, превосходя пространством и природными богатствами цѣлыя отдѣльныя государства, является единственной русской колоніей. Для всего этого мало той мелочной, хотя бы усердной и кропотливой работы, какою занята переселенческая организация,—надъ улучшеніем отдельных условий передвижения, водворения и хозяйства переселенцев в Сибири. Конечно, и в этой области многое остается еще не сделанным, многое требует поправок и дополнений. В переселенческом деле сразу замѣтно немало изъянов и недочетов. Но иначе и быть не может: переселение, в его будничном обиходе, дело сѣрое, непоказное; оно почти не выходит изъ круга тяжелых забот деревенской нужды. Помогать этой нужде—задача нелегкая. То, что можно сдѣлать въ условіяхъ настоящего времени, крестьянскаго быта, сибирской глуши и сравнительно небольшихъ средствъ, отпускаемыхъ по переселенческой сметѣ, дѣлается и теперь. Но независимо отъ этой мало кѣмъ замѣчаемой повседневной работы, которую в будущемъ необходимо, конечно, значительно усилить, в сибирскую жизнь должны быть внесены и новыя экономическія начала. Каждое изъ нихъ поможетъ правильной постановкѣ переселения, пожалуй, больше, чѣмъ всѣ непосредственныя заботы о частностяхъ переселенческаго дела.

Важѣйшими изъ нихъ являются: 1) право собственности на землю, 2) проведеніе новыхъ желѣзныхъ дорогъ и 3) разнообразіе сельско-хозяйственного промысла. О послѣднемъ сказано уже выше.

Необходимость-
расширить осно-
ванія переселенче-
ской политики.

Сибирь — страна
сырья и вывоза.

Переселение рабо-
чихъ, мелкихъ ре-
месленниковъ и
торговцевъ.

Значение собственности на землю в Сибири.

Право собственности на землю должно послужить главным залогом поднятия производительности крестьянских хозяйств и обновления переселенческого дѣла. Но Сибири нужна и не одна только мелкая крестьянская собственность. Необходимо также обезпечить переселенцамъ сосѣдство болѣе культурныхъ частновладѣльческихъ хозяйствъ.

Частная собственность.

Сплошь земледѣльская и сплошь крестьянская Сибирь не разовьетъ всѣхъ своихъ производительныхъ силъ; для этого необходимо взаимодействие различныхъ отраслей сельскаго хозяйства, обмѣнъ и даже соперничество между ними. Кромѣ прилива на окраину мускульнаго труда, необходимо и приливъ туда капиталовъ. Даже въ области собственно земледѣлія полезно появленіе, среди мелкихъ единоличныхъ владѣній, хозяйствъ болѣе крупнаго промышленнаго типа, обычно улучшающихъ сѣвооборотъ, повышающихъ урожайность и дающихъ заработокъ нуждающемуся въ деньгахъ крестьянскому населенію. Еще болѣе необходимо образованіе сравнительно крупныхъ владѣній для успѣшнаго развитія другихъ отраслей сельскаго хозяйства, въ частности овцеводства. Наконецъ, частная собственность на землю является неперемѣннымъ условіемъ развитія, хотя бы въ небольшихъ размѣрахъ, промышленности и торговыхъ центровъ.

Въ настоящее время невозможность купить, для устройства каковаго-нибудь торговаго и промышленнаго предпріятія, подходящій участокъ земли у казны и трудность добиться долгосрочной аренды его отъ крестьянъ служатъ часто непреодолимымъ препятствіемъ для возникновенія предпріятія.

О томъ, въ какіе тиски попадаетъ иногда человѣкъ, затѣявшій въ Сибири торговое или промышленное дѣло и соорудившій необходимыя для него постройки на чужой крестьянской землѣ, купить которую онъ не имѣетъ права, — въ Сибири можно услышать немало почти трагическихъ по своей внутренней правдѣ разсказовъ. То же отсутствіе права собственности сильно задерживаетъ, по всеобщимъ заявленіямъ мѣстныхъ людей, развитіе такихъ торгово-промышленныхъ поселеній, какъ Камень, Тайга, Воготоль.

Поэтому законъ 8 іюня 1901 года — о насажденіи въ Сибири частной собственности на землю — необходимо возможно скорѣе провести въ жизнь, пересмотрѣвъ его и устранивъ изъ него всѣ сложныя формальности и словесныя ограниченія.

Съ развитіемъ частной собственности, мелкой и крупной, а съ нею и промышленныхъ предпріятій, связаны еще большій, чѣмъ теперь, ростъ городовъ и городского населенія и расширеніе гражданскаго оборота, увеличеніе обмѣна цѣнностей, количества сдѣлокъ по недвижному и движимому имуществу и всякаго рода договоровъ. Вырастетъ неизбежно и число судебныхъ

ныхъ споровъ. Ко всему этому Сибирь подготовлена недостаточно. Мало того нынѣшнее административное устройство населенныхъ центровъ, средства, которыми располагаетъ мѣстная власть для необходимой охраны правопорядка, особенно въ сельскихъ мѣстностяхъ, и, наконецъ, количество судебного персонала совершенно не приспособлены и къ современнымъ потребностямъ мѣстной жизни, а не только къ предстоящему ея развитію.

Въ устройствѣ мѣстнаго административнаго управленія прежде всего поражаетъ несоотвѣтствіе нынѣшнимъ условіямъ давно устарѣвшаго распредѣленія многихъ мѣстностей Сибири по уѣздамъ, а уѣздовъ по губерніямъ. Установленные до проведенія Великаго Сибирскаго пути, создававшіе новые промышленные центры и рѣзко измѣнившіе ранѣе сложившуюся схему заселенія Сибири, нынѣшнія границы между уѣздами, а также между губерніями и областями въ Азіатской Россіи, какъ, впрочемъ, и во многихъ частяхъ Европейской Россіи, не отвѣчаютъ болѣе требованіямъ правильнаго порядка управленій. Въ противность этимъ требованіямъ онѣ связываютъ мѣстности, по экономическимъ, этнографическимъ и географическимъ условіямъ совершенно разнородныя и не тянущія къ одному губернскаму центру. Акмолинская область, напримѣръ, когда-то исключительно киргизская, включаетъ въ себѣ теперь, вмѣстѣ съ южными мало заселенными и почти сплошь киргизскими уѣздами, такіе ставшіе русскими уѣзды, какъ Петропавловскій, Кочетавскій и частью Омскій. Но въ составъ ея не входятъ подчиненные далекому Тобольску Курганскій и Ишимскій уѣзды, южныя части которыхъ вполне схожи съ сѣверомъ киргизской степи. Мало того, къ Тобольской же губерніи относится и начинающійся у границы Омской городской земли Тюкалинскій уѣздъ, всѣ интересы котораго такъ связаны съ Омскомъ, что здѣсь пришлось сосредоточить заведеніе всѣми переселенческими участками и переселенцами Тюкалинскаго уѣзда. Назрѣваетъ вопросъ о пересмотрѣ границъ и Томской губерніи, гдѣ, напримѣръ, часть Змѣиногородскаго уѣзда въ полицейскомъ отношеніи подвѣдома Семипалатинскому Губернатору, а во всѣхъ прочихъ отношеніяхъ подчинена Томской губерніи, и гдѣ имѣется такой уѣздъ, какъ Барнаульскій, самъ по себѣ вполне достаточный для образованія въ немъ особаго губернскаго центра. Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ, а ихъ немало, измѣненія границы губерній представляются въ интересахъ надлежащаго порядка управленія весьма цѣлесообразными.

Вопросы мѣстнаго управленія.

Тѣ же интересы лучшаго обезпеченія безопасности и порядка вызываютъ преобразованіе многихъ селъ въ города. Число поселеній, имѣющихъ совершенно городской характеръ, въ Сибири быстро растетъ уже и теперь,

преодолевая всё существующія къ этому препятствія—невозможность покупки усадебныхъ участковъ неприписанными къ мѣстному обществу лицами и отсутствие особой выгонной земли,

Села Камень, Татарка, Тайга, Боготолъ и многія другія торговыя поселенія при станціяхъ и пристаняхъ давно и настойчиво ходатайствуютъ о преобразованіи ихъ въ города.

Всѣ эти просьбы слѣдуетъ удовлетворить, не выжидая, пока распутаются взаимныя отношенія по землѣ хозяевъ земли въ этихъ селахъ—надѣльныхъ владѣльцевъ—и всего приплага торговаго люда; надо озаботиться отводомъ пня, гдѣ и сколько окажется возможнымъ, казенной земли подъ „городъ“ и ввести у нихъ упрощенный типъ городского управленія. Вопросъ этотъ будетъ незамедлительно рассмотрѣнъ Совѣтомъ Министровъ.

Но не только въ этихъ болѣе или менѣе значительныхъ населенныхъ пунктахъ Сибири, а и во всѣхъ поселеніяхъ—безъ различія, городской или сельскій характеръ приданъ имъ жизнью—сказывается насущная потребность въ болѣе надежномъ обезпеченіи общественной безопасности и охраны правъ.

Въ этомъ отношеніи особенно важенъ недостатокъ мировыхъ судей, участки которыхъ безмѣрно велики. Къ тому же судьи несутъ здѣсь и обязанности судебныхъ слѣдователей, а часто и младшихъ нотаріусовъ. Въ самомъ близкомъ будущемъ разьединеніе этихъ функцій совершенно необходимо. Да и теперь во многихъ случаяхъ разслѣдованіе преступленій, какъ мы неоднократно могли убѣдиться на мѣстѣ, крайне замедляется, внушая мысль о безнаказанности совершенныхъ дѣяній. Еще чаще замедляется приведеніе въ исполненіе судебныхъ приговоровъ и рѣшеній по гражданскимъ дѣламъ.

Все это объясняется и ощутительно недостаточностью исполнительныхъ органовъ административной и судебной власти—полиціи. Между тѣмъ въ Сибири есть мѣстности, гдѣ на чиновъ полиціи возложены до сихъ поръ и судебно-мировыя обязанности. Въ отношеніи полиціи наименѣе благоустроены Степная область. Въ Акмолинской области, пространствомъ превосходящей Францію и мѣстами удваивающей свое населеніе въ нѣсколько лѣтъ, при 5 начальникахъ уѣздовъ и 5 помощникахъ—всего 20 низшихъ полицейскихъ служителей и 61 конно-полицейскій урядникъ, но до сихъ поръ не имѣется полицейскихъ становъ и приставовъ. Въ Семипалатинской области полиціи еще меньше. Немногимъ лучше обстоитъ дѣло въ Томской и Тобольской губерніяхъ.

Увеличеніе числа мировыхъ судей и введеніе въ Сибирь института су-

дебныхъ слѣдователей, а вмѣстѣ съ тѣмъ и усиленіе полиціи, по всѣмъ этимъ соображеніямъ, представляется неотложнымъ.

Наконецъ, необходимо особо отмѣтить весьма крупный недостатокъ въ устройствѣ внутренняго управленія Сибири—отсутствіе здѣсь земскихъ учреждений. Правда, и многихъ условій, необходимыхъ для введенія земства, въ Сибири пока нѣтъ. Нѣтъ прежде всего собственниковъ земли, на которыхъ возможно было бы возложить и тяготу, и права земскаго самообложенія, нѣтъ и прочно установившагося распредѣленія населенія, безъ чего трудно разсчитывать на правильное выясненіе имъ самимъ мѣстныхъ нуждъ и потребностей. Все здѣсь еще какъ бы въ постоянномъ движеніи, экономическая жизнь только отливается въ новыя формы, еще не сложившіяся и не окрѣпшія достаточно. Но въ будущемъ условія эти должны быстро измѣняться. И когда съ укрѣпленіемъ земли въ собственность старожиловъ и переселенцевъ, появленіемъ тамъ владѣній на „купленной“ землѣ, развитіемъ городской жизни и болѣе плотнымъ заселеніемъ нѣкоторыхъ мѣстностей, періодъ лихорадочнаго распредѣленія земельного запаса между приплымъ людомъ закончится, и самое населеніе, связанное общими интересами, какъ бы кристаллизуется и перестанетъ быть механическою смѣсью чуждыхъ другъ другу выходцевъ изъ Перми, Полтавы и Могилева,—тогда настанетъ пора и для введенія сибирскаго земства. И время это при быстромъ ходѣ заселенія Сибири, надо думать, недалеко.

Новыя желѣзныя дороги въ Сибири—главная нужда. До настоящаго времени экономическая жизнь Сибири стянута въ узкую центральную полосу, прорѣзанную Сибирской желѣзной дорогой. Только теперь начали строить Амурскую дорогу и намѣчается постройка южно-сибирской.

Амурская дорога имѣетъ главной задачей накрѣпко приковать къ Россіи ея дальній Востокъ.

Болѣе скромная по своему политическому значенію южно-сибирская магистраль призвана тѣснѣе связать нашу сибирскую окраину съ мировымъ рынкомъ, дать южнымъ киргизскимъ степямъ, богатымъ хлѣбомъ, скотомъ, золотомъ, мѣдью и каменнымъ углемъ, возможность сбыта этихъ богатствъ.

Въ этомъ отношеніи на южно-сибирскую дорогу возлагаются на мѣстѣ великія надежды,—и можно предсказать, что такихъ надеждъ южно-сибирская магистраль не оправдываетъ: отъ нея ждутъ всего, а она дастъ только многое.

Но она дастъ устойчивость земледѣльческимъ хозяйствамъ въ киргизской степи, обезпечивъ имъ сбытъ хлѣба; она отодвинетъ далеко къ югу линію предѣла производства пшеницы и обезпечитъ выходъ въ первые же

Земство въ Сибири.

Новыя желѣзныя дороги. Южно-Сибирская магистраль.

годы на рынок 58 миллионам пудовъ хлѣбныхъ избытковъ. Если желѣзные дороги Европейской Россіи долгое время питались, по извѣстному выраженію, „крестьянской рожью“, то южно-сибирской магистрали обезпечено въ самомъ началѣ питаніе сибирской пшеницей. Та же дорога облегчитъ развитіе на югѣ культурнаго меринсового овцеводства. Въ настоящее время и овцеводы не рискуютъ забираться въ глушь, за сотни верстъ отъ желѣзнодорожнаго пути: они предпочитаютъ пастбища, хотя бы и менѣе удобныя, зато лежація ближе къ линіи. Продукты овцеводства и скотоводства дадутъ новой дорогѣ, по самому скромному подсчету, 6 миллионновъ пудовъ груза въ первые же годы. Наконецъ, южно-сибирская магистраль дастъ толчокъ развитію мѣдно-плавильнаго дѣла, условія для котораго въ ея районѣ чрезвычайно благоприятны благодаря сосѣдству мощныхъ мѣсторожденій мѣдной руды и залежей каменнаго угля, и вызоветъ къ жизни эксплуатацію богатыхъ мѣстныхъ серебро-свинцовыхъ рудъ. Всего горные промыслы могутъ дать около миллиона пудовъ для вывоза.

Ввозъ продуктовъ, необходимыхъ для киргизскихъ и переселенческихъ хозяйствъ, исчисленъ специальной комиссіей въ размѣрѣ около 30 миллионновъ пудовъ. Такимъ образомъ, безъ грузовъ новая дорога не останется.

Вопросъ о направленіи южно-сибирскаго рельсоваго пути и о пунктахъ примыканія его къ существующей желѣзнодорожной линіи является теперь предметомъ напряженнаго интереса всей Западной Сибири; онъ былъ темой многочисленныхъ совѣщаній нашихъ съ мѣстными людьми.

Новый рельсовый путь слѣдуетъ, прежде всего, вести параллельно существующей Сибирской дорогѣ. Перпендикулярные подъѣзды къ ней не замѣнятъ новой магистрали, ничего не дадутъ для транзита и для передвиженія войскъ, приведутъ къ переобремененію грузами Сибирской дороги и могутъ имѣть второстепенное колонизаціонное значеніе. Между тѣмъ, если будетъ проведена южная магистраль, то можно быть спокойнымъ за то, что обѣ эти магистральныя линіи скоро свяжутся поперечными рельсовыми путями.

Новая параллельная магистраль должна пройти, конечно, южнѣе, а не сѣвернѣе существующей,—ближе къ государственной границѣ и сквозь мѣстности, болѣе привлекающія переселенцевъ. Но при этомъ она должна пройти настолько далеко отъ Сибирской дороги, чтобы не конкурировать съ ней и не обслуживать однихъ и тѣхъ же районовъ. Хозяйство Сибирской дороги теперь упорчилось (за 1909 годъ пассажирское движеніе превзошло 3¹/₂ миллиона человекъ, товарное—310 миллионновъ пудовъ, общая чистая прибыль—3.220 тысячъ рублей); но вѣтъ никакихъ основаній подрывать его

конкуренціей вмѣсто того, чтобы приобщить новой дорогой къ хозяйственной жизни Россіи новые достаточно жизнеспособные районы заселенія.

Этимъ требованіямъ наиболѣе отвѣчаетъ линія *Уральскъ-Семипалатинскъ*, верстахъ въ 400 къ югу отъ существующей дороги.

Западнымъ начальнымъ пунктомъ ея намѣченъ Уральскъ, а не Оренбургъ, по слѣдующимъ главнымъ соображеніямъ. При направленіи на Уральскъ строительная стоимость дороги будетъ почти на 16 миллионновъ рублей меньше; это дастъ ежегодное сбереженіе, въ уплатѣ процентовъ на капиталъ, около 700 тысячъ рублей. Пробѣгъ грузовъ до южныхъ портовъ черезъ Уральскъ короче на 72 версты и, слѣдовательно, дешевле на 1¹/₂ копѣйки съ пуда, это дастъ общую ежегодную экономію, примѣрно, около 300 тысячъ рублей. Кромѣ того Уральское направленіе обезпечиваетъ кратчайшую доставку южно-сибирской пшеницы на поволжскія мельницы и облегчитъ постройку моста черезъ Волгу у Саратова, перешивку Покровско-Уральской линіи на широкую колею и оживленіе дѣятельности Рязанско-Уральской дороги.

Проведеніе южно-сибирской магистрали черезъ Семипалатинскъ наиболѣе желательно въ виду того, что этотъ городъ явится естественнымъ узловымъ пунктомъ и при проведеніи будущей туркестано-сибирской желѣзной дороги. Дальнѣйшій же выходъ изъ Семипалатинска черезъ Алтайскій округъ (Барнауль) на соединеніе съ Сибирской дорогой можно вести, какъ это намѣчено комиссіей о новыхъ желѣзныхъ дорогахъ, на Ново-Николаевскъ—крупный торговый центръ, съ вѣткой на Бійскъ, но еще желательнѣе, если только это не встрѣтитъ техническихъ препятствій, отодвинуть соединеніе двухъ магистралей, по соображеніямъ общегосударственнымъ,—возможно восточнѣе, на примѣръ, къ Ачинску или къ Маринску.

Новый рельсовый путь, долженствующій связать съ Европейской Россіей цѣлый край, примыкающій къ границамъ Монголіи и Китая, несомнѣнно упрочитъ созданіе необходимаго твердаго—изъ живыхъ людей—оплота нашихъ владѣній у этихъ оживающихъ теперь границъ. Нельзя не предвидѣть того значенія, какое можетъ имѣть этотъ путь для Россіи, историческими судьбами призванной охранять занятую европейскими племенами территорію отъ напора стремящихся разлѣться по ней азіатскихъ расъ.

Во всякомъ случаѣ эта желѣзнодорожная линія съ новымъ переходомъ черезъ Волгу дастъ нашимъ войскамъ возможность, минуя однокольный путь черезъ Уралъ, быть въ трудную минуту на мѣстѣ—во время.

Главные выводы.

Общие выводы из полученных во время поездки впечатлений могут быть сделаны, разумеется лишь с величайшей осторожностью. Прежде всего мы видели только Западную Сибирь. Хотя она именно и привлекает к себе главный поток переселенцев и потому имеет в переселенческом деле наибольшее значение, но заключение о положении переселенческого дела в Западной Сибири распространить на всю его постановку, конечно, трудно: наиболее суровые условия заселения на Дальнем Востоке. Там же сосредоточены, очевидно, и главные трудности этого дела. Кроме того, и в Западной Сибири, несмотря на разнообразие посещенных местностей, мы видели не все; мы были лишь на краю тайги, не имея возможности углубиться в нее на многие сотни верст; мы не были на крайнем сухом юге киргизских степей.

Однако, и в этих условиях общая картина всего нами виденного далеко не однообразна. Наряду с явлениями положительного характера мы не могли не заметить слабых сторон и отдельных случаев, свидетельствующих о недостатках в постановке дела.

Поданные нами и словесно заявленные прошения и жалобы переселенцев говорили о том, сколько еще на месте неудовлетворенной по тем или иным причинам переселенческой нужды, и с какими жертвами для отдельных единиц творится большое государственное дело заселения новых земель. Много, конечно, объясняется и недостатками в постановке дела, многое — ошибками и недосмотром учреждений и лиц, его ведущих.

Но все эти частности имеют меньшее значение и легче поддаются исправлению, чем коренные условия, определяющие самый ход переселенческого дела. В этом отношении мы не могли не вынести общего впечатления, что если работа правительственной организации переселения во многом несовершенна и не всегда отвечает предъявляемым жизнью требованиям, то самое дело переселения и постепенного приобщения к русской культуре новых пространств, как проявление творческих народных сил, совершается с непоколебимой твердостью и как бы стихийной неизбежностью; малолюдная Сибирь быстро оживает и кривнет.

И это — самое важное.

Ознакомление на месте с этими общими условиями переселения, — а не ревизия деятельности переселенческих учреждений, производившаяся нами

лишь попутно, — и было главной целью поездки. К этой же стороне дела приурочены илагаемые ниже главные выводы, наметившие ряд основных мероприятий, в первую очередь необходимых, по нашему убеждению, для улучшения и упорядочения переселения.

1. *Необходимо отводить надельные старожилам и переселенцам Сибири не в пользование, как теперь, а в собственность.* Только право собственности на землю даст прочность крестьянским хозяйствам и послужит основанием для последующего правильного разграничения земель между отдельными владельцами. Вместе с тем собственность и связанная с нею свобода распоряжения землей значительно облегчат последующий переход части надельных земель, отделившихся до сих пор с чрезмерной щедростью, так что владельцы не могли обработать и половины своих обширных надельных земель, в руки новых пришельцев. Это поднимет и общий уровень использования производительных сил Сибири.

2. *Необходимо достигнуть постепенного объединения правительственной земельной политики до Урала и за Уралом.* С этой целью необходимо последовательно проводить, по возможности при самом отводе надельных переселенцам и старожилам Сибири, начало покровительства *мелкой единоличной собственности на землю.*

Вместе с тем, необходимо теперь же развить и упорядочить начавшееся в Сибири, по почину самого населения, дело внутринадельного размежевания на землях, уже отведенных в надел старожилам и переселенцам в прежнее время.

3. *В лучших сибирских районах — своевременно перейти к продаже земель переселенцам.* Нельзя по всей Азиатской России отводить и лучшие и худшие земли одинаково даром. Нужно сообразовать условия получения участков с трудностями их заселения и с различными естественными и экономическими свойствами отдельных сибирских районов. Правильная расценка и продажа лучших земель, при одновременном усилении правительственной помощи в суровых местностях — наиболее верное средство достигнуть планомерного и прочного заселения Сибири.

Продажу участков казенной земли переселенцам в Азиатской России следовало бы производить на льготных началах, применительно к правилам Крестьянского Банка, соответственно дополнив рассматриваемый теперь в законодательных учреждениях Указ 27 Августа 1906 года о предоставлении для устройства крестьян казенных земель в Европейской России.

4. *Желательно возстановить свободу хождения, так как приемы искусственного ограничения хождения и предварительного распределения участков между ходаками, как показал опыт, не достигают цели.*

Вместе с тем желательно сохранить льготы по железнодорожному проезду переселенцев и ходоков, сообразовать размеры этих льгот с различием условий выхода и водворения переселенцев в отдельные местности.

5. *Денежные ссуды переселенцам на домообзаводство слдует сообразовать не с большей или меньшей бедностью отдельных переселенцев, которая не поддается учету, а с большей или меньшей трудностью заселения данного района.* Допускаемые теперь размеры ссуд (не выше 165 рублей на семью) в тайге недостаточны, тогда как на Алтае чрезмерны. Действующий ссудный закон необходимо изменить, основать его на мысли о порайонных нормах денежных ссуд и приблизив условия выдачи ссуд к действительным условиям водворения (расчетка тайги и пр.).

6. *Необходимо создать и развить агрономическую помощь переселенцам.* В новых, непривычных условиях переселенцы часто беспомощны; нужно помочь им выяснить наиболее подходящие и выгодные для каждой местности отрасли земледельческого и вообще сельскохозяйственного промысла и развивать в Сибири не одно только земледелие, но и скотоводство, овцеводство, культуру промышленных растений.

Для правильной постановки агрономической помощи настоятельно требуется скорейшее открытие на месте, в Сибири, сельскохозяйственных учебных заведений, которые могли бы готовить нужных деятелей. Кроме того, действительного успеха агрономических мероприятий можно ожидать лишь в связи с развитием среди переселенцев и старожилов Сибири начал правильного развращения и единоличного владения землей, как необходимой основы прочных улучшений в хозяйствах.

7. *Рядом с мелкими крестьянскими владениями надлежит обезпечить образование за Уралом также частной земельной собственности.* Мысль эта была уже выражена в законе 8 июня 1901 года, не получившем однако применения. Между тем потребность в образовании частновладельческих хозяйств в Сибири становится все более настоятельной. Соседство более крупных и более культурных хозяйств, чем обычные переселенческие, может помочь общему поднятию сельского хозяйства за Уралом, внести в него разнообразие и

улучшенные приемы и дать крестьянскому населению подсобные заработки. Кроме того, развитие частной собственности имеет и общее культурно-политическое значение; оно может дать приток сюда свежих сил, образованных и предприимчивых деятелей, без которых едва ли мыслимо правильно поставить и земское и городское хозяйство.

8. *Слдует продолжать непрерывное заселение киргизской степи русскими переселенцами,* как путем предварительного землеустройства киргиз, желающих перейти к оседлости, так и путем изъятия земельных излишков у киргиз, не получивших оседлого устройства, и облегчением аренды киргизских земель переселенцами: — от широкого прилива в степь русских переселенцев выигрывают и переселенцы, и киргизы, и самая степь, и русская государственность.

9. *Нужно озаботиться обезпечением сбыта сибирскому хлебу и другим продуктам сибирского хозяйства.* С этой целью желательно: 1) провести южно-сибирскую магистраль Уральск—Семипалатинск, с выходом на Ачинск или на Ново-Николаевск; 2) связать водным каналом (Чусовая—Рышетка) и шлюзованием рек бассейны Камы и Иртыша, и 3) постепенно отменить Челябинский перелом тарифа.

Сбыту сибирского хлеба на Дальний Восток могло бы также помочь при предстоящем пересмотре торговых договоров с Китаем *обложение ввозною пошлиною маньчжурского хлеба.* Еще большее значение имеет эта мысль бы для развития хлебопашества в самом Приамурье и ближайших к нему местностях Восточной Сибири; между тем создать выгодность там земледельческого промысла — единственный способ привлечь туда широкий поток переселенцев и прочно закрепить за ними эту окраину.

10. *Необходимо вообще расширить и углубить постановку переселенческого дела,* привести силы переселенческой организации в соответствие с государственным значением прочного заселения Сибири и, в связи с этим, усилить и кредиты переселенческой суммы.